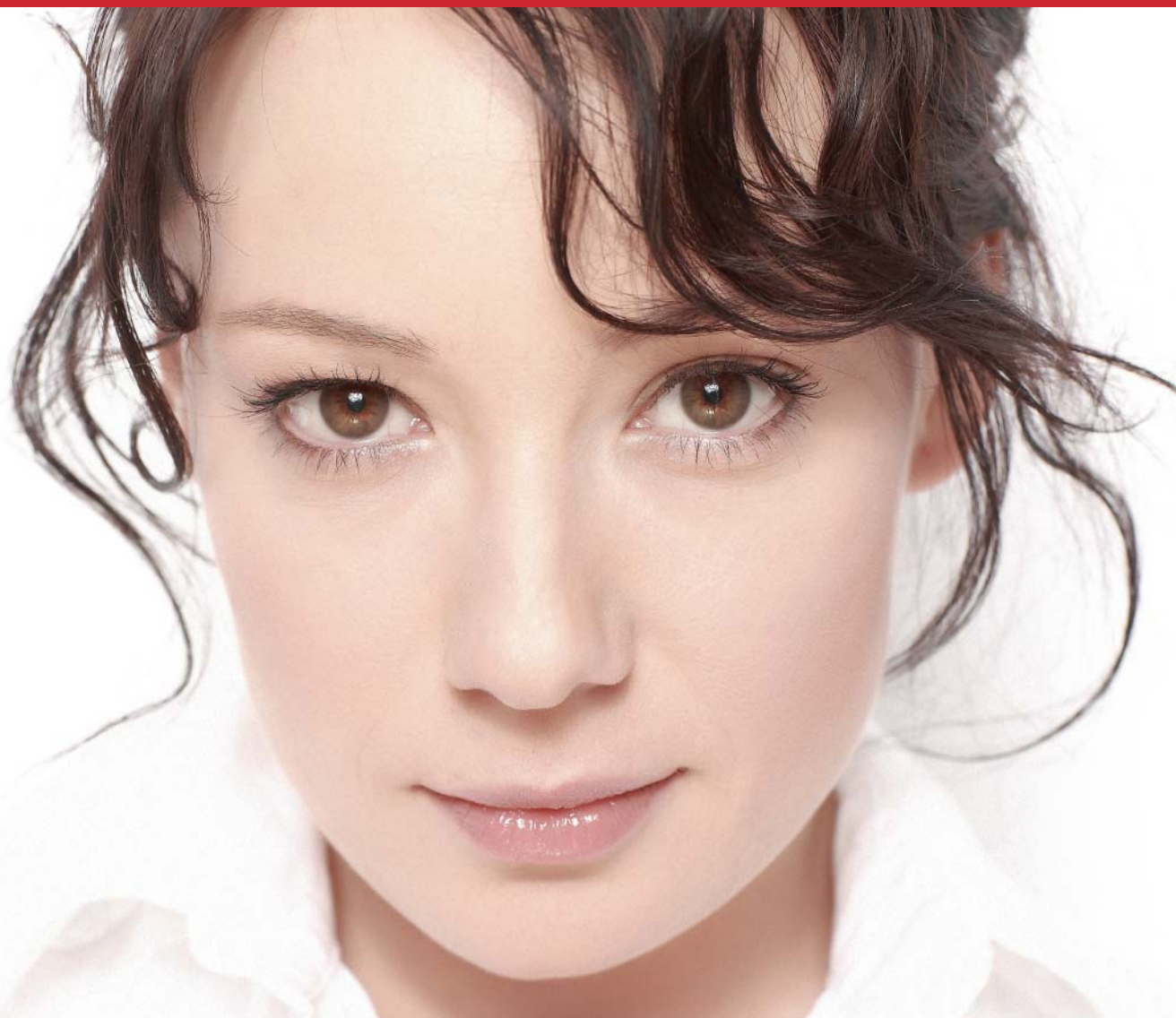

STORY

июль '16
№ 7 (93)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Чулпан Хаматова: «Я каждый вечер обнажаю душу на сцене, так почему я не могу обнажить тело?»

Чулпан Хаматова

Мечта ветеринара, дававшего за красавицу 60 баранов и полторы коровы

Писатель Довлатов
*и его коротко стриженная,
миловидная крепость*

Туркменбаши Ниязов
*Озолотивший страну
и повернувший время вспять*

Художник Шемякин
*Секретарь или муза
на роль возлюбленной?*

16+

Volkswagen Jetta Allstar.

Заведи свою звезду

Узнай свое преимущество в Атлант-М!

ГАРАНТИЯ
3²+12³

Реклама

Лобовое стекло с электрообогревом

Светодиодные задние фонари

Обновленный дизайн интерьера

Биксеноновые фары со светодиодными огнями

Аудионавигационная система Discovermedia⁴ с функцией App Connect⁵ и камерой заднего вида

Специальная версия Volkswagen Jetta Allstar⁶.

Новый стильный дизайн, смелый цвет Ruby Red⁷ и расширенный пакет опций.

Теперь в вашем полном распоряжении — собственная и такая яркая звезда!

¹Volkswagen* — Официальный спонсор Сборной России по футболу

*ООО «ФОЛЬКСВАГЕН Груп Рус»

²Гарантия 3 года или 100 000 км. ³Гарантия 12 лет против сквозной коррозии кузова. Гарантии 3 года и 12 лет не суммируются. ⁴Дискавермедиа. ⁵Апп Коннект. ⁶Оллстар. ⁷Руби Ред. Реклама

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen **Автоцентр Атлант-М**

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

Об отдыхе

Каждое лето, собрав в охапку меня, сестру и чемоданы, родители отправлялись куда глаза глядят. Причём однажды – в самом прямом смысле этого выражения, – не доехав до конечного пункта, неожиданно вышли на случайном черноморском полустанке. Покорили родителей не открыточные виды, а слонившаяся вдоль моря бродячая стая чистокровных пойнтеров и сеттер-гордонов. «До войны у князя псарня была. Это потомуки», – объяснил невозмутимый армянин, у которого мы сняли комнату.

Невозмутимого армянина все звали Ной. Потому что жившие в этих краях народы сошлись в его семье в причудливой, особенно сегодня, комбинации: жена – абхазка, невестка – русская, зятя – грузин, осетин и еврей. До большой крови, которая тут прольётся, оставалось десятилетие, а пока она била фонтанами лишь в рассказах старожилов о кровной мести да на железнодорожных путях, вдоль которых тянулась наша улица. Чуть ли не ежедневно под колёсами проходящих поездов гибли заблудшие Анны – так здесь называли расстававшихся с жизнью то ли по глупости, то ли по курортной беспечности свиней, что указывало на знание русской классики их хозяев. И тогда вечером в дверном проёме образовывался Ной с деревянным жбаном в руках и выразительно смотрел на папу: «Ещё одна Анна... того... Шашлык кушать будете?» – и призывно стучал по деревянному жбану.

Однажды Ной появился против обыкновения с утра. Мы собирались на пляж. Помолчал для приличия, весомо обронил: «Автандила спасать будете?» Автандил – это сосед Ноя, «хороший человек, сидел...» – так охарактеризовал его наш

хозяин, когда переодевавшаяся мама обнаружила в окне два искрящихся мужских глаза.

Операция по спасению Автандила привела в суд Ноя, его жену, их сына, дочерей, невестку, зятьёв, и в придачу нашу, никогда ни в чём подобном не участвовавшую семью. Начальника отдела сбыта чаеразвесочной фабрики обвиняли в том, что ради личной выгоды он снова подмешал в сортовой чай сено. Автандил отрицал только личную выгоду, при упоминании же сена застенчиво тупился. Слово попросил Ной: «Товарищи, Автандил не виноват. Он – жертва истории. В наших краях чай никогда не сажали, да, Миша? – Ной искал подтверждения своей правоты у моего отца как у лица незаинтересованного. – Последний царь Николай так и сказал: нельзя из нас делать колонию! Мы – не Индия, а Россия – не Англия. А вот Сталин велел сажать, да, Миша?» По всему выходило, что только этот политический кунштюк и сделал Автандила рецидивистом...

С тех пор прошла целая жизнь, и, к сожалению, не одна... Но я всегда буду благодарна родителям, потащившим нас в тот жаркий день вместо пляжа в душный зал суда, чтобы мы почувствовали разницу – между возможностью прожить, пусть и недолго, ещё одну, незнакомую, но увлекательную жизнь, и банальным ничегонеделаньем на пляже, о котором забываешь сразу же по возвращении домой.

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

Главный редактор

Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Редактор Наталья Смирнова

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работала

Лилия Гущина, Максим Кантор, Ирина Кленская, Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко, Лариса Максимова, Александр Никонов, Илья Носырев, Валерий Попов, Инна Садовская,

Игорь Свиаренко, Ольга Филатова,

Татьяна Филиппова, Кристина Французова-Януш

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузов

Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3

тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгззин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),

Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Алина Топорнина

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе

по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи

и охраны культурного наследия в 2013 г.,

свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269

от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»

Распространяется по всей территории России

Тираж 219 300 экз. Цена свободная

Выход в свет 22.06.2016 года

Фото на обложке:

Михаил Королёв

Редакция журнала не несёт ответственности за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов

и их фрагментов возможно только с письменного разрешения ООО «Стори мэгззин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Июль

В этом месяце дочь Пушкина наконец-то породнила поэтов с царями, итальянцы зря побеспокоили прах Моны Лизы, а настоящий латинский мацо проник в СССР

10 Однажды...

Актёр Виктор Сухоруков осознал, чем чревато близкое знакомство с кумиром

14 Кто придумал... Вылечить рассеянный склероз

Живёт человек в большом городе, вечера коротает на диване, в магазин ездит на машине. И тут к нему подкрадывается склероз. За что? Почему? Что делать?

18 Викторианский период. Виктория Токарева Невезучий Борис

22 Между прочим. Татьяна Устинова Маленькая собака

24 Линия отрыва. Вера Павлова Эстафета цветения

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

26 Обстоятельства жизни. Отшельник

Писатель Михаил Тарковский живёт на Енисее и промышляет в тайге. А мог бы по Арбату прогуливаться. Что, цивилизация не нравится?

32 Чудные люди. Две жизни

У Ирины Ясиной жизнь разделилась надвое, когда она узнала, что безнадежно больна. Но «здоровую», лучшую половину своей жизни она вспомнить не любит. А почему?

36 Отпечатки. Калейдоскоп

Иракий Квирикадзе – о силе любви. Как ради Чулпан Хаматовой возвели город в Таджикистане

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

50 Мой... Тургенев

Оказывается, пение может быть наркотиком, и таким наркоманом был Иван Сергеевич Тургенев, считает режиссёр Сергей Соловьёв. Правда, была всего одна певица, без звуков голоса которой он жить не мог, и звали её...

56 Притча. Король-солнце

Чтобы стать героем, первый президент Туркмении отлил себе золотую статую, запретил балет, Интернет и... превратился в имя нарицательное. Разве это не подвиги?

66 Версия. Укротительницы мечты и яви

Женщины, сумевшие заманить мужчин в мир своих грёз, рождаются пару раз в столетие. Фантазии их так причудливы, что никогда точно не скажешь – это притворство или эта Йоко Оно и в самом деле «с приветом»

76 История живописи. Посторонний сокровенный человек

У писателя Платонова и художника Филонова нет хрестоматийного глянца, они оба суровы, как продразвёрстка. Оба писали безрадостно, трудно и тяжело. Спрашивается, ради чего они так трудились?

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

90 Частная жизнь. Роковая женщина на троих

Все видели, что у Сергея Довлатова с Асей Пекуровской – антисемья. Но вот зачем людям нужен брак без любви? У Валерия Попова есть версия

98 Семейные тайны. Прекрасные монстры

За каждым великим мужчиной стоит не менее великая женщина. Но кто она – муза или личный секретарь? Художник Михаил Шемякин размышляет...

108 Роман с продолжением. Азарт

Главы, в которых главный герой обнаруживает в корабле дыру над ватерлинией и выясняет, что убедить людей в грозящей им опасности практически невозможно

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

116 Вещь. Китайская ширма и пионерский галстук

Режиссёр Алексей Бородин – о том, как меняется мир вещей, если переехать из Поднебесной в Подмоскowie

124 Путешествие. Бродяга

Однажды писатель Андрей Битов создал жанр путешествия, а жанр путешествия взял да и превратил его в бродягу

136 Угощение. Прекрасная малоежка

Царица Египта Нефертити обжорством не грешила. Берегла фигуру. Зачем, спрашивается? И так ведь любимая жена

140 Гороскоп. Киндербальзам

Писателя Исаака Бабеля обожали все его жёны – и дочь богатого промышленника, и красавица-актриса, и особенно инженер-конструктор Антонина Пирожкова, автор учебника по строительству метрополитена. Так обычно у Раков и бывает – их все любят

144 Библиотека. Архивности

Betty Barclay
Pretty Butterfly

Переписка

Моральный кодекс

...Накисело – по следам публикаций Александра Петровича Никонова, его материалов на медицинскую тематику. Восторг. Поясняю: увлекательно, похоже на правду, пища для размышлений. Но одна мысль не оставляет меня в покое. Вы же понимаете, Александр Петрович, что даёте людям, чаще всего отчаявшимся уже, – надежду. А на каком основании? Что имею в виду? Как вы отбираете своих оппонентов, героев материалов? Что даёт вам основание думать, что вот именно они – профессионалы и как раз не они, а другие продают – в красивой и часто убедительной упаковке – мыльные пузыри? Испытываете на себе? Испытываете на родных и близких? Как?

Анастасия Мамедова

Отвечает Александр Никонов

Знаете, отделить зёрна от плевел очень просто – хороший врач в рекламе не нуждается. Скажем, у невролога Архипова, о котором я писал, нет даже вывески над дверью клиники – просто железная дверь, которую находит только тот, кому это действительно надо. И она всё время хлопает!.. У легендарной Ксении Кошкиной вообще нет никакого промошена, он ей

Приз за лучшее письмо – набор для очищения кожи Librederm – вручается Елене Церетели

не нужен... К Борису Жерлыгину в Мытищи приезжают из Израиля спасать ноги от ампутации. И если он соглашается на встречу, может дать спасительные рекомендации прямо в кафе напротив дома... Этим людям лишняя шумиха в прессе не просто не нужна, она им, кроме геморроя (медицинский термин), ничего не даст – и так полно клиентов, которых они не успеют принять до конца жизни. Просто врач, который умеет не только лечить, но и вылечивать, – такая редкость, что молва о нём передаётся из уст в уста. Таких людей нужно ещё поугуговаривать рассказать о себе, и не только потому, что их пропускная способность не беспредельна, но и потому, что официальная медицина относится к ним доволь-

но ревниво – могут и сожрать. Не все соглашаются на разговор. Представляете, часть людей остаётся за кадром.

Вот с людьми такого рода я и работаю.

Очепятка

Очень обрадовала статья про Роберта Стуруа, но в ней допущена обидная для всех, кто уважает и знает семью Стуруа, ошибка. Отец режиссёра Роберта Стуруа был выдающимся грузинским художником, очень известным и почитаемым в Грузии. Со временем мировая слава сына затмила его, но есть грузинская поговорка: для родины лучше, если сын лучше отца. Картины, напечатанные в журнале, принадлежат кисти художника Роберта Стуруа, отца режиссёра.

С уважением, Елена Церетели

Отвечает редактор Наталья Смирнова

Дорогая Елена, спасибо вам за письмо и за ваше внимание к журналу. Всему виной ошибка редактора, произошедшая из-за совпадения имён отца и сына при подписи фотоматериалов. Обидеть этим мы, разумеется, никого не хотели и даже грустим, что грузинская культура стала для нас дальше, чем была когда-то. ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН», ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ:

Максим Кантор «Чертополох», художественные эссе
Ираклий Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой», очерки о жизни и кино
Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза
Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Подробности на сайте: www.story.ru

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*В которой дочь поэта
Пушкина пошатнула устои
европейской монархии **с.6***

.....

*а артисту Сухорукову, напротив,
не удалось поколебать правила жизни
звезды Дорониной **с.10***

Июль

1 июля 1867 Дочь Пушкина лишила корону немецкого принца

Точнее, Николай Вильгельм Нассауский сам без колебаний отказался от маленького люксембургского трона ради большой любви, чтобы тут же обвенчаться с женщиной не царских кровей, вдобавок с тремя детьми и толком не разведённой. Но какие колебания, какие тро-

ны, когда речь идёт о Наталье Александровне Пушкиной! «Бесёнок Таша» соединила в себе божественную красоту матери и дьявольский темперамент отца – микс, способный свести с ума любого мужчину, будь он наследником хоть всех земных престолов. Кто из двух девочек, рождённых в этом браке, унаследовал материнский капитал, угадать нетрудно: двадцать четыре года спустя, теперь уже на

внучке поэта, Софье, столь же скоропостижно женился другой монархический отпрыск – великий князь Михаил Романов, тоже внук, но, соответственно, Николая Первого.

В результате Михаил Михайлович потерял не только разнообразные династические права, но и матушку, сражённую наповал известием о мезальянсе, и родину, чьи границы молодожёнам было запрещено пересекать. А они не очень-то и хотели и радостно плодились и размножались в гостеприимных замках Европы. За столетие переплетённые родовые ветви поэта и царя дотянулись аж до английского трона. Но он нам без надобности.

А вот российским монархистам стоило бы обратить пристальное внимание на дочерей герцогини Вестминстерской Натали, крёстной мамы принца Чарльза и прапраправнучки Александра Сергеевича. Они – самые что ни на есть распрекрасные кандидатки на наши декоративные скипетр и державу. Куда более эффектные и эффективные, чем всякие там Майклы Кентские и любые другие прямые мужские потомки дома Романовых с их монолитным генеалогическим древом. Потому что, во-первых, коронованная особа у фактической власти в России должна вызывать одно-единственное желание – куда-нибудь её поцеловать, поправить банты и что-нибудь подарить. То есть ей следует быть существом женского пола, юным и хорошеньким. Во-вторых, здесь вам луна и солнце, ночь и день, монархия и литература – два фамильных рока России, перемноженные друг на

друга и непременно, по всем законам обязанные превратиться в плюс.

«Водились Пушкины с царями...»

[А.С. Пушкин.
«Моя родословная»]

щин, а вершины, и к началу 90-х большая часть их уже легла на свои диваны, чтобы размышлять о превратностях бытия. Но раз слово появилось, значит, это было кому-нибудь нужно. Одна из версий: заказ на мачо сдела-

«Среднестатистический россиянин – полноватый, непричесанный, не занимается спортом...»

[Из книги
Лабковской Е.Б.
«Юридическая психология»]

Июль 1991 Слово «мачо» обрело российское гражданство

Его впервые выловили лингвисты из словарной статьи в «Книжном обозрении». Со слова ещё не были спороты заграничные лейблы, и ассоциировалось оно в основном с голливудскими ковбоями, с кольцами и потенцией, выпирающими из-под джинсов. В нашем ландшафте подобные экземпляры в ту пору не водились. На отдалённое сходство могла претендовать местная порода так называемых «настоящих мужчин». Но на очень отдалённое. Они носили не огнестрельное оружие, а рюкзаки, играли не мышцами, а на гитарах, целеустремлённо покоряли не жен-

ли женщины, которые, впервые за семьдесят лет надев приличное нижнее бельё и прочтя Рут Диксон, потребовали сатисфакции за бесцельно прожитые годы в форме безлимитного, интенсивного секса. Мужчины оказались загнанными в угол и отреагировали сокращением своих земных сроков – пятьдесят девять лет против привычных шестидесяти девяти. Повсюду, где утрата потенции есть катастрофа, мужчины и мрут как мухи примерно в том возрасте, в каком напор начинает слабеть, и доводят себя паникой до инфарктов. Но, слава богу, к началу 2000-х наши мужчины отдышались, а вредоносное слово «мачо» получило по заслугам: в 2007-м его выбрали «антисловом года».

16 июля 1960 Фундамент Дома Советов приспособили под бассейн

Над забетонированной дырой в центре столицы, почти тридцать лет зиявшей на месте взорванного храма, собирались возвести мраморный приют для советских парламентариев, который бы служил постаментом для стометровой статуи В.И. Ленина. Но эпоху египетских пирамид в честь живых и мёртвых пролетарских фараонов сменила малогабаритная «оттепель». В результате в один из жарких июльских дней унылая пустота сталинского долгостроя заблуждала хлорированной купелью.

Бассейн тут же оброс легендами: и плавать там опасно, так как на дне прычутся религиоз-

ные фанатики с аквалангами, которые топят безбожников в пучине, и на рассвете в солнечную погоду в воде отражаются купола. То ли взорванного храма, то ли снесённого ради его строительства Алексеевского монастыря, настоятельница которого, покидая в 1836 году под конвоем родную обитель, не удержалась от проклятия: «Сему месту пусто быть». Но советских людей тенями не запугаешь. Их

вайтесь, чувствовали себя совершенно счастливыми. Потому что обладали по-мичурински привитым защитным рефлексом – способностью вырабатывать целительный гормон глубокого удовлетворения окружающим миром. Например, сравнивая себя с дореволюционными тружениками, лишёнными круглогодичной роскоши водных процедур. Или с графом Л.Н. Толстым, жившим при цар-

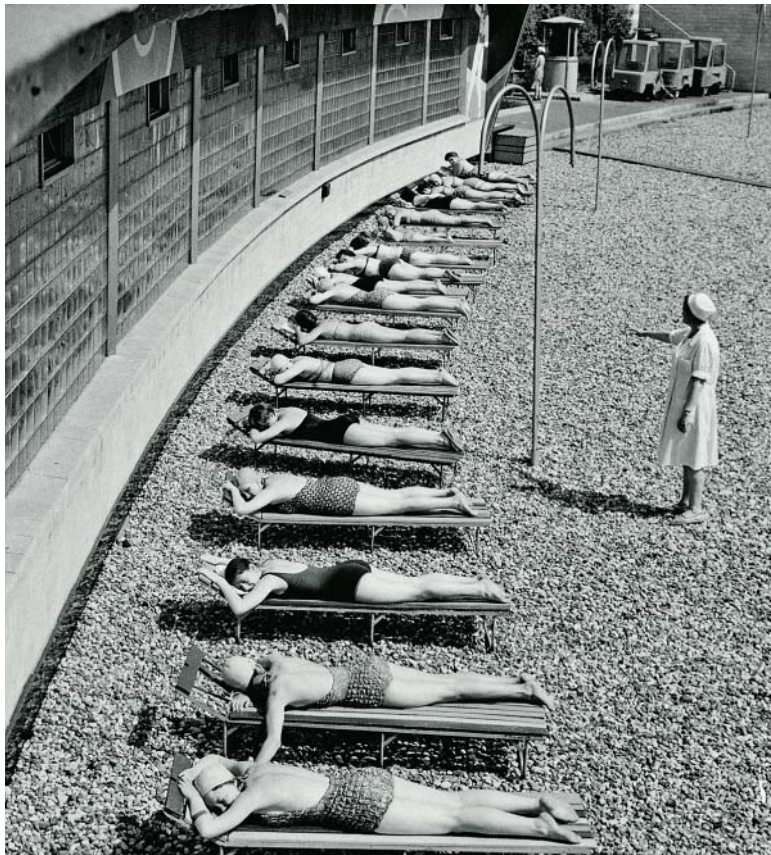
ном склепе. Их потревожили ради очной ставки с другими почтенными останками, отрытыми чуть раньше на территории бывшего монастыря Святой Урсулы. Практичным итальянцам очень хотелось, чтобы они принадлежали Лизе Герардини, которая, по одной из версий, позировала Леонардо да Винчи для его магического шедевра.

Целый год синьору крутили, вертели, просвечивали, и последним неопровержимым аргументом должно было стать совпадение ДНК покойницы с ДНК её ныне здравствующих потомков, а именно Натальи Строчи. И тогда останки объявили бы национальным достоянием, торжественно водворили на место и внесли в туристические справочники как ещё одну историческую достопримечательность. Но Наталья не пожелала делиться генетическим кодом ради коммерческого паломничества к атрибутированной родственнице.

Из-за чего и был прерван заслуженный отдых пятерых венецианцев, которых угораздило родиться от натурщицы с чеширской улыбкой. Детей предполагаемой Лизы Герардини отвезли в лабораторию, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Наверное, не спростось, синьора оказалась посторонней женщиной, а может, и вовсе мужчиной, а значит, останки при жизни никакому гению не позировали, и, вероятно, их уже вернули откуда взяли, но без оркестра и толпы журналистов. А подлинных Герардини оставили для будущих опознаний, потому что претенденток на роль тленного оригинала «Джоконды» за пять столетий подкопилось столько, что охотникам за некрофильскими сенсациями их копать не перекопать.

«Секрет Моны Лизы и её загадочная улыбка должны оставаться тайной».

[Наталья Строчи, из интервью Mirror]

вообще ничем не запугаешь. Ни мавзолейной очередью, которая образовалась сразу и не рассыбалась все тридцать лет, ни густыми стаями купальщиков в семейных трусах и лифчиках от «Москвошвеев», ни металлическими жетонами, привязанными к щиколотке или запястью точно у мертвецов в морге. Советские люди барахтались с покойничьим номерком на ноге, глотая чужую мочу, хлорку и стафилококки, и, не сомне-

ском режиме в десяти шагах от будущего бассейна.

«У администрации бассейна есть свои жалобы: многие приходят сюда без купальных костюмов и плавают в нижнем белье».

[Из газеты «Правда»]

Июль 2013 Итальянцы добрались до детей Джоконды

Пьеро, Камилла, Андреа, Джоконда и Марьетта шестое столетие мирно почивали в фамиль-

Июль 1377 Русское войско загуляло на реке Межевой

Вообще-то дружинники под предводительством князя Ивана Нижегородского усеяли берег вовсе не ради легкомысленного пикника на пленэре, а с серьёзным намерением разъяснить наконец татаромонголам, чьё иго за полтора столетия уже порядком всем поднадоело. Но ордынцы опаздывали. В окрест-

селие пяти, не можем без того быти». После чего нырнул то ли в Днепр, то ли в Рось. Нырнул язычником Владимиром, а вынырнул христианином Василием. Не опрокинуть ковшик-другой в честь такого события было грешно. Дружинники грешить не стали и веселились вплоть до 2 августа, когда, как всегда внезапно, нагрянули долгожданные татары. Половину войска порубили, половина утонула в мелко-

князь Владимир ошибся с выбором конфессии. Но от надоедливых монголов мы всё же избавились, а вот попытки (в 1914 и 1985 годах) ввести в России мусульманский сухой закон привели к куда более трагичным последствиям: в первый раз дело кончилось революцией, во второй – перестройкой. В общем, получается патовая ситуация, особенно для государства: с одной стороны, источник на-

ных же деревнях варили зело ядрёную брагу. С неделю русичи крепились, развлекая себя рыбной ловлей и бесцельной стрельбой из луков. Но тут наступило 28 июля. Тот самый день, в который без малого четыре века назад жизнелюбивый бастард выбирал между двумя земными пороками, блудом и бражничеством, и произнёс сакральную фразу, на века определившую судьбу страны: «Руси есть ве-

водной реке, которая с той поры прозывается Пьяной.

Урок не усвоили: через пять лет зелёный змий снова помог татарам. На этот раз взять Москву. Пала столица так: для храбрости из боярских погребов защитники выкатили бочки мёда, но не рассчитали дозу, и отвага сменилась детской доверчивостью, распахнувшей перед врагами городские ворота. Можно сделать поспешный вывод, что

ционального дохода, с другой – национального же бедствия.

О, несбыточная мечта об идеальном народе, который бы покупать покупал, а пить не пил!

«А ездили, одежды с плеч спутив. А если находили по зажитьям мёд или пиво, то пили без меры».

[Летописная повесть о битве на реке Пьяне] ●

ЛИЛИЯ ГУЩИНА

Однажды...

Виктор Сухоруков стал фанатом Татьяны Дорониной

Говорят, не сотвори себе кумира. А я сотворил, и ещё какого. И не жалею!

...В то время только-только на экраны вышел фильм Натансона «Старшая сестра». Я смотрел его несколько раз подряд. И беззаветно, безоглядно влюбился в Татьяну Дорониноу. А тогда она как раз переехала жить в Москву – её взял во МХАТ Ефремов. Я влюблён! И что я делаю? Я иду в театр, узнаю у вахтёра МХАТа адрес Дорониной – она жила тогда на

Трубной площади – и еду к ней. Мальчишка! Захожу в дом, поднимаюсь на этаж, кажется седьмой. Звоню в квартиру. Слышу «топ-топ-топ» за дверью. Потом: «Кто там?» Но не открывают. Потом до меня доносятся уходящие «топ-топ-топ». Я снова звоню. «Кто? Что вам надо?» «Вы, ради бога, простите, – объясняю я через дверь. – Я призывник, скоро уйду в армию. Я хочу вручить вам букет цветов в подарок». В ответ: «Отойдите от двери, иначе я вызову

милицию!» Конечно, я понимаю, что и сам в её положении никогда не открыл бы дверь. Никому. Вообще не прилично приходиться без приглашения. Сейчас я всё понимаю! Но тогда я наивно думал: вот приду, она узнает, что я поклонник, и откроет дверь, и проведёт в квартиру, даст мне тапочки, мы сядем на кухне и станем пить чай... Вот как я это себе представлял!

Прошло пять минут, двадцать, полчаса. Дверь так и не открыли. В конце концов я понял, что расстроил любимую актрису и, может быть, даже напугал. Я спустился вниз, вышел на улицу, сел на скамейку и стал высчитывать – где её окно? Я верил, что она стоит у окна и смотрит, что за сволочь беспокоит её... Не нашёл. Наконец положил цветы на скамейку, рядом – коробку мармелада и ушёл восвояси.

Дальше? Пройдут годы. У меня юбилей. И мой друг, зная, как я обожаю Дорониноу, договорится и попросит Татьяну Васильевну наговорить мне аудиопоздравление. И счастью моему не будет предела. И мне захочется поблагодарить Татьяну Васильевну. Я позвоню ей домой, но нарвусь на какую-то то ли Зину, то ли Зою, которая скажет в трубку: «А вы кто? А чё вам надо?..»

Лично мы так и не встретились. Ни разу. Но, может быть, с кумирами и не стоит встречаться?.. Потому что обожание не выносит близкого расстояния и при личном общении тает, как масло на солнце. ☉

Из разговора с И. Кленской

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Реклама RONDA – РОНДА

Все грани совершенства!

**ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ
БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКИ!**

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ
Артикул: 0396, Корпус: СЕРЕБРО 925°, Вставка: ФИАНИТЫ, МЕХАНИЗМ: RONDA, ШВЕЙЦАРИЯ
Только в фирменных салонах «НИКА»

8 800 444 777 3
www.nikawatches.ru

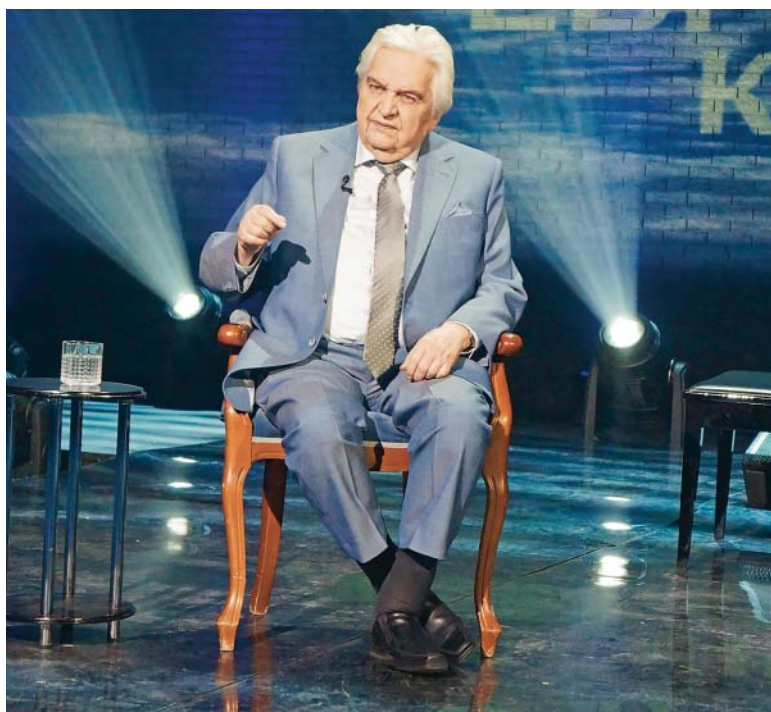
**МОРСКАЯ ЗВЕЗДА
В ПОДАРОК!**

Дополнительную информацию об организаторе, о правилах проведения акции, количестве призов, сроке, месте и порядке их получения смотрите на www.nikawatches.ru

Однажды...

Композитор Евгений Крылатов проверил дружбу на крепость

Так моя жизнь сложилась, что я всё время опаздывал. То есть всё, чего хотел добиться, – добивался, но поздно... Понимаете, по большому счёту, я дебютировал как композитор – меня услышали, обо мне заговорили,

когда вышел фильм «Достояние республики», а ведь мне тогда было уже тридцать семь лет. То есть лет двадцать до этого работал себе и работал, как ремесленник... Между прочим, когда Чайковского спрашивали о вдохновении, он так же говорил: композитор, как ремесленник, должен работать каждый день, а не ждать вдохновения...

Но и этого не всегда достаточно – просто честно работать. Нужны прорывы, нужны в жизни встречи с людьми, которые помогут оказаться в нужное время в нужном месте... Таким вот важным для меня человеком был и остаётся композитор Александр Сергеевич Зацепин. Мы познакомились в 58-м году в Доме творчества «Иваново».

Мы подружились. Зацепин жил тогда в Алма-Ате. Вскоре он переехал в Москву. И началось выживание, утверждение себя в профессии – у меня и у него. И Александр Сергеевич, поскольку он старше меня и более энергичный, он раньше вошёл в то творческое сообщество, в которое нас обоих тянуло, имею в виду кинематограф. Стал и меня как друга подтягивать. Самый интересный случай был, конечно, с мультфильмом «Умка». Режиссёры Попов и Пекарев пригласили Зацепина писать музыку для фильма. А он поставил условие: только вместе с Крылатовым. Те сильно удивились: восемь минут музыки – вдвоём... Но на уступку пошли. А дальше было так: время сдавать работу, режиссёры пытаются найти Зацепина, а он исчез, нет его нигде. Деваться некуда – бросились ко мне: где музыка? А я готов. Сыграл им свою первую песню – первую, потому что именно она впервые вышла в люди, это «Ложкой снег мешая, ночь идёт большая, что же ты...». И потом всё очень удачно сложилось – и судьба мультфильма, и моя творческая биография. А Зацепин потом ещё несколько раз проворачивал такой номер: подписывал нас вдвоём на сотрудничество, а потом исчезал... И в фильме в результате звучала моя музыка. Вот таким путём друг меня внедрял в кино, помогал заявить о себе. И кому-кому, а ему я первую обязан своим успехом. ☺

Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Программу «Линия жизни» смотрите по пятницам в вечернем эфире телеканала «Россия-Культура»

Красота по-королевски

Екатерина Медичи, дальняя родственница папы Климента VII, в 14 лет была выдана замуж за второго сына французского короля Франциска I. Отец Екатерины, Лоренцо II Медичи, хоть и правил Флоренцией, но происходил из рода ростовщиков и аптекарей, зато дочь его стала супругой аж самого Генриха Валуа! Через Екатерину Медичи породнились с одной из самых знатных фамилий Европы. Конечно, брак этот был откровенным мезальянсом. Но родство с папой Климентом и аппетитное приданое перевесили династические предрасудки. Торг за него шёл азартней, чем на рынке. В итоге приданое составило 130 000 дукатов и обширные владения, включавшие Пизу, Ливорно и Парму.

При французском дворе Екатерину не приняли. Относились как к пустому месту, обзывали «купчихой». Генрих Валуа к супруге тоже нежными чувствами не проникся. Оно бы и ничего – короли редко женятся по любви. Но вот Екатерина в своего мужа искренне влюбилась и шла на всяческие ухищрения, чтобы его привлечь. Девушка она была маленькая, некрасивая и умная, и незаметная внешность в сочетании с сообразительностью поспособствовала тому, что для моды ей удалось сделать больше, чем многим именитым кутюрье. Ну, во-первых, она ввела в обиход каблуки. Во-вторых, панталоны. Последнее может показаться смешным: ну что это за достижение – панталоны! Однако Екатерину за них едва не отлучили от церкви. Она была

страстной наездницей, а в юбке на голое тело ездить на лошади неудобно – и в прямом, и в переносном смысле. Поэтому королева придумала надевать под юбку штанишки наподобие мужских. Церковь сочла их развратными, священники обличали во время проповедей – а дамам понравилось. Ещё одно её нововведение – корсеты. Екатерина знала цену дамской красоте, а что за красота без талии? Позже, когда она сама стала править Францией, дамам, чью талию нельзя было утянуть до 33 см, о месте при дворе можно было не мечтать. Ну, и самое интересное – Екатерина Медичи, прославившаяся отравительницей, очень тесно общалась с алхимиками и медиками. Они придумывали для неё притирания, косметику и кремы, с помощью которых ей удавалось до самой старости поддерживать прекрасный цвет лица и свежесть кожи. Жестокосердный Генрих ничего этого так не оценил. Зато оценили дамы всей Европы, которые пользовались кремами и косметикой, придуманной

для Екатерины Медичи, ещё несколько веков.

Главное – положить начало. Далее индустрия красоты уже шагала семимильными шагами. Современные кремы способны творить почти чудеса. Например, повышенная чувствительность кожи, которая долгое время была проблемой, сегодня легко исправляется с помощью успокаивающего увлажняющего крема для чувствительной кожи линии Force Vitale серии Aqua-Calm от Swiss line. Этот крем включает в себя ботанические экстракты и ингредиенты, помогающие при покраснении кожи, а гипоаллергенные пигменты зеленого цвета обеспечивают оптическую коррекцию, делая их менее заметными. Крем Force Vitale Aqua-Calm cream обогащён керамидами для улучшения состояния чувствительной кожи и не содержит парабенов и отдушек. Он рекомендуется при местной непереносимости косметических средств, признаках розацеа и диффузного покраснения, а также при повышенной чувствительности кожи.

«А ближе к осени у Aqua-Calm cream появится «пара» – успокаивающий увлажняющий СС-крем для чувствительной кожи SPF 30 линии Force Vitale серии Aqua-Calm». Этот СС-крем корректирует цвет кожи за счёт оптического эффекта «Софт Фокус», а не за счёт красящих пигментов, как в обычных СС-кремах, и рекомендован всем, кто хочет отдохнуть от интенсивных маскирующих средств с более «тяжёлой» плотной текстурой. ☉

Вылечить рассеянный склероз

*Такого рода болезни считаются неизлечимыми.
Но есть некоторые упёртые граждане-специалисты, которые
изо всех сил стараются этому недугу противостоять.
И я нашёл одного такого*

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Что такое рассеянный склероз, в двух словах. Организм вдруг начинает воевать сам с собой, разрушая себя изнутри, – это называется аутоиммунной агрессией. Иммунная система неожиданно решает демонтировать, например, миелиновую «изоляция» нервных «проводов», и управляющий сигнал «соскакивает» с нерва. В результате человек сначала теряет способность ходить, пересаживаясь в инвалидное кресло, затем болезнь постепенно прогрессирует, отвоёвывая телесное пространство. И в конце концов больной умирает от удушья: мышцы, приводящие в движение лёгкие, тоже перестают получать сигналы. Человек, преданный собственным телом, находится при этом в полном сознании. И спасения от такого рода аутоиммунных агрессий нет. Точнее, не было. До тех пор, пока за дело не взялась Светлана Касаткина. Еле двигающиеся больные, попадающие к ней, через некоторое время начинают бегать в самом буквальном смысле этого слова.

☉ **Светлана, для начала с вами познакомимся...**

– Да нет у меня никаких особых высот в биографии. В 1991-м закончила МОГИФК. Сейчас являюсь специалистом по лечебной физкультуре.

☉ **То есть вы не врач?**

– А врачи и не могут останавливать и оборачивать всякие аутоиммунные процессы. Потому что это не их специальность: тут должны быть другие знания, не те, что преподают в медицинских вузах. Тут необходимы знания о развитии разных структур тела, а такой теоретический багаж даётся только в институтах физкультуры и приобретается на практике во время долгой спортивной карьеры.

Спортивная парадигма такова: все подсистемы, включая нервную, можно развивать, то есть работать навстречу болезни, в противоположную сторону – не тормозить аутоиммунный процесс медикаментозно, гробя при этом печень и вызывая разные побочки, а пересиливать болезнь, запустив встречный процесс. Рассеянный склероз разбирает миелиновую оболочку нервов, а мы запускаем процесс её наращивания. Нароботав опыт по обращению аутоиммунных процессов, я понимаю, что остановить можно практически любую болезнь. Потому что понятен принцип образования болезней. Есть – глобально – три причины развития всех болезней.

☉ **Какие?**

– Первая. Нарушение элементного состава организма. Болезнь начинает развиваться, если или не хватает чего-то нужного, или появляется в избытке что-то ненужное. Например, недостаток цинка или хрома приводит к развитию диабета. Соответственно, изменение режима питания в сторону возмещения дефицитного элемента может привести к исчезновению диабета. Или не хватает в организме меди – находим легкоусвояемый препарат, содержащий медь. А если у человека острая форма, можно прямо с помощью капельницы заливать... Но для этого нужно сделать анализ на несколько десятков элементов! Но кого в поликлинике пошлют сдавать спектральный анализ волос, обнаружив повышенный сахар в крови?

☉ **Никого и никогда. Просто поставят диагноз: у вас диабет, будете жить с ним до самой смерти, вот таблетки для снижения сахара.**

– Вот именно... Но это если чего-то не хватает. Однако болезнь может запустить и избыток чего-то вредного. Например, угарный газ вызывает поражение миелиновой оболочки – это научно установленный факт. И таких неблагоприятных факторов множество – пестициды, диоксины, тяжёлые металлы. Их совокупность в сочетании с особенностями организма может у кого-то запустить процесс ужасной болезни. Значит, первым делом для борьбы с болезнью вредные факторы нужно устранить. Например, с помощью капельниц или инъекций почистить организм. Это тоже несложно. Скажем, отечественный «Унитиол» при введении внутримышечно хорошо чистит организм и стоит копейки. Причём препарат для детоксикации можно подобрать даже индивидуально – берётся кровь и по реакции крови (концентрации некоторых белков на введённый препарат) сразу определить, будет он действовать или нет. Если нет, другой подберём, их много. К сожалению, в поликлинике и таких «анализов на вредность» не делают. А если аутоиммунный процесс вызван накоплением ртути в организме, как можно его остановить, не избавившись от ртути и даже не узнав об этом? Никак!

☉ *А откуда ртуть-то?*

– Господи! Ртути полно в морской рыбе, например. Из-за загрязнения Мирового океана вся рыба содержит ртуть, особенно крупная... Но всё перечисленное – это только одна группа причин развития болезни – химическая. Вторая причина – физическая, то есть общее физическое состояние тела. Физические возможности людей могут различаться в тысячи раз, и это не преувеличение! Один в состоянии пробежать сорок километров, а другой и двухсот метров не пробежит, задохнётся. Один – профессиональный спортсмен – работает на износ, загоняет себя и ставит рекорды, а другой с дивана не встаёт, жрёт пиво с чипсами. При этом и у того и у другого со здоровьем не в порядке. Здоровье находится ровно посередине, поскольку всё хорошо в меру – и загонять себя не надо профессиональным спортом, и гиподинамией страдать. Но, как вы понимаете, 99,9 процента людей, приходящих ко мне, совсем не рекордсмены. Это диванные воины и находятся во второй группе. Их организм настолько детренирован, ослаблен борьбой с выводом избыточной пищи, что сорваться в болезнь ему раз плюнуть, он уже сам себя не вытягивает. Идёт обвальная атрофия функций. Когда-то человек в школе и институте ходил на физкультуру – бегал, через козла прыгал, хоть как-то двигался. А потом стал работать в офисе и лёг на диван. Организм начал разбирать уже ненужные мышцы, а вместе с ними и миелиновые оболочки нервов, поскольку передача мощных сигналов в мышцы больше не нужна, а значит, не нужна и толстая изоляция. Любая биологиче-

ская структура поддерживает свою функциональную активность по принципу минимальной достаточности. Но у некоторых людей организм, раз начав разборку миелина, остановиться в этом процессе уже не может.

☉ *Почему?*

– Целый комплекс причин – от генетической склонности до того, что я уже называла – недостаток нужных или избыток вредных химических элементов. Наша задача – остановить процесс. Кстати, во многих случаях внутреннее состояние становится ясным из расспросов. Спрашиваю: вы откуда и кем работали? А он всю жизнь на металлургическом заводе инженером оттрубил. Ясно, чего он там надыхался. И живёт в Набережных Челнах, где экология ужасная. Чем питаетесь, спрашиваю. Рыба, рыба... В основном тунец, один из рекорсменов по содержанию ртути. Физическая активность? Никакая. Раньше он хотя бы ходил до магазина, а теперь на машине туда ездит. Многие из анализов в России сделать практически невозможно. Диоксины – один из рекорсменов по токсичности. А попробуй-ка найти, где у нас можно сдать анализ на диоксины!.. Весь комплекс нужных анализов может стоить несколько тысяч евро. Поэтому я в последнее время, экономя деньги больных, действую по системе «Град» – примерно представляя, чем загружен современный горожанин, чищу его с запасом дешёвыми и эффективными препаратами. А дальше надо менять режим питания, давать нагрузки, чтобы гены переключить.

☉ *В смысле?*

– Это третий пункт развития болезни – генетический... Если у человека работает одна группа генов, продуцируя одни белки, значит, процесс в организме идёт в одну сторону – назовём его патологическим. А если эта группа генов притормозилась и включилась другая, начав продуцировать другие белки, фон в организме изменился и пошли другие процессы – выздоровления. Переключить гены в наших мышечных клетках мы можем за несколько минут – просто дав правильную нагрузку. И тогда вместо дегенерации будет развитие.

Кстати, дегенерация тканей может происходить как от недостатка, так и от избытка нагрузки, и в этом состоит опасность упражнений. Поэтому, давая правильный график нагрузок, можно дирижировать процессами дегенерации и восстановления в организме. Вы когда-нибудь видели график работоспособности? Вы даёте человеку нагрузку, и его работоспособность со временем падает: он устаёт. Затем нагрузка снимается, и организм начинает восстанавливаться. Причём компенсируется он каждый раз с избытком, именно в этом и состоит смысл тренировок – повысить работоспособность. Суть в том, чтобы поймать момент суперкомпенсации и дать новую нагрузку-

ку именно в этот момент, тогда после очередной усталости последующая суперкомпенсация будет ещё выше! Но если вы ошибётесь и начнёте новую тренировку, не поймав нужный момент, вы загоните организм в гроб в буквальном смысле. В этом и состоит опасность самостоятельных тренировок у людей, далёких от спорта. Вот почему медицине так трудно даётся лечение рассеянного склероза и других аутоиммунных болезней – она не знает тренировочных методик. И что через шесть недель нагрузок нужно обязательно менять программу тренировок: организм адаптируется к нагрузкам и перестаёт развиваться. И тогда эффект победы над болезнью будет временным.

☉ **Тренировка – это мышцы. А при чём тут миелиновые оболочки?**

– Развиваются любые ткани. И миелиновые оболочки нервов, которые уничтожают аутоиммунный процесс. Чем больше нагрузка для мышц, тем сильнее управляющий ими сигнал, значит, толще должна быть «изоляция». Мышцы просто не могут развиваться без развития нервной системы – если накачиваются мышцы, это означает, что автоматически утолщается и «изоляция» управляющих ими «проводов»! Поэтому у всех спортсменов идёт не только рост мышечной массы, но и утолщение миелиновой оболочки – процесс, обратный рассеянному склерозу. Улавливаете?

☉ **Да. Вопрос – что пересилит?**

– Это зависит от упорства самого человека. Обычно РС развивается с 15 до 40 лет. И иногда, в случае агрессивной формы, уже к 20 годам человек лежит, не шевелится, мочится под себя. Растение! И даже на этом этапе процесс развития болезни можно оборачивать вспять. Представляете?

☉ **Как такой человек может делать упражнения, если он пошевелиться не может?**

– Внешний привод. Берёте его руку и сгибаете. Раз за разом. Часами. Вы не смотрите, что я худенькая, у меня вес 45 килограммов, но я приседаю со штангой весом 120 кг. А без штанги могу подряд присесть пять тысяч раз, это мой рекорд. Просто у меня были замечательные тренеры – Вячеслав Евстратов, Борис Жерлыгин. У них я взяла лучшие методики развития человеческого организма. Институтские знания – это хорошо. Но они ни в какое сравнение не идут с живой практикой. К тому же Жерлыгину я попала уже перворазрядницей, когда у меня из-за интенсивных тренировок начались проблемы с иммунной системой и сердцем. Врачи пытались запретить мне бегать. Так бы и случилось, наверное. Но хороший тренер оказался лучше всех врачей. В результате я стала бегать марафоны и побеждать.

☉ **Жерлыгина я знаю. Как вы к нему попали?**

– О нём уже тогда ходили легенды. К Борису Степановичу обращались с проблемами по здоровью те спортсмены, которым не могли помочь

медики. И он эти проблемы успешно решал. Приходили, например, ребята, у которых на фоне перетренированности вообще переставали в организме продуцироваться иммуноглобулины. Ноль! Такого даже при СПИДе, наверное, не бывает. Медики разводили руками и ничего не могли поделать, а он справлялся! Он и мне восстановил иммунитет, исправил сердце.

☉ **Так. Вернёмся к рассеянному склерозу. Значит, болезнь разбирает «изоляцию» нервов, а вы запускаете рост мышечной массы, который сопровождается утолщением «изоляции»...**

– Да. Вспомните про гены и их запуск. Есть одни гены, работа которых разрушает миелиновую оболочку при рассеянном склерозе. И есть другие, работа которых наращивает миелиновый слой. Первые нужно остановить, вторые задействовать. В норме нервный «провод» окутывает до трёхсот слоёв миелиновой «изоляции». Создаётся миелиновая оболочка специальными клетками – олигодендроцитами, которые своими особыми отростками наворачивают на нерв миелиновую «изоляцию». Вот и надо запустить этот процесс. Физиолог Павлов восемьдесят лет назад писал, что организм – самовосстанавливающаяся система. Необходимо только создать благоприятные условия для его восстановления.

☉ **А какие ещё аутоиммунные заболевания вы берёте лечить?**

– Механизм у очень многих болезней один – организм начинает разборку чего-то, и нужно просто запустить обратный процесс... Я работаю с суставами – с аутоиммунным артритом, например. И довольно быстрый положительный результат получаю... Труднее с диабетом первого типа. Теоретически его излечить несложно, потому как совершенно понятно, что нужно делать. Но на деле его лечить гораздо труднее, чем рассеянный склероз, поскольку для самого пациента излечение проблематично: если при рассеянном склерозе запустить процессы миелинизации, то они дальше сами по себе работают... а при диабете первого типа кроме вовремя подаваемых нагрузок надо ещё и сахар всё время контролировать. Ночью ребёнку что-то приснилось, гормоны выплеснулись, сахар скакнул – часть клеток разрушилась. Нужна целая бригада, которая пациента днём и ночью отслеживает. Хотя в теории это возможно. Но от диабета первого типа и от артрита не умирают, а вот рассеянный склероз – болезнь смертельная. Поэтому я на неё и обратила особое внимание. Знаете, какая у меня мечта? Я хочу создать клуб людей, победивших рассеянный склероз. Люди, которые раньше не могли ходить, будут участвовать в соревнованиях по бегу. Таких людей у меня уже несколько десятков.

☉ **Говорят, человек с мечтой – это счастливый человек. Несите и дальше этот факел...** ☉

Невезучий Борис

Виктория Токарева

«Хороших
не любят. Любят
плохих. С ними
интереснее...»

Однажды в моём доме прозвенел звонок. Хрипловатый мужской голос сообщил, что его зовут Борис Белый, он звонит из Парижа, является работником консульства.

— А что вы хотите? — не поняла я.

— Я хочу привезти вам орхидеи.

— В честь чего?

— В честь вашего дня рождения.

Я не поняла: он — в Париже, я — в Москве. Он что, пойдёт из Франции специально для того, чтобы вручить мне орхидеи?

— А сколько вам лет? — поинтересовалась я.

— Шестьдесят.

«Не юноша», — подумала я. Поздновато для романтических рывков.

— Спасибо. Но давайте пропустим этот день рождения. Как-нибудь в другой раз...

Но не тут-то было. Борис Белый всё-таки решил со мной познакомиться, и моё разрешение или запрещение не имело никакого значения. Он так решил. И приехал. И мне ничего не оставалось, как впустить его в дом.

Вошёл. В моём доме запахло гуталином от начищенных сапог. Фигурально. А буквально — сапог не было, ботинки. И гуталином, естественно, не пахло. Но сразу стало ясно, что этот Белый — военный. Работает за границей мелким шпионом. Крупные в гости не навязываются. Крупные шпионы — как звёзды. Это особый талант, драгоценный, как всякий талант.

Лицо у Белого — абсолютно анкетное, простоватое, славянского типа, безо всякой примеси, как еда без соли и без перца.

Короче, лицо — никакое. И сам он — никакой.

Я стала вежливо ждать, когда он уйдёт. Придвинулось обеденное время, я предложила ему поесть.

Он попробовал суп и сказал:

— Сюда нужно натереть сыр пармезан, чеснок и добавить копчёную грудинку.

— Вы любите готовить? — догадалась я.

— Я повар.

Понятно. Значит, шпионские обязанности он совмещал с основной работой. Белый поднялся из-за стола, подошёл к плите и стал вносить те дополнения, которые он перечислил. Грудинки в доме не оказалось, и сыр — другого сорта. Но тем не менее суп заиграл новыми вкусовыми оттенками. Совсем другое дело.

Я аккуратно задала интересующие меня вопросы. Кто у него

в Москве? Каково семейное положение? Когда кончается командировка во Францию? Где он собирается впоследствии жить? Есть ли недвижимость, средства к существованию?

У меня было лёгкое подозрение, что у Белого ничего нет и он знакомится не бескорыстно. Белый довёл до моего сведения: в Париже у него жена, вторая по счёту, но она его выгнала. Бориса это печалит, но особенная боль — дочка Катя. Дочка от первого брака жены, то есть по крови она ему никто, но Борис к ней очень привязался, он воспитывал её десять лет, с двух до двенадцати. «Хороший человек», — оценила я. Своих детей у него двое. Они остались с первой женой, которую он бросил, устремившись на зов любви. А теперь получается, он одинок на склоне лет.

Командировка кончается через год. Он вернётся в Москву. На носу пенсия. Никаких накоплений. Но он прекрасный повар, может работать в дорожных ресторанах. Квартиру ему оставила тётка, сестра матери, бывшая лётчица. Квартира однокомнатная, убитая, в плохом районе. Но неважно. Главное — крыша над головой.

Мне стало ясно: меня он рассматривает как вариант убежища и пристанища. Я, конечно, не молоденькая. Можно сказать, лежалый товар, но знаменитая, приятно появляться на публике и есть о чём поговорить между собой. Интересный собеседник.

Чтобы внести ясность, я показала Белому свой семейный альбом, который отражал мою жизнь: муж, дети, внуки. Полная коробочка. Вакантных мест нет.

Белый принял к сведению. Покачал головой. Потом достал из портфеля толстую рукопись. Это были юмористические рассказы, которые Белый сочинил в Париже. Он привёз их мне на рецензию.

Теперь я поняла, зачем он ко мне устремлялся. Он хотел, чтобы я прочитала его труд, завещанный от Бога, и помогла напечатать, выпустить книгу. Употребила свои связи.

Я пробежала глазами первую страницу. Есть такое слово: шуткует. Не шутит, а шуткует. От подобного юмора меня буквально тошнит. Мне делается плохо. Юмор – это прежде всего ум, а без этого ингредиента суп не получится. Дурак не способен пошутить интересно. А Белый, скорее всего, принадлежит к этому подвиду.

Когда Белый ушёл, я отнесла его рукопись в гараж. В доме я плохие рукописи не держу. Мне кажется, они как микробы – отравляют всё вокруг.

После его ухода я обнаружила на столе очки, которые он забыл. Я позвонила ему вдогонку.

– Вы забыли очки, – сказала я. – Оставьте их себе, – великодушно разрешил Белый.

Очки оказались мне в пору. Более того, они были лёгкие, удобные, видимость отчётливая, как будто я заново родилась. Моё сердце обдало благодарностью. Очки – это главная составляющая моей жизни. Я в них пишу и читаю. А чтение – пассивное творчество. Я беру в собеседники Антона Павловича, например, или Серёгу Довлатова. Вернее, это они берут меня в свои собеседники. А что может быть роскошнее, чем общение с талантом? Только любовь, да и то вопрос.

У меня никогда не было хороших очков. То диоптрий не хватает, то оправка не держит, то давит за ушами, и от этого болит голова. А тут – и диоптрии, и оправка, и мир предстаёт очищенным от пятен. Лист – белый,

буквы – чёрные, мысль не тормозится, ни за что не цепляется. Спасибо тебе, Борис.

А орхидею он мне, кстати, привёз. В коробочке. Очень изысканно, но временно. Орхидея завянет через неделю, а очки останутся на года.

В жизни Бориса Белого произошли большие перемены. Он женился и пожелал приехать ко мне с новой женой. Разрешение было получено.

В один прекрасный день парочка явилась не запыхавшись. Девушку звали Оля. Тридцать лет. Обаятельная, глаз не оторвать. Борис привёз маленькие милые подарки, среди них банку маринованных белых грибов. Такие продают в дорожных супермаркетах, но Борис сказал, что он сам собрал и замариновал. Мне было понятно, что он врёт, но ложь симпатичная, безвредная. Просто хвастается человек. Ничего страшного, хотя странно для шестидесятилетнего.

Перед обедом мы решили прогулять. Я помню эту прогулку вдоль реки. Май месяц. Солнце светило по-летнему. На берегу реки стояла плачущая ива, но росла она не вертикально, а параллельно земле. Свисала кроной над водой. На ствол можно было садиться, как на скамейку.

Мы задержались возле дерева. Борис насобирав щепочки и разжёг маленький костёр. Достал из пакета качественные сардельки, нанизал их на деревянный шампур и повесил над огнём. Он сидел на корточках – стройный, подтянутый. На макушке торчал подростковый вихор. На нём была льняная клетчатая рубашка, вельветовые джинсы. Никакого запаха гуталина – современный, модный, не старый парень. Разница в возрасте не лезла в глаза. Хорошая пара.

Мы с Олей сидели на дереве. Она рассказывала историю их знакомства.

Оля жила в белорусском захолустье. Маленький посёлок. Работала на птицефабрике. Жени-

хов – ноль. Четыре малолетних тракториста, женатый агроном, пьющий ветеринар, и се ту, как говорят французы. Это всё.

Борис Белый позвонил директору птицефабрики Панкову, они были знакомы в прошлой жизни, говорили о своих делах, и Борис спросил между прочим: – У тебя там нет для меня новости?

Панков пошуровал в памяти и хлопнул себя по лбу:

– Есть!

– Давай её в Париж, – приказал Борис. – Немедленно!

Панков вызвал Олю и объявил:

– Поедешь в командировку.

На повышение квалификации.

Оля удивилась. Ее квалификация не требовала повышения. Она осеменяла кур пегушиной спермой. На всех кур – один пегух. Буквально как в посёлке.

– В Брянск? – уточнила Оля.

– В Париж.

– Не могу. У меня корова рождает. Собака поддыхает. Шарик.

– Без тебя родит, и без тебя подохнет. Похоронят твоего Шарика. Наверху не оставят.

Оля колебалась, но Панков буквально вытолкнул Олю в Париж. Сам оформил все необходимые документы. Нельзя сказать, что Оля влюбилась с первого или второго взгляда. Но Борис Белый – единственный шанс как-то изменить свою жизнь, раздвинуть рамки замкнутого пространства. Что ждало её в посёлке? Корова родит телёночка, Шарик сдохнет, будет новая собака, куры получат сперму и будут нести яйца. Куры – и те с яйцами, корова – и та с телёночком, а она, Оля, одна, как огурец-пустоцвет. А тут всё-таки Париж. И целый мужик с отношением. Борис её буквально боготворил. Решили, что по возвращении в Москву обязательно обвенчаются.

Мы стали есть жареные сардельки. Они зарумянились, налились соком, пахли дымком. Надкусишь – и брызжет.

А сверху голубое небо. Плакучая ива отражается в воде. И Оля – такая милая, а Борис – такой счастливый. Его счастье было тихое, глубокое, каким бывает настоящее счастье.

– Знаете, я не чувствую разницы в возрасте, – клялась Оля. – Борис молодой. Правда.

Я вспомнила характеристики Фимы и поверила. Да и что такое возраст? Это болезни. А если ничего не болит, то какая разница, сколько лет человеку? Я, например, слушаю по телевизору лекции Юрия Лотмана и наслаждаюсь его умом, его личностью, очарованием. Какая мне разница, сколько ему лет – тридцать или сто? Главное – душевное соответствие. Я бы никогда не поменяла Лотмана на Леонардо Ди Каприо.

И Олю тоже связывало с Борисом душевное соответствие. Он любил её молодость, её цветение, ходил как с букетом роз и вдыхал. А Оля купалась в его любви, познавала Париж, знакомилась с новыми людьми – русскими и французами. Это тебе не птицефабрика, где запах несвежего куриного помёта въелся в мозги. Куры едят, испражняются, несут яйца и умирают. Вернее, их убивают. Существует убойный цех с жестокостью и цинизмом, которые сопровождают каждую смерть. Жестокость и цинизм. Всё это наводит на размышления о бессмысленности существования. Зачем всё, когда в конце отрывают голову и бросают в таз?

А тут Париж. Русская аристократия и их потомки. Бутики ведущих модельеров. Приёмы, которые даёт русское посольство. Жизнь в консульстве отдалённо напоминает жизнь пауков в банке, но сколь тяжёлые недостатки, столь весомые достоинства. Нужно уметь отделять зёрна от плевел. А Оля умела.

Оля смотрела мне в глаза и говорила:

– Боря доверчивый, открытый. Он любит людей, он добрый.

Знаете, почему его бросила вторая жена? Он тратил на подарки все деньги. Поедет в Москву, и все сбережения на ветер. Там, в Париже, они сидят, копят годами, во всём себе отказывают, а Боря тратит в один миг. Это характер такой.

– Любит производить впечатление, – предположила я.

– Нет. Любит дарить. Давать. Он добрый. И не практичный. Но ведь это лучше, чем всё себе, всё в кучку, как белка в норку.

На пальце Оли поблескивало кольцо с изумрудом.

– Красивое кольцо, – отметила я.

– Это Боря подарил. От тётки осталось. Старинная работа.

Мимо нас пронеслись велосипедисты. День был наполнен движением, солнцем, молодостью, любовью, вкуснейшими сардельками. Чего ещё желать?..

... Голос Бориса Белого был глухой и слабый.

– Ты где? – крикнула я в телефонную трубку. – В Москве или в Париже?

– Я в больнице. У меня инфаркт. И депрессия.

– А Оля где?

– Оля ушла. Ушла и украла у меня кольцо.

История оказалась такова: наше посольство в Париже давало приём в честь высокого гостя. На приёме присутствовали богатые виноделы, муж и жена, и их сын Поль-Валери.

У семьи – гектары виноградников и сеть винных заводов. Богатейшие люди, миллионеры. Одеты скромненько: у жены пучок на затылке и дырка на чулке. Порвала и не заметила. Папаша – краснолицый, с пузом. Должно быть, пьёт много вина.

Сын Поль-Валери – тридцатилетний очкарик, увидел в толпе Олю и сказал себе: «Вот девушка, на которой я женюсь». А потом он, видимо, сказал это Оле. Оля колебалась, но недолго, потом ушла к Полю-Валери. Может быть, в этот же вечер, не знаю. А кольцо забыла отдать

Борису. Она про кольцо просто не вспомнила. Можно понять: Борис старый и бедный, а Поль молодой и богатый и у него впереди большое будущее.

А у Бориса – маленькое будущее: от шестидесяти до семидесяти и от семидесяти до восьмидесяти. И се ту. А у Поля: от тридцати до сорока, от сорока до пятидесяти. И это только половина.

Вот так девушка с птицефабрики стала женой наследника миллионов. А кто устроил? Панков. Надо будет передать ему ящик вина.

– А ты где, в Москве или в Париже? – не поняла я.

– В Москве. Какой Париж...

Борис страдал. У него рвало сердце. Он не мог дышать.

Из больницы его забрала первая жена – та, у которой было от него двое детей и которую он бросил на полдороге.

Первая жена поселилась вместе с Борисом в убитой однокомнатной квартире. Ухаживала за ним, как сиделка. Убирала. Варила еду. Борис не хотел есть. Не хотел жить. У него была глубокая депрессия.

Я изредка поддерживала его своими звонками, но он не мог говорить или не хотел. Трубку брала жена.

Я сказала жене:

– Спасибо вам.

– За что? – удивилась она.

– Ну... Не бросили человека.

Помогаете.

– А как же? Мне его жалко. Он ведь не собака. Да и собаку тоже жалко.

Я догадалась: жена – хороший человек. Но хороших не любят. Любят плохих, с ними интереснее.

Борис не хотел жить. И вскоре умер.

Хоронили его три человека: первая жена и двое детей. Вторая жена не пришла. А Оля даже не узнала. Она в это время пребывала в Альпах. У них с Полем там было собственное шале, в переводе – «хижина пастиуха». ☉

Женщина и утро

«О, эти утренние женщины – не то что женщины вечерние»... Известный бард знал, о чём говорил. Мало кого из женщин радуется утреннее отражение в зеркале, а ведь надо выходить на люди!

В прежние времена даже признанные светские красавицы о таких вещах просто не задумывались. Жизнь аристократов вообще проходила на глазах у всех, они никогда не оставались в уединении. А уж венценосные и прочие особы и вовсе жили как на сцене. Публично спали, просыпались, мылись, одевались и даже ходили в туалет. Приватной жизни попросту не существовало, так же как и частной территории и интимного пространства. Но чем более цивилизованным становилось общество, тем больше проявлялась в людях склонность к уединению. Интимные моменты стали прятать от посторонних глаз.

Современная женщина привыкла появляться на людях уже при полном параде и стала тщательно скрывать, сколько времени затрачено на то, чтобы сделать макияж и причёску в стиле «ах, я не успела привести себя в порядок». Однако иногда у «утренней женщины» может не хватить ни сил, ни времени, ни умений самостоятельно навести красоту.

Что же делать, если с утра нужно выглядеть на все сто? На помощь придёт сеть салонов красоты DESSANGE, мастера которой спасут вас утром, когда сложно открыть глаза и посмотреть на пасмурное небо – а через час уже назначена деловая или не очень деловая встреча.

Если так случилось – срочно надевайте любимое платье и направляйтесь в ближайший DESSANGE. Переступив порог салона, вы попадёте в иную

реальность и время замедлится. Всего полчаса нужно мастерам DESSANGE, чтобы сделать из «утренней женщины» женщину прекрасную.

Эти 30 минут вокруг вас будут порхать три специалиста – визажист, парикмахер и мастер маникюра. Мастер-парикмахер создаст идеальную укладку, предварительно сделав уход для волос и массаж для кожи головы, доставляющий райское наслаждение. Визажист подчеркнёт достоинства вашего лица и внутреннегo мира, предварительно нанеся уход, делающий кожу идеальной. И как последние штрихи к волшебному образу – лак для ногтей в стиле последних тенденций и чашечка крепкого кофе.

Через полчаса вы выйдете в безумный мир красивой, свежей, счастливой и окончательно проснувшейся. ☉

Зубовский б-р, 31/33, 119021
8 (495) 246 85 50, 8 (495) 246 04 84
e-mail: zubovskif@dessange.ru

Дорогомиловская ул., д.14., корп.1, 121059
8 (499) 243 17 71, 8 (499) 240 05 52
e-mail: dorogomilovskaya@dessange.ru

Лесная ул., 10-16, стр.1. 125047
8 (499) 978 10 29, 8 (499) 251 02 12
e-mail: lesnaya@dessange.ru

Ленинский пр-т, д.43. 119334
8 (499) 135 81 90, 8 (499) 135 71 41,
8 (499) 645 80 92
e-mail: Leninski@dessange.ru

Коробейников пер., д.1
8 (495) 662 36 12, 8 (495) 662 36 14
e-mail: korobeiniki@dessange.ru

Земляной Вал, д.52/16, стр.1
8 (495) 915 52 69, 8 (495) 510 62 14
e-mail: zemval@dessange.ru

Одинцовский р-н, дер. Жуковка, д.58
8 (495) 645 80 42, 8 (495) 651 42 97
e-mail: Jukovka@dessange.ru

Садово-Кудринская ул., 19
8 (499) 219 03 44, 8 (499) 766 72 03
e-mail: mayak@dessange.ru

Маленькая собака

Татьяна Устинова

Мы решили, что кроме большой собаки нужно завести ещё маленькую собаку. Ну, чтобы можно было держать её на руках, чесать поминутно пузо, целовать в морду – в общем, проделывать всякие глупости, которые люди обычно проделывают с маленькими собаками.

Кроме того, большая собака – не моя. Душой и сердцем она предана Жене, моему мужу. Она выбрала его, и на меня если обращает внимание, то только когда он в командировках и ей деваться некуда. А мне обидно – у него есть собственная собака, а у меня как будто нет!.. В общем, искали маленькую собаку и нашли. И в дождливый летний день мы поехали её «смотреть».

Всякий, кто хоть раз выбирал собаку, знает, что все эти самоуговоры – мол, едем просто так, брать сегодня ни за что не станем – никогда не срабатывают. Нужно сразу захватить с собой деньги, щенячий ошейник и «место» – коврик или старое одеяло. Нет никаких шансов уехать без щенка, самого толстого, самого жизнерадостного, самого весёлого.

Мы приехали, и к нам выбежали двое. Один – самый толстый, самый розовый, жизнерадостный и ушастый, а второй – постарше, угловатый и нелепый грустный подросток, которого никто не брал. Собственно, она – девочка – знала совершенно точно, что приехали не за ней, её не возьмут и на этот раз, и даже не старалась нам понравиться. Нет, она поприветствовала нас, изо всех сил повертела обрубок хвоста, поставила короткие лапы на Макса, мужа моей сестры, – собаку следует выбирать

«Вроде всё есть – и ум, и красота, – а жизнь не складывается!»

со всеми имеющимися в наличии родственниками, иначе ничего не выйдет, – и ушла под лавку. И ни за что не выходила.

– Да она у нас засиделась, – сказала про щенка хозяйка. – Сначала вроде брали и даже залог внесли, а потом что-то поменялось, и они передумали. Потом ещё люди приезжали, а она уже выросла, видите?.. Несуразная стала, некрасивая. Теперь вот... не берёт никто.

Нелепая и грустная собака-подросток слушала хозяйку из-под лавки. Там, под лавкой, она, видимо, мучилась оттого, что сплеховала и вот теперь для всех обуза, и весёлую, толстую подружку сейчас увезут в другую жизнь, а она останется. На этот раз уж навсегда останется одна и без всяких надежд.

– Вот что, – решительно сказала моя сестра, она всегда и всё делает решительно. – Вы

должны взять обеих. Ты посмотри на неё! Она же красавица! И умница. Но так бывает. Вроде всё есть, и ум, и красота, а жизнь не складывается. Как с самого начала не задалось, так и не складывается!..

Я посмотрела на Женю, а он на меня. Я спросила: «Ну что?» – и он ничего не ответил. Нам обоим было понятно, что при всех моих завываниях и уверениях, что я сама стану гулять, кормить и делать всё-всё, это будет только его докука – три собаки. Три!..

Он молчал, наверное, с полчаса, не меньше. Мы в это время гладили и целовали розовую и пытались выманить из-под лавки чёрную.

А потом он сказал: «Забираем обеих!» И мы забрали.

Первое время вторая точно знала, что взяли её из милости, а не из любви. Она старалась лишний раз не попадаться нам на глаза, не шалила и только смотрела настороженно.

Ну вскоре разошлась, конечно. И оказалось, что она не просто собака, а душа-человек!.. Она так любит нас – и жизнь! – так ходит на задних лапах, так ждёт под дверью, так кувырывается и радуется, когда все дома! А как она утешает Тимофея, если происходит картина «Опять двойка»! А как жалеет меня, когда я валюсь с ног от усталости!

...Так бывает. Вроде есть и красота, и доброта, и ум, а ничего не складывается, бывает. Но бывает и так, что в одну минуту всё меняется, жизнь начинается сначала, и оказывается, что она прекрасна.

Нужно только дотерпеть. ☉

fashiontv

МОСКВА,
ПОДКОПАЕВСКИЙ ПЕР. Д. 5
ТЕЛ: +7(495) 721 - 11 - 42
MAIL: INFO@FTVCHANNEL.RU
WEB: FTVCHANNEL.RU

**РУССКИЙ
КУТЮР**
ежедневно
в 21:00
с
Натальей
Бычковой

16+
РЕКЛАМА

Эстафета цветения

Вера Павлова

«Черёмуха-
сирень-липа-
жасмин-клевер.
Лучшие запахи
на земле.
Я плачу от них,
как от музыки»

Зачатая в августе, я родилась в мае. В Измайлово. На улице Верхней Первомайской. И была отвезена в коляске на угол 13-й Парковой и Сиреневого бульвара. Сирень цвела. Помимо родины в пространстве есть у человека родина во времени. Моя родина – май.

*Черёмухой вскипай,
склоняйся над коляской,
мой самый первый май
на Верхней Первомайской.
Глазей, моя весна,
кисейно-невесома,
на небо из окна
двадцатого роддома.*

Май в Москве – лучшее время, Москва в мае – лучшее место на свете. Эстафета цветения: черёмуха-сирень-липа-жасмин-клевер. Лучшие запахи на земле. Я плачу от них, как от музыки. Есть ещё ландыши в Измайловском парке. Их запах даёт ясное представление о рае.

День рождения: белые гольфы вместо бежевых простых колготок, первый раз в этом году игра в классики у подъезда с подругами, отсвет заката в свежeweмытых открытых окнах. *Вспоминая прожитые дни, старой майкой подтирая лужи, мою окна. Ну и ну! – Они изнутри грязнее, чем снаружи. Насухо бумагой протереть – пригодилась черновая вёрстка. Красота! Приятно посмотреть: край родной, рябина и берёзка.*

Берёзка посажена папой в честь рождения брата Серёжи, рябина – в честь моего. Берёза – за домом. Она и сейчас жива-здорова. Да что здорова – здорова: переросла нашу пятиэтажку. Рябина – перед домом, у подъезда. Была. Она многое вынесла: палисадник (заборчик,

цветы, кустики, кажется, даже плодово-ягодные) превратился в парковку («А куда мне ещё её ставить, так-перетак!»), даже трава перестала расти, а она всё стояла, всё цвела. В год, когда смертельно заболел мой муж, я заметила, что она двойная. Заметила потому, что одна её половинка завяла. В год смерти папы завяла и вторая. Теперь её выкорчевали, и следа от неё не осталось. На папиной родине, в Вологодской области, был обычай: в день рождения ребёнка сажать столько деревьев, сколько нужно для постройки дома. Думал ли папа об этом, сажая мою рябину? Да и что из неё сделаешь, тоненькой такой? Её и на домовину не хватило

бы... Двор моего детства. Такой зелёный, что из окна не виден дом напротив. Такой многодетный, что воскресенья не хватало, чтобы переиграть во все игры. Игры не отличались миролюбивостью. Но самой жестокой была игра в роддом. *Прятки: на глаза не попадайся. Салки: избегай прикосновенья. Жмурки: уклоняйся от объятий. Вышибалы. Ножички. Войнушка.*

Коляску с ребёнком можно было спокойно оставить под окном. А вот велосипед – ни на одну минуту! До сих пор перед глазами: смотрю в окно кухни и вижу, как взрослый мужик садится на мой новенький подростковый дамский велосипед и не спеша уезжает. Два велосипеда угнали у меня в детстве. Две моих дочки выросли под окном. Где вы, мои велосипеды? Что осталось от моего двора? *Тенистый двор, где до сих пор сушат бельё под окнами, восточный ковёр на школьный забор кидают и громopodobными ударами оглашают Москву, из форточек рвутся мелодии, и я полвека соседей зову Тётнадцать и Дядьволодею.*

Тётнядя, Тётмаша, Тётлюда живы, Дядьвали и Дядьволлоди уже нет. Бельё под окном сушит только Тётнядя. Ковры больше никто не выбивает. Исчезли лавочки у подъезда и детская площадка. Играющих детей не видно даже по воскресеньям. Зато стало очень много дворников. Они даже подрезают траву – там, где она ещё осталась. А черёмуха, сирень, липа, жасмин, клевер? Цветут. ☉

2

ГЛАВА

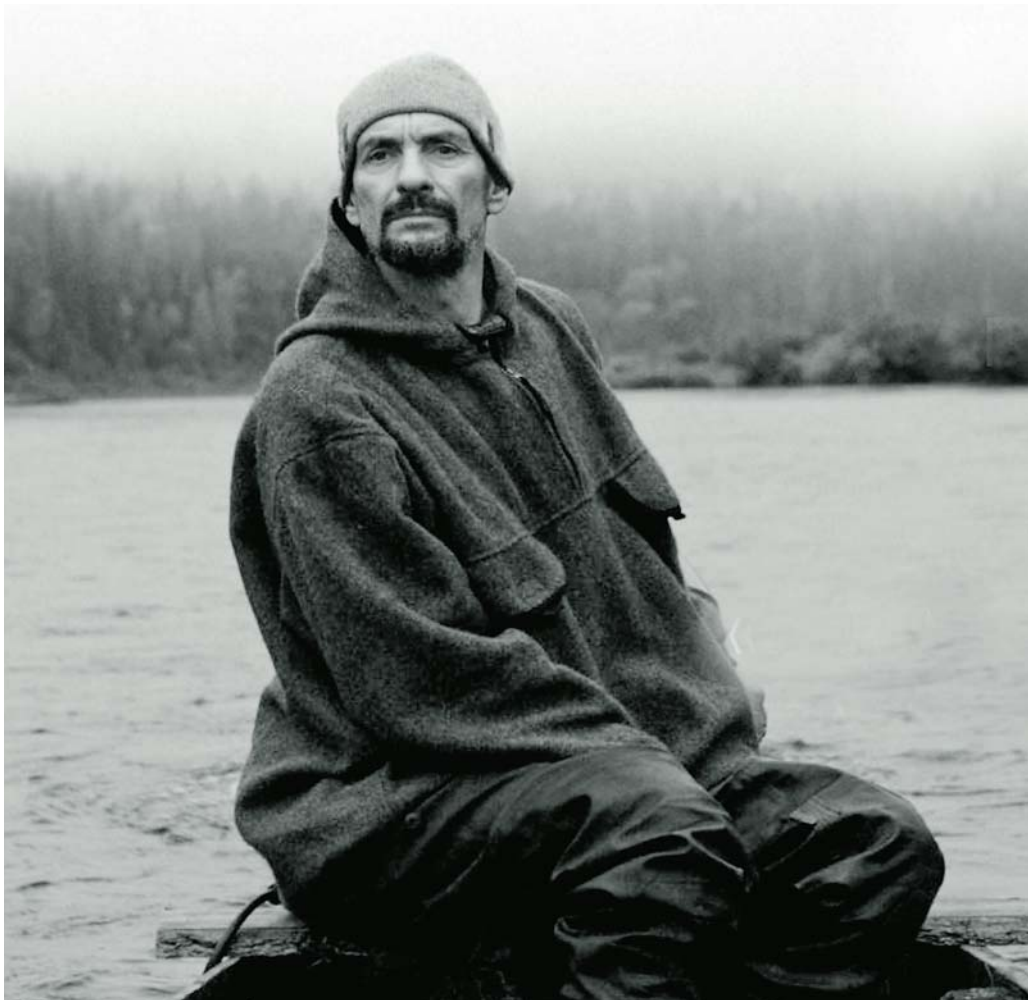
ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*Из которой читатель узнает, как
писателя Михаила Тарковского тайга
превратила в отшельника **с.26***

.....
*а Ирину Ясину свободной
и бесшабашной сделала
болезнь **с.32***

Отшельник

Поэт, писатель Михаил Тарковский, преемник Валентина Распутина, как о нём всё чаще говорят, четвёртый десяток лет живёт в тайге на Енисее. Эти места ему открыл когда-то его дядя Андрей. Тридцать лет – многовато для эпатажа публики, для работы на имидж. А тогда ради чего это всё?

ИГОРЬ СВИНАРЕНКО

Я познакомился с Михаилом лет пятнадцать назад, когда он только начинался как писатель и ещё не ездил представлять русскую литературу в Париж. Я стал с ним видеться по поводам и без, писать про него. Это очень интересно. Чего уж там, племянник и внук великих Тарковских, которые занимают высокие строчки в списке русских классиков. Михаил серьёзно относится к своей миссии (русский писатель), говорит о ней с некоторым пафосом. Из москвича он превратился в провинциала, не то чтоб в «деревенщика», но что-то в этом роде. Чтоб из столичного персонажа сделаться почвенником, съехать из Белокаменной на Енисей – ну, надо иметь запал.

Какой резон? Тексты, конечно, важны, но биография обычно перевешивает, перебивает. Нужны приключения, в идеале это какая-нибудь война или охота, как правило африканская, романы с заметными красавицами, отъезд на Запад и, может быть, возвращение с него через какое-то время. Ну вот чтобы вместо Запада – Восток, Сибирь, дикое края, тайга, это да, это исключительно!

Я решил непременно махнуть туда к нему в Бахту, на Енисей... Между прочим, он у себя в Бахте храм построил, во как! (Не один, но он был заводила, организатор. – *Прим. авт.*)

И он так смачно описывал, как туда добираться: – Если летом, то сперва самолётом до Красноярска, а потом теплоходом двое суток – прям до деревни. На пароходе, конечно, классно... Сел в каюту, пьёшь пиво, смотришь на берега, тебя подвозят прям к деревне. Причала нету в деревне. Но к теплоходу лодки выезжают обязательно – встретит кого, посадить, рыбу продать. Лодки сразу высказывают! Событие какое – пароход! Это ж не каждый день, а раз или два в неделю. Праздник... А зимой – от Красноярска самолётом, Як-40 или Ан-24, час сорок до Подкаменной Тунгуски, а дальше пятьдесят минут на «восьмёрке» (Ми-8), она по четвергам летает...

В своё время я туда так и не собрался, не добрался. И все наши с Михаилом разговоры протекали в столице, на его брошенной родине, в злчных её местах.

☉ Ты для чего поселился в тайге? Создать биографию? – спрашиваю я его в лоб. – Сейчас ни у кого из писателей нет биографии, а у тебя есть. Ты – тайжный охотник.

– Я просто захотел – и поехал. Я не думал ни о чём. И ничего писать не собирался.

☉ Но как же ты попал в дикое места? Ты осуждаешь цивилизацию и бежишь от неё, проповедуешь жизнь на природе?

– Да ну... Это всё хренософия, болтология. Я просто поехал, и всё... Очень распространённый вопрос: что человека заставляет сменить место?

Думают, вот, он бежит от дискомфорта, который был на старом месте. Но часто причина в том, что человеку просто нравится, даже слишком, новое место, куда он едет. У меня предлог мог быть любой, но на самом деле причина была такая: мне просто хотелось быть среди этих ёлок. Нравилась безумно тайга, вот это пространство огромное. Я когда смотрел на географическую карту России, особенно на зауральскую часть, меня просто начинало трясти, так туда манило. Это такой азарт!

Я каждый год в Сибирь ездил с биологами в экспедиции. Ещё школьником начал! Потом уже студентом в Туву ездил, на Байкал, на Енисей. Там мои друзья работали в экспедиции. Однажды я зимой в Туруханский район приехал и понял, что должен там остаться. И сразу мне предложили работу на биостанции... Я пять лет там отработал. Вместе с напарником, его зовут Анатолий. Потом он ушёл в охотники, следом за ним и я. Мы ушли... Это путь, тут всё логически одно из другого следует.

☉ А не больше ли свободы вот здесь, в Москве? Вот ты, например, пошёл бы, наторговал себе нефти на миллион долларов, а после делал бы что хотел. А?

– Это сказка, такого не бывает. Так не получается. Я думаю, что, как только человек заработает миллион, сразу начинает второй зарабатывать. Остановиться нельзя! И потом, мы и так делаем что захотим. Вот я напарнику Толяну говорю: «Слушай, вот было бы у тебя бабок до хрена, что б ты делал?» Он отвечает: «Ну что б делал? На вертолёте на охоту забрасывался бы и охотился. Ну жрал бы что-то другое, а делал бы всё то же самое».

☉ Это как в анекдоте, когда белый учит туземца: заработать на сборе бананов, а потом лежать под пальмой и ничего не делать. Туземец говорит: «Так я и лежу...»

– Да, да, да.

☉ Это как с цыганами. Их долго презирали за дикий образ жизни, а теперь все мечтают так же жить – иметь кучу детей, путешествовать, селиться на природе, жарить шашлыки на свежем воздухе...

– Ну да, есть такое. Вот когда приезжают иностранцы в тайгу, они же тоже начинают так себя вести.

☉ Ты возил?

– Было дело. Они отдают обстановку! Иностранцы на этот отдых в тайге тратят такие же бабки, как если бы они на Канары съездили. Даже больше!

☉ Типа знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Можно сказать, что ты живёшь на курорте?

– Мы обсуждали это с Толяном. Когда стоит прекрасная погода, градусов десять тепла, я говорю: «Вот было бы так всегда». Он не соглашается:

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

Родился в 1958-м, в Москве

«Спокойно могу говорить и о дэде, и о дяде, виделся с обоими. С дэдом – чаще, с дядей – только в детстве... Произведения их оказали на меня влияние... не убоюсь... всеобъемлющее».

Окончил в Москве школу

«Мы жили аскетично, скупо в материальном плане, но я со страхом думаю: а вдруг бы было иначе? У классиков – и у дэда, и у дяди – были свои семьи, своя жизнь, свой, что ли, высший пошиб, квартиры писательские, дома творчества, круги общения, но, повторяю: это всё было от нас далеко, и у меня до сих пор ощущение и восторга от причастности к этим людям и от нашего бедного, что ли, родственничества. А о том, что дэд поэт, я узнал довольно поздно и полишколы думал, что он астроном. Я знаю, что такое столичный писательский дух...».

«Поступать собирался на биологический факультет МГУ, но два раза проваливался, так как был троечником. Все, кто не сдал экзамены в университет, шли в пединституты. Туда поднаторевшим на сложных эмгэушных экзаменах поступалось легче – в пэде всё было проще. На собеседовании декан нас корил: «Зачем вы сюда идёте, чего вы мне свои грамоты с олимпиад суёте? Вы же не собираетесь работать в школе...» Мне до сих пор стыдно и за его укор, и за свои слабые и лукавые ответы».

Окончил пединститут, география/биологии
Уехал на Енисей, о котором много слышал от дяди Андрея, работал на биостанции, после стал РН (professional hunter) – ушёл в охотники.

«Я остался один-одинёшенек на биостанции осенью... Вот этот постоянный информационный фон, который всегда есть, даже в деревне, заглох. Всё схлынуло. Я читать стал очень много. Я себя услышал, открылся родник – и из меня попёрло: я стал стихи писать, записки какие-то. Это можно сравнить с монастырём. Я как будто на покаяние, на испытания ушёл».

«... Требования к себе как к писателю у меня, конечно, всегда были выше и жёстче, чем к охотнику. Здесь прав Набоков, который сказал, что никогда бы не пошёл лечиться к Чехову. Охотником проще себя назвать, да только настоящие охотники-промысловики – это мои товарищи, для которых промысел – их единственное и главное дело жизни. И я им в подмётки не гожусь».

«Да ты чего! Это было бы райское место! Тут все торчали бы, заколебали бы! Нас бы тогда выжили отсюда!» Там мало народу, потому что то комар, то морозяка, то транспорта нет. Это лимитирует. А так – конечно, классно, в принципе. Живёшь один, никто тебе на пятки не наступает, всегда можешь уехать на какую-то речку, где никого нет, поймать рыбину. Завёл мотор – и поехал! Ощущение такое, что ты хозяин жизни. Всё зависит от тебя.

Как в одном моём рассказе говорится, мир сведён до размеров, когда в нём можно навести порядок своими руками. Вот и всё. А в городе – не-е-ет. В городе ты зависишь от множества обстоятельств, у тебя нет ощущения, что ты хозяин положения. В городе важно одно: количество бабок. Чем больше у тебя бабок, тем сильнее у тебя ощущение, что ты хозяин. Но свободы всё равно нет! Свобода – в тайге.

Я его бесконечно подкалывал (пока он не стал очень серьёзным), и он вёлся.

☉ Вот у вас вроде свобода и чистота, ты об этом много говоришь, а живёте вы на деньги, которые за продажу соболей. Вы фактически кормитесь с того, что миллионеры покупают своим девушкам шубы.

Он возмущался:

– Нет! Нет! Настоящие таёжные мужики таких вот, в шубах, презирают. Дама, которая соболя носит от Диора, там она вообще для таких людей дерьмо. Они её презирают, им отвратительны эти дамские штучки, они ненавидят всё это!

☉ Скажи-ка, Миша, – продолжал я, – а не жалко тебе зверей убивать?

Он снова кипятился:

– Жрёшь курицу, носишь ботинки из кожи? Тогда молчи, за тебя другие убивают, это ещё циничнее! Охота – это образ жизни. Там убийство – это одна тысячная тех дел, которые ты делаешь, – по времени, по объёму.

☉ Да я пошутил. Убивай своих зверушек на здоровье! Стреляй ради бога! Но это очень интересно, что ты так завёлся. Скажи, пожалуйста, Миша, а каких ты вообще там зверей добываешь?

– В основном соболя, белку. Ещё там россомаха, медведь, лось, олень, глухарь, тетерев, рябчик. Медведь – он и на шкуру идёт, и на еду, и на блёсны... Но главное в медведе то, что он враг: не убьёшь его, он тебя потом на уши поставит. Враг – он же избушки разоряет. Залезет, разворотит там всё, сожрёт всё, что можно.

Я продолжаю свои попытки вывести Мишу на «момент истины».

☉ Вас ведь можно сравнить с пионерами, со следопытами, которые были у Фенимора Купера. Они делали то же самое, что вы, так?

– Ну, в принципе, да. Но разница в том, что они шли завоёвывать, они шли за золотом. Они жили дикой жизнью, но в итоге принесли дикарям цивилизацию. А у нас как бы наоборот. У нас в тайге это дурной тон – нести цивилизацию. Наоборот, смысл мы видим в том, чтобы раствориться в природе, чтобы стать не хуже аборигенов.

⊙ **О как. Если бы по вашему принципу действовали американские пионеры, то они, наоборот, стали бы ходить в перьях, с томагавками, жили бы сейчас в ладу с природой рядом с дикарями?**

– Да, конечно.

⊙ **Как талибы?**

– Конечно, конечно! Хотя поскольку мы люди русские, то у нас в результате получается нечто третье. У нас получается свой вариант.

⊙ **Тебе с таким вот твоим опытом, наверно, легче понять талибов, да?**

– Про талибов мне сложно говорить. Но я чувствую иногда, что ребята, может, правы, по большому счёту. Они своей жизнью живут, ненавидят американцев и цивилизацию вообще... Понимаешь, там чаще встречаются люди, которые, скажем так, о чём-то задумываются. Там всё-таки осмысленно живут. А тут люди только гоняются за деньгами, им некогда ни оглянуться, ни подумать, ни

поговорить с человеком. В Москве все занимаются выживанием. Как дикари в дикой природе.

⊙ **Значит, какой в итоге приговор Западу?**

– Откуда я знаю? Я что, президент, что ли? Какой приговор? Никакого. По фигу мне этот Запад. Нам своей жизнью жить, вот и всё.

И вообще, в истории любой страны есть период освоения каких-то новых земель, согласись. Человека из первобытно-общинного строя при-таскивают в XX век не спрося его согласия. Он не готов к этому, он гибнет. Любой контакт, он всегда губелен для более низкой цивилизации. Это раз. А второе – то, что в послевоенные годы неправильно велась национальная политика по отношению к малым народам. Не нужно было их свозить в посёлки, в интернаты, привязывать их к магазинам. Надо было их оставить на первобытном уровне... А так – они гибнут. Вот кетов, допустим, осталось меньше семисот человек. Они исчезнут лет через пятьдесят... Что происходит теперь? Опять дискриминация. Но северные народы сейчас находятся в более привилегированном положении, чем русские! Это маразм, то есть нарушение прав человека фактически. Вот у меня, например, никаких привилегий нет. Все должны быть в равных условиях, я считаю...

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Отправляясь в дальний путь,
ГРИППФЕРОН® не забудь.
С ним без **ГРИППА** и **ПРОСТУДЫ**
Сможешь славно отдохнуть!

Реклама

 **БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М** www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Per. P. 000089/01 Per. ЛП-001503

Немало мы поговорили и про гурманство, про изысканную еду. Казалось бы, где она и где деревенский лесной житель? Но нет, шалишь!

– Я люблю рыбу малосольную, почти сырую. Ещё очень люблю кусочек глухаря сырого съесть – с солью, с перцем.

☉ **Это саими называется?**

– Нет, это там называется собудай. Или сабудай, не могу точно сказать. Значит, соль с перцем смешивается, и макаешь туда кусочек мяса – ну, как строганину обычно едят. Очень я это люблю. (Я после вспомнил – столько всего было! – про то, как впервые отведал этот сабудай ещё в 1980 году, сбежав от Московской олимпиады на тот же самый Енисей, вот буквально в Туруханский край, в котором и расположена Бахта. Ну и после на Байкале мы точно по этому рецепту закусывали сырой рыбой с русскими специями. – *Прим. авт.*) Глухарь, у него грудные мышцы красные, а вот если дальше под них залезть, так там пласт белого мяса. Вот это очень вкусно. Там такая обтрёпанная обстановка, лодка обшарпанная, ветер херачит, такая серая волна, тучи такие. А ты сидишь и запросто берёшь и ешь глухаря или какую-нибудь рыбку роскошную. Такая гордость за себя, что такую еду по ресторанам жрут, а мы вот, простые ребята, грязные, в провонявших бензином фуфайках, у нас руки чёрные, в чешуе в рыбьей, запросто едим деликатес! Сильное ощущение! Вот почему Север так затягивает? Как раз потому...

☉ **Но есть и ещё кое-что невероятно важное... А что с женским полом? Как без него там, в тайге?**

– Да, краугольный вопрос, сложный. У каждого охотника есть мечта – бабу завести. Это как у зевков мать – святое, так у охотников – баба. Причём все понимают, что это граничит с маразмом, потому что она там, в тайге, на хрен не нужна. В тайге, там промысел, там работают, там эта баба – просто обуза. Но мечта эта очень сильна.

**«У ВСЕХ ИДЕЯ
ФИКС – ЖИТЬ
В МОСКВЕ.
А ЗА ЧТО ЗДЕСЬ
ДЕРЖАТЬСЯ?
ЗА БЕЗУМНЫЙ
ГОРОД?»**

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

☉ **Но ты же сделал это! У тебя ведь даже рассказ про это есть, как ты бабу брал в тайгу.**

– Нет, не было такого. Это я всё придумал. Это выдумка – просто мечта материализовалась. Всё-таки бабе нужен минимум какого-то комфорта... И потом, раз ты её привёз, так надо всё время с ней сидеть, а у тебя участок здоровенный, там десять избушек, надо ловушки обходить.

☉ **Большой участок?**

– У меня – маленький, четыреста двадцать квадратных километров, десять на сорок. А у моего соседа Генки Соловьёва – полторы тысячи квадратных километров. Ушёл, а женщине одной сидеть десять дней, ждать тебя... Зачем тогда брать? А ходить там непросто, особенно по осени, когда снег ещё маленький. На лыжах ещё рано, так что лыжи под мышкой, а ты с грузом, идёшь, ставишь капканы, кулёмки, постоянно собаки лают, где-то, хрен знает где, соболей загоняют, ты бегаешь туда-сюда. Приходишь в следующую избушку ночью, с фонариком уже. Ну какая баба, какая баба это выдержит? Да... Бабе там места нет. Но там настолько все чувства обостряются, что появляется это звериное, первобытное чувство – что нужна женщина. На уровне того, чтобы разделить с ней этот мир, который требует этого. В основном у охотников жёны, которые сидят в посёлке. Выбор там ограничен, в деревне трудно найти себе невесту. И у охотников, и у староверов, которые там неподалёку живут, есть такая проблема – они пишут в дальние посёлки, ищут невест. Мне вот хочется, чтобы женщина не просто бегала со сковородкой по хате, а чтоб я мог с ней поговорить, чтоб она, там, книжки читала...

С этим у него всё решилось – есть семья и двое малышей. Ну и славно.

☉ **Расскажи про Андрея! Дядю своего.**

– Все спрашивают, спрашивают... Ладно.

Помню, сидели с ним как-то у костра. Уже угли ворошили. Он смотрел, смотрел. Вдруг произнёс: «Вот так все когда-нибудь сгорим...» Я тогда подумал: ну и претенциозный же тип! А сейчас кажется – интересное замечание, даже в один рассказ свой вставил.

Мне кажется, что он видел меня насквозь, всю мою глупость и несостоятельность. Мне кажется, что он был выше тех, кто строил искусство на создании крамольных аллегорий, которые очень любила расшифровывать интеллигенция... Дядька-то лепил напропалую то, что думал. Мне у него очень нравилось то, что он вот перешагивает сразу в классику, вот классическая хватка у него такая. И я смотрел очень много его фильмов. Может, я раскрываю какие-то свои карты, но я, когда пишу прозу, руководствуюсь теми законами, которые он в своих фильмах показал.

☉ **Это какие такие законы? Ну-ка, сформулируй!**

– Это какое-то предельное раздевание души, это как расшелушивание луковицы – когда вся эта корка снимается и остаётся голый кристалл человеческого. Каждый человек испытывает какие-то моменты слабости и силы. Вот когда человек не боится быть обнажённым, когда ложную силу снимает с себя – как раз в этом его сила. Так вот герои Андрея не боятся быть слабыми. Вот ты – русский человек, ты сейчас можешь плакать, а завтра хохотать, рожу кому-нибудь бить, если это мерзавец. Вот в этом сила, может быть.

Ещё мы поговорили про Астафьева, другого классика, с которым Михаила сводила жизнь.

– Я послал ему повесть, и он сказал о ней, что это для него как глоток свежего воздуха. И мне это так стало приятно... Это меня внутренне поддерживало. После этого у меня началась как бы новая жизнь. Я ездил к нему в Красноярск, мы разговаривали с ним. Он – настоящий, в нём нет всего того, что есть во многих столичных писателях. Мне очень запомнилось, как он рассказывал, что вот его приглашают везде в качестве свадебного генерала. И говорит: «Вот сижу я там, и мне стыдно...» Действительно, веришь, что ему стыдно. Он высказывал мысли, которые и у меня тоже были, –

родные мысли звучали. Он всегда говорил: «Тебе нужно из тайги выбираться, переезжать в город, если ты хочешь писателем быть». А я ему говорил: «Я прикипел уже. Когда из Бахты уезжаю, у меня такое чувство, что я буду предатель, если уеду». Он говорит: «Слушай, у меня тоже бывает такое!»

⊙ Скажи мне, как ты видишь свой писательский успех? Что бы ты хотел в итоге получить? Памятник при жизни? Нобелевскую премию? Свой собственный музей?

– Нет, ни хрена. Хочу, чтобы я спокойно мог жить в Бахте на свои гонорары... Но этого не будет. Потому что та литература, которую я пишу, не будет пользоваться коммерческим спросом. Я ж не Пелевин, или кто там сейчас у вас за первого?

⊙ Смотри, ты едешь в тайгу, которая для тебя что-то типа монастыря, а Пелевин – чисто в монастырь. В Корею.

– Но это же всё опопсовлено, понимаешь?

⊙ Почему ты знаешь? Может, он действительно такой?

– Мне кажется, он шоумен...

⊙ Да, с таким подходом вряд ли ты одолеешь московского тусовочного читателя...

– Да и хрен с ним. Тебя-то устраивает мой ответ?

⊙ Хороший ответ, красивый. ⊙

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2b и противоаллергический компонент

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРМ www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Две жизни

С наступлением нового века словно по иронии судьбы Ирина Ясина узнала, что больна. Больна неизлечимо, и ничто в мире не может ей помочь. Ничто, никогда. Ни за какие деньги...

ЛАРИСА МАКСИМОВА

Девочка из хорошей московской семьи. Дочка профессора. Экономист и журналистка. Правозащитница и общественный деятель – так её называют, когда берут интервью. Жизнь на инвалидной коляске выводит Иру Ясину из круга обычных людей. Никто не готов даже представить себя на её месте. И то, что она там, на этом самом месте, может смеяться, воспитывать дочь, добиваться правды, модно, со вкусом одеваться и много ещё чего другого может, рождает настоящее, острое до слёз восхищение.

Ира стала известной после выхода своей книги «История болезни». Это повествование о её собственной жизни, разделённой надвое болезнью. До того, как она узнала, что больна, была одна жизнь, после началась совершенно другая. Прекрасная, как ей теперь казалось, и наполненная чудесными событиями жизнь остановилась навсегда. Её сменили боль, отчаяние, безумные попытки найти панацею. Впереди маячили инвалидное кресло и леденящая неизвестность.

Прошло семнадцать лет...

– А с момента выхода книги – шесть. Скажу честно, сейчас я уже не настроена столь оптимистично, как тогда. Я вообще думаю, что сегодня бы уже не смогла написать эту книгу. И не захотела бы. Ведь болезнь не остановилась, эта зараза развивается. Жить стало ещё трудней – например, теперь у меня не действуют руки, а тогда – работали. Ну, и так далее... Поэтому оптимизм всё сложнее поддерживать, иногда – всё чаще – наступает отчаяние. То, что впереди, пугает, и всплывает в памяти прежняя жизнь,

► С отцом, бывшим министром экономики России Евгением Ясиным

молодость, огромное количество ошибок, которые были наворочены... Сижу – копаюсь в себе, думаю, анализирую... Почему я не ценила то, что имела? Какой я вообще была? Очень весёлая, очень – даже слишком – самоуверенная, жёсткая. Этакая «фря» на каблуках. Невнимательная не только к людям, но даже и к природе, вообще к окружающему миру. Бегущая по волнам. Конечно, болезнь меня сильно изменила, даже думаю, полностью переродила. Может быть, для этого она мне и была дана. Хотя это очень романтично, если честно, считать, что болезнь даёт «для чего-то». Будем считать, что она даёт для того, чтобы люди поняли, что бывает и хуже. И не ныли. Не проси меня вспоминать мою жизнь до болезни. Я не хочу. Но дело даже не в этом, а в том, что я почти ничего не помню из своей прежней жизни. Наша память же очень услужлива – она стирает всё то, что нам мешает, что невыносимо, больно или не хочется вспоминать. Такое самосохранение.

Я могу сказать, что познакомилась с мужем в самолёте, хотя учились мы на одном курсе, потом родилась дочка, мы жарили шашлыки, я танцевала, влюблялась, работала как бешеная – но картинки стёрты. Табу. А вот день, когда я первый раз почувствовала болезнь, помню хорошо. Мы были с родителями и десятилетней дочкой в Англии. Май 1999 года. В Эдинбурге лил дождь и стоял жуткий холод. На меня вдруг навалилась свинцовая усталость, я решила, что от холода что-то случилось с почками. Мы уехали в Лондон и попали в настоящий рай. Тепло. Всё цветёт. Мы снова много ходили, гуляли, смотрели город. А усталость всё не проходит и не проходит, ноги стали как гири – не иду, а плетусь. Это было для меня совершенно необычное состояние, ведь я всегда была очень активной. Я очень любила танцевать рок-н-ролл, умела это делать и всегда, как полковая лошадь, была готова пуститься в пляс, услышав звуки музыки. А тут я всё время только вижу впереди спины немолодых родителей и Варьки – и никак не могу их догнать! И чувствую себя старой бабкой. Именно в этот момент я поняла, что со мной что-то по-настоящему не так. Почки тут ни при чём. И надо идти сдаваться врачам. Потом я вспоминала, что подобная усталость на меня и раньше накатывала, но она проходила, и я забывала. А здесь она не прошла. Врачи прописали мне транквилизаторы. Это была их реакция на жалобу: устаю, подворачивается левая нога. Транквилизаторы не помогли. Меня отправили на гипноз. Это было ужасно смешно потому, что гипноз на меня никак не действовал. Я сидела и складывала в уме, сколько сейчас заплачу за сеанс. Кроме того, за окном работал отбойный молоток, что с гипнозом никак не совмещалось. Я плюнула и ушла. Сделали анализ крови – результаты как у космонавта. Но, видимо, всё же стали что-то по-

дозреть и отправили... к окулисту. Теперь я понимаю почему, а тогда моё терпение было готово лопнуть – при чём тут окулист? Хожу бессмысленно по кабинетам, трачу деньги... Окулист изучила меня фундаментально, вплоть до ядерной магнитно-резонансной томографии. Она и показала рассеянный склероз. И с этого момента я стала вспоминать, что разные симптомы этой болезни у меня были и раньше, даже ещё в школе, я просто не обращала на них внимания. Например, я вспомнила, что на физкультуре в девятом классе мне стало тяжело бежать. Как потом в Лондоне. Или, например, я ни разу не смогла попасть по воланчику, когда мы с Варькиным папой однажды играли в бадминтон. Или упала во время танца в 98-м году. Получается, что я болела давно – с начала 90-х, но просто этого не знала. И слава богу!

Когда врач объявил мне диагноз, я испугалась не сразу. Дело в том, что я понятия не имела, что такое рассеянный склероз. Дома я раскопала Большую советскую энциклопедию и всё прочитала про свою болезнь. И пришла в ужас. Начался бесконечный кошмар... Родным и близким (кроме Варьки, конечно) всё сообщили. Мы все страдали и приходили в отчаяние. Но – поодиночке. Казалось, что так уберём друг друга от ещё больших страданий.

Муж ушёл, потому что у него развивался бурный роман на стороне. Он сказал, что всегда готов мне помогать. Деньгами, например. Деньги мне были нужны, конечно, но гораздо важнее, чтобы он остался рядом. Он не остался. Моя болезнь его не остановила. Это был сильный удар. Это теперь я понимаю, что его уход – лучшее, что он мог сделать. Вместо того чтобы врать, страдать и мучиться на моих глазах, он освободил меня от этого зрелища. Но тогда это было невыносимо. Простила ли я его сейчас? Нет. Но он отец моей дочери, я сделала всё, что от меня зависело, чтобы между ним и Варькой сохранились родственные отношения. Я вообще считаю, что чем больше людей любят твоего ребёнка, тем легче ему будет жить. Огромное количество женщин совершают трагическую ошибку, транслируя свою обиду ребёнку и запрещая бывшему мужу даже близко подходить. Я никогда не врал Варьке, что я на самом деле думаю о её отце, но всегда повторяла – это наши, а не твои отношения. Тебя он любит, вы должны общаться! Это мне давалось совсем нелегко, сказать хотелось совсем другое. Но я справилась.

А тогда... Я сидела дома и беспрерывно рыдала. Было лето, и вокруг открывающегося музея Пушкина в честь 200-летия поэта красили фасады. Чтобы не видеть мужиков, которые ползали по лесам, я наглухо задёрнула шторы. Полумрак усугублял моё состояние. За этими шторами я спряталась от всех. Я никого не хотела видеть. Я грызла ногти. И ревела не переставая. Помню, что однаж-

ды, увидев свои израненные пальцы, я пошла и купила тонкие светло-жёлтые перчатки. И спрятала руки. Эти перчатки до сих пор для меня символ того ужаса, который я пережила в тот первый год после объявления мне диагноза.

Я долго не хотела принимать свою болезнь. Даже делала вид, что всё может быть как прежде. Это ощущение закончилось, когда я отказалась ехать по работе в Южную Корею только потому, что поняла, что я не смогу это сделать физически. Просто дошла пешком от дома до МИДа в раскалённый полуденный зной и поняла – такие нагрузки уже не для меня. Шла, чтобы подтвердить своё участие, а в приёмной – отказалась.

Думала ли я о том, чтобы покончить собой? Да. Было. А потом вдруг я опомнилась. Меня оставило даже не то, что рядом была маленькая дочка. Просто однажды я поглядела на своих уже не очень молодых родителей и подумала: а как же они останутся без меня? Как вообще можно пережить смерть своего ребёнка?

Когда мозг смирился с наличием болезни, я попыталась лечиться. Испробовала все способы – от традиционных до самых фантастических. В разных странах разные врачи пытались меня лечить – безуспешно и очень-очень дорого. Попытка приобщиться к церкви не удалась. Алкоголь не действовал. Лекарство, которое мне помогало, стоило огромных денег, и его нужно было хранить в холодильнике. А меня, видимо, посадить на цепочку у этого холодильника... Дружья стали исчезать из моей жизни. Во всяком случае – институтские дружья. Наверное, если бы я попросила помощи, то они бы появились, а так... Они работали, растили детей, жили своей жизнью. Кстати, о помощи. Я считаю, что просить не стыдно и даже нужно. Если ты не скажешь, что тебе нужна помощь, как люди узнают об этом? И ещё – не нужно навязываться, если тебя о помощи не просят. Попросят – помогай, нет – не лезь! У меня был такой случай. Я узнала о парализованной девочке, к которой ходила учительница на дом. Я решила, что это неправильно – ребёнок должен находиться в коллективе, позвонила маме и сказала, что я готова помочь оборудовать в школе пандус для въезда коляски. Тогда девочка сможет ходить в школу, как другие дети. Я была уверена, что творю благо. Мама девочки послала меня прямым текстом. Я обиделась ужасно, но это было глупо с моей стороны. Она меня действительно ни о чём не просила, я вообще не знала, какая у неё ситуация в семье, может, у неё на руках, например, ещё больная мама и ей легче находиться дома, чем возить ребёнка в школу...

Одни дружья исчезли, но появились новые. Или вдруг стали близки те, с кем когда-то была знакома шапочно. Вот, например, Юлька Петрова. Гуляли в Перово с колясками. Познакомились. Сейчас она

учительница труда. Я её научила букеты с первого сентября – свои и других учителей – увозить в хоспис. Их же приносят по сто штук, всё равно завянут. Я, кстати, часть своих букетов и папиных тоже отдаю в хоспис – со всех дней рождений.

Почему я взялась за воспоминания? Мне просто предложили, и я согласилась. Я согласилась написать книгу и ничуть об этом не жалею, хотя меня многие отговаривали. Моя мама, например. Она считала, что, узнав про мою беду, многие люди будут не жалеть меня, а злоствовать и злорадствовать. Как ни странно, так оно и вышло. И среди тех, кто говорил «так ей и надо!», было много инвалидов. Они писали, что, если бы у них были деньги, они бы не отказались и дальше так болеть. Иногда так говорили здоровые люди. Честно, я бы не назвала их умными. Когда мне подруга сказала: я готова с тобой поменяться местами, если бы мне дали денег, – я онемела. Все эти люди считали, что деньги могут решить все проблемы, были готовы променять здоровье на богатство. Те бедные инвалиды, которые мне пишут, что мне легче, чем им, потому что я богатая, правы в чём-то. Да, мне легче. Я могу нанять водителя, взять сиделку, купить какие-то приспособления вместо утраченных организмом функций. Деньги многое решают, но они не могут повлиять на главное. Это способен сделать только сам человек. Вот простой пример из жизни. В Воронеже три девушки попали в автокатастрофу, две из них оказались парализованными после перелома позвоночника. Ехали они с праздника, обе участвовали в конкурсе «Краса воронежского края», победили там. Одна – из очень состоятельной семьи. Родители увезли её за границу, поселили в шикарный дом, окружили лучшими врачами и сиделками. Другая – обычная, простая девочка. Ей пришлось нелегко, но как только она справилась с первым потрясением, то прямо на коляске приехала устраиваться на работу – на воронежское ТВ. И её взяли! И у неё началась новая жизнь, новая интересная работа. А потом её заметили начальники с «Дождя» и пригласили в Москву. Так родилась новая телеведущая на инвалидной коляске – Женя Воскобойникова. И пока её подруга, та, богатая, сидит и смотрит в тоске на море, эта живёт, работает, зарабатывает себе на жизнь, встречается с новыми людьми. Эти новые люди и связи помогают ей выживать. Более того, она вышла замуж и родила ребёнка. Будучи в инвалидной коляске! При чём тут деньги? Да ничего от денег не зависело в этой ситуации... Мне не хочется много говорить об этом. Всё, что я хотела рассказать о себе, о том, как жить с болезнью и научиться с ней договариваться, – я написала в книге.

К сожалению, Ирина болезнь пошла по самому худшему сценарию. Мы познакомились и подружись с ней, когда уже всё было по полной програм-

«Я ПРЯТАЛАСЬ... СОЗДАНИЕ ИЛЛЮЗИИ ПРЕЖ- НЕЙ ИРЫ ЯСИНОЙ ЗАНИМАЛО ВСЁ МОЁ ВРЕМЯ»

ИРИНА ЯСИНА

ме – и инвалидная коляска, и неподвижные руки, и трудности с дыханием... Но как же уютно и приятно с ней дружить! Ира научила меня разбираться в винах, отправила в Италию за какой-то уникальной тарелочкой для своей коллекции и была настолько убедительна, что я уговорила своих друзей изменить маршрут, взять машину и поехать в какую-то не ведомую никому итальянскую деревню, где эту тарелочку можно было заполучить... Другой подруге Ира помогла продать картину, ещё одной – издать книгу... Недавно она смоталась в Индию, пересмотрела все спектакли Женовача, свозила папу на лечение в Израиль, устроила дела дочери. А какие компании собираются в «Ясиной Поляне»! Так друзья называют дачу, где Ира живёт вместе с папой – профессором Евгением Ясиным, в которого влюблены все её подруги, включая меня. К сожалению, Ириной мамы уже нет в живых. Журналисты, писатели, политики слетаются сюда не только поговорить, но также попробовать вкуснейшие блюда и напитки, которые готовят в этом доме.

Однажды я спросила Иру, как ей удалось привыкнуть к мысли, что она больна. «К этой мысли нельзя привыкнуть», – сказала Ира. – Просто не нужно всё время терзаться – нужно жить. Хотя бы потому, что другой жизни всё равно не будет». Жить по максимуму настолько, насколько это возможно в сложившейся ситуации. Ведь даже в самом плохом всегда можно найти самое хорошее...

Бывают болезни, которые нельзя вылечить, но любую болезнь можно победить. А победителю легко простить предателей и забыть обиды. Болезнь, которую человек победил, возвышает его, делает свободным от условностей, позволяет мыслить и говорить без оглядки на мнимые авторитеты – именно то, что думаешь. Делает смелым, бесшабашным и даже способным на поступки, которые ещё недавно казались невозможными. Может быть, потому, что человек уверен: ничего хуже того, что уже случилось с ним, – не произойдёт? ☉

— ❖ — ОТПЕЧАТКИ — ❖ —

Чулпан Хаматова

► Кадры из фильма «Лунный папа», о котором дальше наш рассказ

▶ С дочерьми
Алиной и Ариной

Калейдоскоп

Ираклий Квирикадзе рассказывает о Чулпан Хаматовой, о её друзьях, о лохматой таджикской собаке и объясняет, почему с неба упал бык

Всё началось в Берлине, где мы встретились случайно на перроне станции метро «Зоологический сад». Мы – это Бахтияр Худойназаров и я, Ираклий Квирикадзе. Он – режиссёр, я – сценарист. Он познакомил меня с продюсером Карлом Баумгартнером, полувшвейцарцем-полуитальянцем. Баумгартнер видел фильм «Время танцора», где Чулпан Хаматова впервые появилась на экране, и влюбился в неё и её талант. Он носил в кармане пиджака портрет актрисы (тогда мне неизвестной), вырванный из какого-то немецкого киножурнала. Баумгартнер размахивал этим портретом и кричал, захлёбываясь густым сигарным дымом: «Ираклий, сочини простую недорогую историю, где эта девочка сыграет главную роль!» О Баумгартнере я знал, что он известный продюсер и великий авантюрист. В тот год с ним случилась большая беда. Он сфинансировал фильм «Андерграунд» режиссёра Эмира Кустурицы. Фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» на фестивале в Каннах, но провалился в кинопрокате. Такое бывает. На сеансах залы были пусты. В одном таком пустом кинотеатре, куда он привёл Бахтияра и меня, постоянно курящий доминиканские сигары Карл Баумгартнер показал то странное девичье лицо, вырванное из журнала. Я прочёл: «Чулпан Хаматова в фильме «Страна глухих» Валерия Тодоровского, 1998 год». В зале сидело человек семь, на экране бессмысленно крутился замечательный «Андерграунд», а Карл Баумгартнер кричал: «Я ограблю швейцарский банк, меня обождают старые итальянские аристократки, одолжу их бриллиантовые диадемы, заложу в ломбард, но деньги на фильм достану (сигарный дым вырывается из ноздрей, ушей, глаз), только придумай что-нибудь очень необычное!» Карл Баумгартнер боготворил Эмира Кустурицу, хоть потерял на «Андерграунде» три миллиона личных долларов. Объяснить провал было нетрудно. Фильм о войне в Югославии, а мир каждый день смотрел по телевизору эту самую войну. Великий режиссёр снял великий фильм, зритель сказал: «Не хочу». Но мы не об «Андерграунде», а о «Лунном папе».

В итальянском ресторане, где пели дуэтом «маленький Паваротти» вместе с «маленьким Стингом», где готовили лучшие в Берлине спагетти, Баумгартнер успокоился. «Снимать будем в Таджикистане, и Чулпан...» – Он полез в карман за фотографией, которой весь день размахивал перед моим носом и носом Бахтияра, а она потерялась. Гиперэкспансивный Карл обыскал свои карманы, мои карманы, карманы Бахтияра, карманы официанта, у сомелье, который помогал выбрать лучшее вино и который до исчезновения фотографии рассматривал «гранд артисто Чулпан

► Режиссёр Бахтияр Худойназаров помогает актрисе Чулпан Хаматовой войти в образ

Хаматов», и в его карманах искался портрет, но, увы, безуспешно.

Я начал писать сценарий. В Таджикистане никогда не был. По географии в школе имел тройку, более-менее знал Казахстан, снимал там фильм «Возвращение Ольмеса», и Узбекистан (Ташкентский кинофестиваль и друг Алик Хамраев – классик среднеазиатского кино). Не писалось, я двигался в тумане, щупал пустоту. Утром кто-то позвонил в дверь, я открываю её, Баумгартнер протягивает фотографию Хаматовой и говорит: «В офисе нашли, сделали копии, возьми. Федерико Феллини говорил мне – когда пишу сценарий, обязательно должен смотреть в глаза герою. – Вручил фотографию и исчез. – Не буду мешать».

Я поставил Чулпан на свой письменный стол. Смотрел ей в глаза, она улыбалась, как бы спрашивала: о чём пишем? Живя в Берлине, я имел грант немецкой академии искусств. Написание сценария оправдывало мою вечную лень, бездеятельность, большую квартиру на Аденауэр-плац, выделенную академией, и траты на стипендиата. В Берлине 90-х была замечательная энергетика. Здесь жило много хороших людей: Андрей Битов, Гия Канчелия, Отар Иоселиани, Бахтияр Худойназаров, Сергей Бодров-старший, Валерий Огородников. Я перебирал в голове десятки сюжетов. Искал их в старых записных книжках, не подходил к телефону, зная, что звонят или режиссёр, или продюсер, или оба, один держит бейсбольную битку, другой – отточенный бухарский нож. Я видел этот нож в руках Бахтияра, когда он готовил в моей академической квартире фантастический таджикский плов. Он готовился по любому поводу, лишь бы собрать друзей за одним столом, смеяться, есть, пить, говорить о чём-то занимательном, например, как могла полуслепая Фаина Каплан стрелять во Владимира Ильича Ленина и попасть.

Сценарий не писался. Но вот мистика... Я брожу по вечернему Берлину. На перекрёстке, где аккуратные немцы ждут, когда красный свет переключится на зелёный, вижу девушку, чья фотография стоит на моём письменном столе, и по совету Федерико Феллини смотрю на неё утром, в полдень и вечером. Я подбираюсь к ней, загорается зелёный свет, я иду за предполагаемой Чулпан Хаматовой, хочу окликнуть, но смущаюсь – а вдруг это не она? Долго иду. Девушка встречает мужчину. Кажется, это танцор Берлинского балета. Слышу их русскую речь. Они заходят в небольшой тайский ресторан со львами у входа, захожу и я и натываюсь на Луку Месхи, моего дальнего тбилисского родственника. Он студент-микробиолог, месяц как живёт в Берлине. За соседний столик садятся те двое. Слышу, как танцор зовёт девушку Чулпан. Лука рад встрече со мной, берёт бутылку вина, ещё бутылку, и мы быстро, очень быстро пьянем, громко говорим

по-грузински. Лука начинает рассказывать мне историю. И я понимаю – вот тема сценария. Это фантастика! Месяц в голове моей пустота. Сейчас в трёх шагах от меня сидит героиня истории, не зная, что я слушаю сюжет будущего фильма, который очень скоро прославит её, Бахтияра и чуть-чуть меня. Я не скромничаю, говоря «чуть-чуть», потому что это действительно так. Зритель знает актёров, знает режиссёра, на этом счёт обрывается.

Лука Месхи уверял меня, что он помнит все девять месяцев, проведённых в материнском чреве. Слушая Луку, я одним глазом поглядывал на девушку, сидящую за соседним столом. Я всё больше и больше входил во вкус рассказа. Пьянея от кислого новозеландского вина, мне хотелось спросить: «Лука, врёшь же?» И я спросил. Удивила невозмутимость, с какой мой дальний родственник продолжал рассказывать эту невероятную историю.

Чулпан и танцор встали, улыбаясь, спросили: «Вы говорите по-грузински?» Мы подтвердили. Они ушли, оставив на своём столе капли для глаз. Я положил их в карман. Домой вернулся с названием будущего фильма – «Лунный папа». Сел за стол и написал первую страницу:

«Лаура была шестнадцатилетней дурочкой и не собиралась становиться моей мамой. Однажды ночью она уколола палец об острый шип дикой розы. Лаура возвращалась с концерта артистов, приехавших в нашу деревню Лио. Концерт понравился ей. Возвращаясь домой, она брела в темноте и насвистывала песню из репертуара сестёр Ишхнели. Решив сократить путь к дому, Лаура пошла пустырьём, заросшим кустами диких роз. Кто-то, кто через полчаса станет моим папой, подошёл к ней и назвал актёром той заезжей театральной труппы. Дальше они пошли вместе и свистели уже дуэтом. Потом упали в траву. Выглянула из-под облаков луна. Быстро сделав Лауру моей будущей мамой, актёр встал с мятых ночных трав и исчез. Исчез навсегда, «словно растворился в лунном свете», скажет потом Лаура. И никто – ни мама, ни мой дедушка Иосиф, деревенский милиционер, ни бабушка Наталья, – никто никогда не узнал кто он. Дедушка, бабушка, мама девять месяцев ездили в Кутаиси, Потти, Анару, Боржоме – в города, где есть театры, – высматривали, выслеживали актёров-мужчин, пытались определить, кто шёл за мамой Лаурой в ту лунную ночь по пустырю, заросшему дикими розами. Дедушка был строг. Он носил в кармане револьвер. Бабушка хотела лишь мужа для дочери, маме же нравились театры, сцены, бархатные занавесы, мраморные колонны, буфеты, пирожные, лимонад и, конечно же, наряды, причёски, голоса актёров. Каждый понравившийся актёр казался ей тем самым таинственным лунным незнакомцем. «Это он», – шептала мама.

Дедушка Иосиф тут же выхватывал револьвер и лез на сцену, гоняясь за перепуганными до смерти актёрами. После громких разбирательств выяснялось, что ни один из них никогда не был в окрестностях нашей деревни Лио. У дедушки был мотоцикл с коляской, на нём мои родственники совершали набег на театры в близких и далёких городах»...

Эту первую страницу сценария я прочитал Карлу Баумгартнеру и Бахтияру Худойназарову. Она, собственно, и решила проблему, что мы пишем и что мы будем снимать в ближайшем будущем. Легко поменяв географию – Грузию на Таджикистан, мы пустились в путешествие по пыльным среднеазиатским дорогам, обгоняя караваны двугорбых верблюдов... Баумгартнер с каждым прочтением новых сцен сценария всё больше светлел лицом. Я сказал, что видел Чулпан Хаматову в Берлине в тайском ресторане с русским танцором. Бахтияр Худойназаров встретился с Чулпан. Вернувшись с этой встречи, он сказал: «Она гениальна. Но я боюсь её... Она чересчур гениальна». Что значит быть чересчур гениальной, он не смог объяснить. Повторял: я её боюсь, я её боюсь.

Баумгартнер нашёл японских и арабских инвесторов. Будучи очень богатыми, они были и очень осторожными, и, что скрывать, очень жадными. Они не знали, кто такая Чулпан Хаматова, и требовали от Бахтияра посмотреть японских и арабских красоток. Чуть не со слезами я провожал друга в далёкий вояж осмотреть, пощупать, оценить таланты японских, особенно арабских, нимфеток. Знал бы мой родственник Лука Месхи, что рассказанный им пьяный бред станет серьёзным международным проектом. Вот послушайте!

«Лаура Месхи влюбляется в Гизо Глонти, санитары машины «скорой помощи». Они целовались в тех самых розовых кустах на пустыре, где её повалил лунный незнакомец. Беременная Лаура была счастлива. Через две недели сыграли свадьбу. Вся деревня Лио три дня кутила, веселилась, а потом случилось то, во что никто не верил, когда им рассказывали... Утром рано Иосиф, Лаура и Гизо поехали в районный центр расписаться, о чём почему-то все забыли. Мотоцикл только выехал за деревню, как Лаура попросила папу Иосифа остановиться, и побежала к кустам. Гизо за ней. «Ты что, девочка? Тебе нехорошо?» – «Успокойся у меня свои проблемы, живот...» Гизо вернулся к мотоциклу, стал тихо о чём-то говорить с Иосифом, тот отлучал ему, и оба смеялись... Неожиданно со страшным рёвом с неба упал бык. Он расплющил мотоцикл, Иосифа и Гизо. Когда к ним подбежала Лаура, она увидела только громадную тушу чёрного быка, горячую кровь, стекающую с бычьих ноздрей, и чьи-то ноги – то ли отца, то ли возлюбленного, которые виднелись из-под туши. В эту фантастическую смерть никто

не хотел верить. В шесть утра у выезда из деревни Лио с неба свалился бык? Бык с неба? Разве что Зевс (которого греки изображают в виде быка) покончил жизнь самоубийством... Но при чём тут папа Иосиф и Гизо?

На девятом месяце беременности Лаура, вопреки природе, расцвела, похорошела. Девичье лицо обрело черты красивой женщины. Она не могла оставаться в одиночестве. Краткая любовь к Гизо Глонти, раскалённой иглой возникла в сердце, как только она оказывалась одна. Ей не хватало весёлого санитара с нежными, сильными руками, с которым она так глупо договорилась заниматься любовью только после рождения ребёнка, плавающего в её животе. Она пошла помогать своей подруге Медее в столовую. Получала какие-то мелкие деньги. Как-то вечером в столовую вошли два подвыпивших лётчика. Лётчики рассказывали Лауре и Медее всяческие забавные истории, среди них рассказы и эту. Совсем недавно, улетаая на Север, зная, что там неблагополучно с продовольствием, они украли двух коров и быка. Только взлетели, бык сорвался с привязи и стал носиться по самолёту как сумасшедший, пришлось срочно избавляться от опасного груза. Они открыли люк, и бык выпал... Лаура опрокинула на голову лётчика кастрюлю с горячей-прегорячей кашей мамалыгой».

«Лунный папа» снимался в конце 90-х годов. Интернет уже начал завоевывать человечество, но это были первые шаги победителя. Сейчас, когда я пишу «Калейдоскоп», в котором рассказываю о режиссёре Бахтияре Худойназарове, о продюсере Карле Баумгартнере, о Чулпан Хаматовой (она – главная героиня), в окне – ночь 5 июня 2016 года, воскресенье. Я за городом, утром должен сдавать текст Лене Кузьменко, главному редактору журналу STORY, льёт жуткий ливень, я не пользуюсь Интернетом (на свою беду), и множество листов, скопированных с газет и журналов, о Чулпан (любимой очень многими и мной) потонули в водопаде, залившем дачный почтовый ящик, с которого содрана крышка. Кто содрал? Не знаю. Листы как каша, сушу их на полу, на диване, что различаю – вписываю в мой «Калейдоскоп». Извиняюсь, что не знаю первоисточника. Вот, например, «Правила жизни» Чулпан Хаматовой:

«В моей большой татарской семье и моим родителям было очень больно, когда я решила стать артисткой. Для них это был неизведанный мир, страшный. Артистка – проститутка, точка. Я даже не знаю, когда они смирились. Надо будет спросить».

«Способна ли я ненавидеть? Люди делятся на тех, которых ты можешь оправдать, и на тех, чьи поступки ты никогда не оправдаешь, потому что эти люди – другие во всём. У них другое представление о добре и зле. У них другая линза в глазу,

«Я ОДЕВАЮСЬ ПОД МУЗЫКУ, ПРОСЫПАЮСЬ ПОД МУЗЫКУ. ВСЁ ДЕЛАЮ ПОД МУЗЫКУ»

ЧУЛПАН ХАМАТОВА

другая ушная раковина. Я не могу их ненавидеть, как не могу ненавидеть волка, черепаху или змею».

«Моё отношение к смерти очень изменилось за последние годы. Я легко могу принять собственную смерть. Это несложно. Сложно кого-то терять».

«Я мечтаю, чтобы у меня хватило мудрости каждое мгновение помнить, что я жива и что вокруг меня – жизнь. Мне кажется, это и есть счастье».

«Я приняла православие, когда мне было четырнадцать. У меня была серьёзнейшая травма позвоночника, была угроза, что не смогу ходить. Моя подруга взяла меня за руку и повела меня в церковь. Она верила в чудесное исцеление. Но чудеса не произошло. И пришлось долго-долго лежать в больнице. Дальше этого моё внедрение в православие не простирается. Но я очень радуюсь людям, которые погружены по-настоящему и могут находить ответы на мучающие их вопросы».

Бахтияр Худойназаров вернулся с азиатско-го «кастинга», неся чемодан фотографий юных красоток. У «Лунного папы» уже появилась своя комната в баумгартнерском офисе. Я словно Иосиф Виссарионович – тот, который был вождём мирового пролетариата, но при этом имел тайную страсть вырывать из журнала «Огонёк» фотографии молодых спортсменок (обожал дискболку Нину Думбадзе) и прикреплять их кнопками на стене своей спальни над кроватью, – точно так же на стену офиса я прикалывал узкоглазых японских бабочек, смуглых арабских лошадак, были и испанские девочки, типа «Кармен с сигаретной фабрики» и французские невинные школьницы в белевых носочках (Бахтияр заехал в Барселону и Париж, перевыполнив план кастинговой операции «Даёшь нимфетку!»). Я, заполнив всю стену девочками из чемодана, среди них поместил девушку с чёлкой, родившуюся в 1975 году в городе Казани, родители которой считали, что актриса – проститутка. По приезду режиссёра Худойназа-

рова случилась обязательная импровизированная вечеринка. В офисе собралось много хороших людей, в том числе Эмир Кустурица, заехавший в Берлин по своим делам и попавший в дружеские объятия человека, которому он основательно продырявил карман (не со зла, конечно). Это он, Кустурица, предложил ставить звёздочки под понравившейся фотографией. Эмир долго рассматривал Чулпан Хаматову, отошёл, поставил звёздочку одной из арабской лошадок и французской полногубой школьнице. Вернулся к Чулпан и нарисовал три, четыре, пять, шесть звёзд. Надо было бы ещё и приписать: «Гениальна, чересчур гениальна». Так или иначе эта забава очень подействовала на японских и арабских инвесторов. Они вышли из проекта! Баумгартнер выдул дым своей вечной сигары и сказал: «Что эти говнюки понимают в кино... Они такие же продюсеры, как я маршал Будённый!» Нелепое заявление пусть не удивляет читателя, его произносил его не раз, думал снять фильм о Семёне Михайловиче Будённом. Откуда швейцаро-итальянец узнал о советском маршале – теперь выяснить невозможно, так как Карл Баумгартнер ушёл из жизни года два назад – рак. А Бахтияр, с которым они были не разлей вода, умер 21 апреля 2015 года в берлинском госпитале, тоже от болезни на букву Р. Ему было сорок девять лет. Это очень грустно. Будет возможность выпить за них и всех рано ушедших – выпьем!

Что сделал Баумгартнер, когда ушли большие японско-арабские деньги? Заложил свой швейцарский дом, растряс немецкие кинофонды, может быть, целуя какую-нибудь старую итальянскую аристократку, похитил её бриллиантовую диадему – не знаю. Но мы оказались в Таджикистане. Из окна моего гостиничного номера я следил за Чулпан Хаматовой. Одегая в таджикское полосатое платье, она бегала по двору с таджикскими девочками, взятыми для массовки, и ничем не отличалась от них. Смеялась, кричала, вымазалась в глине, ночью шёл дождь, девочки заплели ей косички – крысиные хвостики.

**«НЕНАВИЖУ
ХОДИТЬ СТРОЕМ
И НОСИТЬ ОДИ-
НАКОВУЮ ОДЕЖ-
ДУ, И ДОЧЕРЯМ
ПРИВИВАЮ ЭТО»**

ЧУЛПАН ХАМАТОВА

Чулпан Хаматова:

«Я очень горжусь своим фильмом «Лунный папа». Я пристрастна, но очевидно, что с экрана прёт что-то замечательное. Мы снимали целый год. Теперь я понимаю, что означает выражение: «Люди в связке».

«Кино – это сиюсекундная история. И меня именно это безумно завораживает. В кино большие риска, но и накал ощущений сильнее. Пусть даже после съёмочного дня окажется, что нужно всё переснимать, но была ТА секунда – отработанная до конца, были ТЕ ощущения, которые перерождают в первую очередь меня саму. А в театре есть лазейка: ничего, в следующий раз сыграю на максимуме...»

«Мне ужасно нравятся красивые женщины – и пусть она будет тупица. И красивые мужчины тоже нравятся, если даже полные дураки».

«В мужской природе любить только себя. Прерогатива женщины – любить другого человека больше, чем себя. Потому, наверное, что мы рожаем детей. А вы нет. От этого все наши различия и противоречия».

Актёры были подобраны идеально. Тут были таджики, тут был немец Мориц Бляйбтрой (теперь мировая звезда, обладатель «Оскара»). Надев таджикский халат, он стал «контуженным» на афганской войне братом Чулпан Хаматовой. Знаменитый сегодня Мераб Нинидзе («Бумажный солдат»), Николай Фоменко в роли лётчика, сбросившего с неба быка – быка, который изменит всю жизнь героини. Долго искали провинциальный таджикский город, где происходят главные события. Казалось, какая проблема? Вдруг Бахтияр говорит: «Мы сами построим наш город. Я увидел такую фантастическую природу, не только пустыню, песок, но и водные пространства, мы построим город на воде – азиатскую Венецию!»

Баумгартнер, услышав эти слова, поперхнулся, окутал себя сигарным облаком – традиционная его дымовая завеса от кошмара и ужаса, – закричал: «Азиатская Венеция, объясните!»

Бахтияр под два метра ростом стал минут на пятнадцать императором Петром Первым, нет, фараоном Хеопсом: «Мы построим город на берегу старого таджикского водохранилища. Домов шестьдесят – семьдесят, настоящий, с каменными балконами на все четыре стороны. В городе столовая, где официанткой работает Чулпан, её брат таскает лёд для морозильника и видит во льду замёрзшую рыбу, которая моргает глазом, – так написал Иракий! – рыба моргает глазом! Построим маяк, в котором ночью прожектора горят и крутятся. Причал, от которого отплывает плот, в котором Чулпан уплывает, изгнанная жителями городка. Карл, ты же читал сценарий? Твоя любимая Хаматова влюблена в эту сцену «Изгнание героини из города».

В мгновение Карл Баумгартнер оказался на подоконнике гостиничного номера (он бывший профессиональный футболист), глянул вниз, понял, что до земли пять этажей, и вновь закричал: «Кустурица – серб, сербы не любят итальянцев, не любят швейцарцев, меня он не любит вдвойне... Съел три моих бюджета. Эти японцы и шейховые племянники, хотевшие пристроить в фильм своих пятнадцатилетних губососок... Слава богу, я отделался от них... Но ты, таджик, почему толкаешь меня на самоубийство?! Какие семьдесят домов? Какой маяк? Какая рыба с мигающими глазами? Сейчас выброшусь из окна, буду лежать на таджикской земле и мигать глазами! И в гробу буду мигать!»

Бахтияр, зная характер своего старшего друга, сказал спокойно: «Каменщики, плотники, кровельщики, стекольщики в Таджикистане стоят доллар в день. За десять тысяч мы построим настоящий город на воде, будем там жить, там и снимать».

С ближних и дальних аулов пришли рабочие люди. За месяц на склоне старого водохранилища построили семьдесят домов. Строили вручную. Рыли каналы. На лодках можно было плыть от дома к дому... Баумгартнеру понравилось платить по доллару. Он даже построил будку аэродрома, взлётную полосу, куда приземлялся самолёт, «кукурузник», с лёгчиком Булочкиным. Чулпан перевоплотилась в абсолютную деревенщину, замарашку. Аульские девочки шептали ей свои секреты. Её саму «клеили» к местному ветеринару, готовому дать за неё двадцать баранов и корову. Никто из местных не воспринимал её как приезжую знаменитость. За ней по пятам ходила лохматая большущая пыльная клякастая собака. Когда Бахтик с ней репетировал (с Чулпан, а не с собакой), подростки сидели тихо в углу, человек восемь – одиннадцать, и ждали, когда кончится вся эта ерунда и отпустят их любимицу и можно будет бежать назад на улицу.

Несколько раз она уезжала в Москву, в театр, на спектакль. Подростки и лохматая собака, собираясь во дворе гостиницы, молча ждали её.

Чулпан возвращалась из Москвы гранд-дамой, переодевалась в свои съёмочные наряды, превращалась в «пацанку», кубарем катилась с пыльного склона со своими «фанатами». Счастью не было предела. Чулпановскому счастью, собачьему счастью, счастью детей-подростков. Только ветеринар ходил с тоскливыми глазами, предлагал уже сорок баранов и полторы коровы.

Начались съёмки. Бахтияр – фокусник и маг. Он придумывает страннейшие мизансцены, многоплановые переходы, где кинокамера то следует за актёрами, то бросает их, увлечёвшись разглядыванием верблюда, потом вновь догоняет актёров, которые садятся на паром (изгнанная из городка

Чулпан Хаматова) и уплывают, теряясь в тумане... Съёмки набирают силу. Всем командует Бахтияр. Становится понятным, почему он построил «свою Венецию». Чулпан и все актёры, подхваченные энергией режиссёра, играют бесподобно...

Мне надо уезжать в Лос-Анджелес. Я писал там сценарий для Джулии Робертс – не путать с Джулией Робертс, голливудской звездой. Вдова канадского бизнесмена, сама режиссёр-документалист, пожелала снять игровое кино и заказала мне сценарий. И вот сижу в Лос-Анджелесе, на берегу океана, пишу. Ночью звонят Бахтияр и Чулпан. «Иракий, тут утро, садимся в автобус, едем к водохранилищу, снимаем сцену, ту, где Чулпан признаётся отцу, что она беременна. Ни тебе, ни мне, ни Чулпан она никогда не нравилась. Может, придумаешь что-то более интересное, а?»

Чулпан берёт трубку: «Иракий, помнишь, ты рассказывал про своего дедушку...» – Телефон замолчал. Ночь. Я сижу, жду звонка. Душно, в окне – пятиметровые океанские волны.

В телефоне ожил голос Чулпан: «Вот эту историю... Думаю, она ляжет на разговор о моей беременности... Бахтияр отошёл, просил сказать, что надо написать прямо сейчас, пока мы доедем до водохранилища, минут за сорок, да, Иракий?» – «Чулпан, но я не услышал, что за история про моего дедушку?»

Вновь выключился телефон. Теперь навечно. Что я рассказывал о своём дедушке, что может пригодиться в истории, как Чулпан сообщает своему отцу страшную весть: она беременна неизвестно от кого, от «лунного папы»!

Я налил кофе, пошёл к океанским волнам. И неожиданно чашка, которую я держал в руках, «заговорила». Она напомнила то, что я рассказывал Чулпан. В детстве я разбил любимую чашку Давида Алексеевича Миндадзе, мамино папы. Мой строгий дед всю жизнь пил из этой чашки. Ужас! Как сообщить ему, что я разбил чашку? Я, шестилетний, прошу маму: «Ты скажи». Она отказалась. Захожу в комнату к Давиду Алексеевичу. Он читает газету «Заря Востока». «Дедушка, я тебе что-то должен сказать». – «Что, малыш?» Молча оглядываюсь, вижу в шкафу дедушкины галстуки. «Можно я сперва галстуком свяжу тебе руки?» Дедушка в хорошем настроении, неожиданно соглашается. Я связываю его руки, вторым галстуком ноги. Он улыбается: «Ну, говори!» – «Я разбил твою любимую чашку». Давид Алексеевич взревел. Хотел вскопать. Я бежал и слышал вслед вопли, ругань: «Шени деда мовстанк!»

Через сорок минут позвонили из Таджикистана. «Чулпан, ты имела в виду историю разбитой чашки?» – «Да». Чулпан хохочет, когда я читаю успех записанный диалог между ней и отцом.

Тот, кто видел фильм, помнит один из самых смешных эпизодов «Лунного папы», когда дочь

связывает отца и признаётся в своей беременности. Чулпан сыграла «более чем гениально».

Прошло много лет. Чулпан Хаматова снялась во многих фильмах, они ей принесли славу, имя выдающейся актрисы, большие роли в театре («Дневник Анны Франк», «Три товарища», «Мама-папасынсобака») и большие награды (заглядываю в высохшие от ночного ливня листки и читаю: «Золотая маска», «Кумир», «ТЭФИ»). А я, когда слышу имя Чулпан Хаматова, вспоминаю идущую девушку в коротком платье, в сандалиях, за ней идёт лохматая пыльная собака, и аульные дети заглядывают ей в глаза, ожидая от своей «атаманши», что она что-то отколет этакое... Все идут в ожидании очередного взрыва смеха, который равнозначен ожиданию счастья.

Вопросы и ответы:

«В старших классах вы скитались с компанией хиппи – у родителей вы находили понимание?»

– Были, конечно, столкновения. Мама просто чересчур боялась за меня. Ведь мы пропадали иногда месяцами без всякой связи. Рваные джинсы, свободная любовь, а дальше – наркотики... Но мама понимала, что, если запретить, будет ещё хуже. Я бы, наверное, ушла из дома, потому что та жизнь была настолько заманчивее обычной учёбы в школе... Нет, мама не входила во все мои увлечения, не плела со мной фенечки, а мне очень этого хотелось. Но каждый раз она собирала мне рюкзак и спрашивала, сколько килограммов гречки и тушёнки мне нужно. И я опять куда-то уезжала»...

«Ваше имя теперь неразрывно связано с деятельностью фонда помощи тяжелобольным детям...»

– Я чувствую ответственность перед этими детьми. Можно было, наверное, не так серьёзно углубляться во всё это: где-то появиться, что-то сказать... Но, видимо, мне необходимо всё делать от начала и до конца. Думаю, я очень счастливый человек: у меня нет ощущения ненужности моей жизни, моей профессии, бесполезности моего пребывания на земле. Это очень мощная платформа, на которой я стою»...

«Тебе помогает или мешает то, что ты родилась и выросла в России?»

– Всё-таки, я думаю, помогает. Меня уже мало чем можно испугать, зато многим ещё можно удивить. Люди в моей стране не перестают удивлять и восхищать меня своей способностью к выживанию и героическим стоицизмом».

«Какие три самых главных пункта в твоей системе ценностей?»

– Поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Ну, и любовь. С годами всё больше радуешься, когда это состояние залетает тебе в душу, когда загораются какие-то разноцветные лампочки. А ещё чувство юмора. Люблю

людей, которые находят силы относиться к себе и к жизни с юмором, и не люблю тех, кто зациклен на своём слишком сложном внутреннем мире».

Завершая свой «Калейдоскоп», хочу усомниться, правильно ли я сделал, согласившись на просьбу Карла Баумгартнера, Бахтияра Худойназарова изменить финал в сценарии «Лунный папа». В фильме он фантастический, радужный: открывается плоская крыша столовой, где работала Чулпан Хаматова официанткой, и взлетает в небо. Чулпан смотрит с этой крыши на людей, преследовавших её, на посёлок, на мир... Родился её долгожданный мальчик, и они улетают. Счастливый конец. Он нравится всем. Фильм состоялся, получил множество премий на множестве кинофестивалей... Что вспоминать, что был другой, более жёсткий финал? Но послушайте (прочтите):

«Вскоре капитан Булочкин (тот, который сбросил быка с самолёта) появился в столовой. Рана от выплеснутой ему на голову раскалённой каши зажила, но волосы росли кустами. Лаура (Чулпан Хаматова) выгнала его. Он пришёл к ней вновь пьяный. «Девочка, это я. Это я – он!» – «Кто он?» – «Артист, которого ты разыскиваешь, который повалил тебя в кустах диких роз».

Лаура засмеялась.

«Ты не веришь?» – «Ты что, дурак, Булочкин?» – «Сказать, что ты говорила в ту ночь? «Ой, как глупо, во мне нет больше места», – капитан рассмеялся, увидев растерянность на лице Лауры. Потом в точности рассказал все подробности той ночи и дня. «Я приехал к друзьям в мотострелковый полк. Два дня мы пили, я разглядывал в бинокль лилийских девочек, купающихся в реке. Приметил одну классную... Потом увидел её в сельском клубе, она сидела, разинув рот, и смотрела этот дурацкий спектакль, который привезли эти халтурщики. После спектакля пошёл за ней. Китель вывернул. Представился актёром. Я даже сказал: «Я Ромео». Ведь так сказал, помнишь?»

Лаура вспомнила. Капитан упал на колени. Лаура молча ходила по комнате. Капитан не поднимался с колен. Лаура нашла на кухне бутылку вина, оставшуюся от покойного папы. Впервые выпила вместе с капитаном, потом была ночь. «Мы были вместе: мама, папа и я, плавающий в водах маминого живота, вновь девять месяцев спустя». Утром Лаура выскользнула из постели, заварила чай, расставила тарелки, нарезала сыр, помидоры и хлеб. Приготовила завтрак. Пошла в спальню будить капитана. Остановилась у кровати, где, скинув одеяло, храпел красивый, сильный мужчина. Долго смотрела на него и, сама того не ожидая, вынула из комода отцовский револьвер, набросила на спящую капитанскую голову подушку и выстрелила. Потом пошла в огород и стала рожать меня среди зелёных кочанов капусты». ☺

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*В которой загадочная Йоко Оно
покупает Джона Леннона на
дешёвые кренделя **с.66***

.....

*а президент Ниязов бродит
по Ашхабаду в рваном халате,
изучая жизнь своих подданных **с.56***

ТУРГЕНЕВ

Режиссёр Сергей Соловьёв на примере Ивана Тургенева рассказывает, почему настоящий художник, даже влюбившись безответно, будет счастлив

ИРИНА КРАВЧЕНКО

– **Любовь** – это колоссальной силы и энергии чувственный укол. Или вспышка, когда человек ослеплён видом белого света. Иван Сергеевич Тургенев был чрезвычайно восприимчив к такого рода уколам и вспышкам. Он в двадцать пять лет услышал гастролировавшую в России Полину Виардо – и всё, влюбился на всю жизнь.

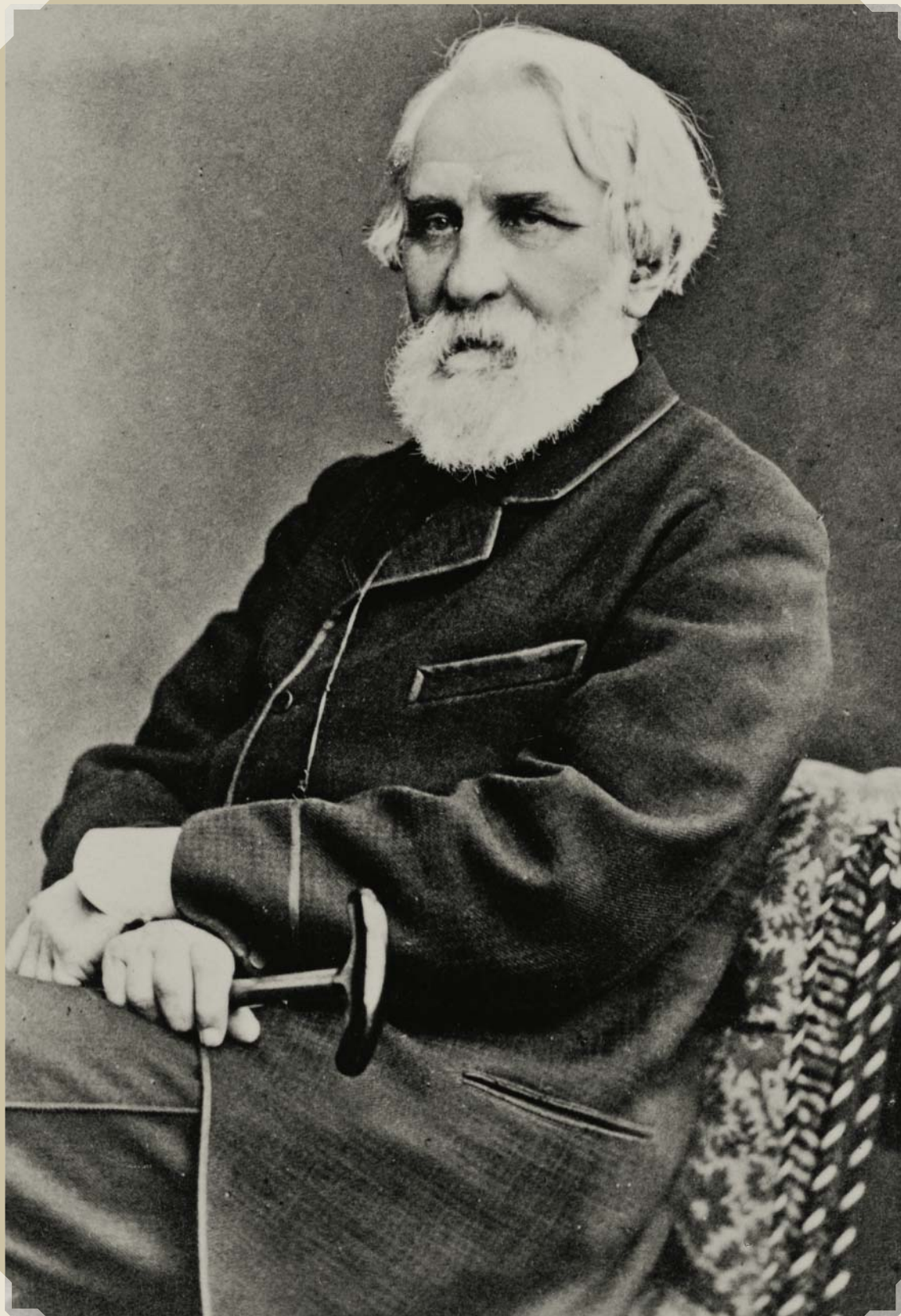
С точки зрения взаимоотношений мужчины и женщины это был абсолютно бессмысленный роман. И неизвестно, был ли вообще. Но Тургенев, где бы ни был, возвращался в дом к Полине. И она, если он уезжал, спустя какое-то время начинала чувствовать себя не в своей тарелке и срочно его выписывала. Впрочем, проведя значительную часть жизни рядом с Тургеневым, Виардо, думаю, не понимала, что он за писатель. Знакомя с Полиной, его смешно представили ей: как чрезвычайно богатого русского помещика, человека с большими связями в интеллектуальном мире... и слабого поэта. «Слабый» поэт к тому времени написал «Утро туманное...» – одно из величайших поэтических творений в русской литературе. А что до богатства, его не было: мать Тургенева за то, что он влюбился в Полину, на несколько лет лишила его материальной помощи. Сын вынужден был зарабатывать и стал профессиональным литератором, так что в его писатель-

ской судьбе тоже сыграла большую роль Виардо. Во второй половине жизни Тургенев вообще часто писал потому, что этого просила Полина: её муж Луи, интеллигентный человек, в прошлом директор оперного театра, наловчился переводить тургеневские романы на французский. Когда Иван Сергеевич скончался в усадьбе под Парижем, где он жил в последнее время, опять же вместе с семейством Виардо, первое, что сделала Полина, – позвонила в русское посольство и сказала что-то вроде «тут умер ваш писатель, заберите его, пожалуйста».

Она вряд ли осознавала, что за человек был рядом с ней. Как могли бы растопить Полину стихотворения Тургенева в прозе! Но нет. У неё был роман с принцем Баденским, вот там она испытывала чувства, там была женщиной! А здесь – не то.

❖ *Но почему красивый, здоровенного роста мужчина, нравившийся женщинам, сорок лет прожил, как он сам выразился, «на краю чужого гнезда»?*

– Когда Виардо начинала петь, у Тургенева, по воспоминаниям современников, отливала кровь от лица, он становился бледен и был близок к обмороку. А это человек, которого в конце жизни несколько часов оперировали без наркоза – и он

► Юношеский портрет Тургенева. Репродукция К.А. Горбунова

► **Наверху слева:** Автопортрет юной Виардо

► **Внизу:** Сотрудники «Современника». Сидят (слева направо): И. Гончаров, И. Тургенев, А. Дружинин, А. Островский. Стоят: Л. Толстой, Д. Григорович. 1856 год

не пикнул! Мощный был мужик... пока дело не доходило до звуков её голоса. В их последнем доме в Париже Иван Сергеевич жил на самом верху, а под его комнатой находилась гостиная, где Виардо занималась со своими ученицами. Уже больной, Тургенев, которому трудно было спускаться вниз, попросил пробить в полу дыру и спустить в нижнюю залу паровой трубой в виде трубы. Он ходил у себя в пальто – Полина была человеком здоровым, поэтому экономно отапливала особняк, – и, если слышал, что она начинала голосом показывать ученице, как петь, мог бросить беседу с гостем и прижаться ухом к паровой трубе. Слушал, бледнел и шептал: «Царица!» Тургенев в этом смысле – чистый наркоман. Ну не наркоман, а меломан. Ну не меломан, а виардоман.

Я спросил у Юрия Башмета, что это, и он объяснил: есть болезненная чувствительность к определённым шевелениям воздуха, которые входят до барабанных перепонок, и тогда наступает полное безволие, невозможность сопротивляться. Музыка, пение могут стать наркотиком. Я как-то опять же спросил у Башмета: «Юра, а что ты делаешь всю жизнь?» И он ответил: «Телепаю воздух». Бред сивой кобылы! Но этот бред – одна из подлинных основ жизни, а уже всякие мысли по поводу того, что такое жизнь, – вторичны.

Сверхчувствительностью к тому, что мы называем «нечто», и обладал Тургенев. Поэтому он – выдающийся *enfant terrible* в плеяде русских писателей конца XIX века. Конечно, Иван Сергеевич был умница и мог в рассказе или романе что угодно рассказать и показать, но прежде всего он – человек чувства. Больше всего он похож на Марселя Пруста, на Джеймса Джойса даже, на всю новейшую прозу. Тургенев – такой Пруст, родившийся под Орлом. Очень русский писатель, но я думаю, что его с большим трудом можно ввинтить в контекст отечественной литературы, даже в «Записки охотника», о которых не принято спорить. Тургенев вроде наш – и не наш. Чужой среди своих, чуть ли не «иностранец». Но он просто стилистически, музыкально другой. Потому что если воспринимать русскую словесность его времени как некое музыкальное произведение, то среди жутко концептуальной музыки «Могучей кучки», мощных, грандиозных опер «Жизнь за царя» или «Хованщина» Тургенев будет изысканным, изящнейшим музыкальным звуком, который мало свойствен нашей культуре.

☉ **Отношение к красоте у Тургенева – как у француза, итальянца. Но эстетика – понятие эфемерное, а смысл и польза – реальные вещи, насущные там, где жизнь достаточно тяжела. Поэтому, как сказал Иван Крамской о русском искусстве: «Все наши большие писатели тенденциозны, и все художники тоже».**

«ТУРГЕНЕВ ЖАЛОК УЖАСНО. И СТРАДАЕТ ТАК, КАК ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК С ЕГО ВООБРАЖЕНИЕМ. НЕ ДУМАЛ, ЧТО ОН СПОСОБЕН ЛЮБИТЬ»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ О ТУРГЕНЕВЕ

– И от Тургенева того же ждали. А он предлагал в своих произведениях исключительно усреднённые общественно-политические заморочки. Но он начинал описывать рассвет, закат, музыку, шум ветра, приближающую грозу, отдалённые удары грома – и ему не было равных. Помню, когда я работал над «Анной Карениной», Олег Янковский, уже переодетый, из душа, стоял и смотрел, как мы снимали сцены с Таней Друбич, хотя был очень занятой. Чего он смотрел? Таня умеет передать оттенок чувства, а Олег был заинтересован этой сферой жизни, где тучка нашла на солнышко и что-то в мире странно преобразилось. Они этим напоминают Ивана Сергеевича, который был чувствилище. Колоссальный мастер в передаче оттенков душевных и природных движений. Такой узник художественной совести, для которого пение Виардо составляло главное наслаждение жизни. Для того чтобы хоть отчасти понять, что это был за роман, надо читать «Записки охотника» – дивную прозу, в которой весь Тургенев с его любовью к красоте.

На этой красоте светлого будущего, конечно, не построишь. Тургенев и не собирался: ему чужды были всякие идеи, он никому ничего не стремился доказать. Он хотел жить и ощущать жизнь так, как её ощущал.

☉ **Но главные герои у него зачастую люди идейные. Тот же Базаров в «Отцах и детях».**

– У Анны Ахматовой есть мысль по поводу того, почему Александр Сергеевич Пушкин назвал свой прозаический цикл «Повести Белкина». Пушкин, сидевший в болдинской усадьбе из-за холерного карантина, страстно хотел жениться на Наталье Гончаровой. Но, будучи влюблённым в неё, он каким-то тайным знанием знал, чем дело кончится. Это и есть «всеведение поэта». И вот он писал повести, у которых, как гениально выразилась Ахматова, «игрушечные развязки». Таким

образом Пушкин изыскивал возможности счастья, прячась за некоего Белкина, который мог позволить себе незнание. Тургенев нередко в своих произведениях создавал такие же, игрушечные, ситуации ради самоотвлечения. Отсюда его отклики на веяния времени, все эти новые люди. Сердечнее всего он, надо заметить, относился именно к Базарову. И то: чтобы эту сердечность проявить, ему нужны были родители Евгения, его смерть. Потому что все якобы революционные надежды, положительные идеалы Тургенева – чистые «Повести Белкина». Иван Сергеевич сидел «в карантине» – в Париже – и искал для себя в творчестве какого-нибудь счастливого выхода.

Хотя в реальной жизни он его не особенно искал. С каким удовольствием Тургенев составлял программы концертов Виардо, как встречал гостей, как рассаживал их! Это было с точки зрения пользы для человечества унижительное для великого русского писателя существование. Хорошо, что дело происходило в Париже и Ивана Сергеевича там редко кто из наших видел. Как они должны были воспринять его, хлопотавшего, куда бы посадить Эмиля Золя, явившегося послушать Полину? Всё это имело шанс приобрести позорный характер, если бы не пение Виардо. Её голос начинал звучать – и Тургенев становился бледным от влияния этой сверхсилы.

☉ *А он понимал Полину?*

– Когда у неё случился роман с принцем, в самый разгар страстей стояли однажды Тургенев и Луи Виардо ночью, под звёздами, в чужой усадьбе и разговаривали о том, что же происходит. Никто не пел, поэтому у Ивана Сергеевича был нормальный цвет лица. Он стоял в свете звёзд и пытался постичь, что происходит. И тогда сам Виардо сказал ему, чтобы он не брал в голову, поскольку всё равно ничего не поймёт.

Тургенев не раз, будучи заядлым охотником, водил на охоту и Полину с мужем, и там ему приходила в голову мысль пальнуть в кого-нибудь из них. Но как приходила, так и уходила, потому что впереди его ждало её пение.

☉ *Если такая мысль уходила, значит, он всё отлично понимал, точнее – чувствовал.*

– Тургенев не мог без Полины жить.

☉ *Но зачем ему было жить именно рядом с ней? Мог бы ездить на её концерты, а потом возвращаться к себе домой, в свою семью.*

– Не мог. Когда я слышу, что публика хочет смотреть кино про любовь, читать книги про любовь, я хочу спросить: а что имеется в виду? Скорее всего, не любовь. А то, как обрести дорогу в загс. Есть такой анекдот. Кто-то из родителей оставил включённым компьютер, там – порнофильм, и маленький сын посмотрел его. Мальчика начали ругать, он плачет, а сквозь слёзы спрашивает: «Но в конце-то они поженятся?» Того же ждёт

и массовая публика от любой истории отношений мужчины и женщины: они поженятся? Ждут счастливых концов, «хеппи-эндов».

Тургенев знал, что никто не поженится. И вообще всё это делается не с целью пожениться. И вообще цели нет никакой. А есть полная бесцельность Божьего замысла. Тургенев помнил, что мир не нами создан и неизменен. Поэтому все рассуждения про переустройство общества были для него фантомами и миражами. Таково было соскальзывание русского Пруста, происходившее в мягчайшей манере.

☉ *Почему «соскальзывание»?*

– Его же подбивали общественные силы позитивно участвовать в истории человечества. За что осуждали Тургенева? За то, что здоровый мужик, а как сопля в обмороке с кресла упадет, слыша пение Полины. Тургенев, когда к нему возвращался цвет лица, понимал логику осуждавших, но понимал и то, что не способен ей следовать. Получив после смерти матери огромное состояние, Иван Сергеевич мог зажить так, как здравомыслящие люди живут. Но он был совершенно иррационален, с точки зрения любого прагматически мыслящего человека. Тургенев этим и силен. Он и в Пушкине любил иррациональность, любил в нём любовь.

Тургенев вроде влюбился было в молоденькую Марию Савину, актрису Александринского театра. Она бесконечно ему нравилась, и он ей нравился. Всё шло к вопросу из того анекдота: они поженятся? Всё складывалось. И не получилось. Смешно же: свадьба в театре, полёт молодожёнов на воздушном шаре над Петербургом – и Тургенев посреди такой вампуки! Он бы не вынес. Это другая, прустовская логика. У Пруста в одном из романов десятки страниц посвящены туфелькам герцогини! Кому нужны эти туфли? Так и у Тургенева: голос, царица... Я так остро представляю его себе на том холодном чердаке! Он ведь почти не спускался оттуда. Кормили его кое-как... Кто-то всё время норовил пришить ему пуговицу к пальто, в котором он ходил у себя наверху и, прикладываясь ухом к трубе, слушал, как поёт Полина. «Вот царица царик» – это были одни из последних его слов. И потом: заберите, пожалуйста, вашего писателя, который тут умер. Конечно, он был ненормальный, сумасшедший старик. Но сила любви выше прагматических поступков.

Про рационально живущего человека можно сказать что-то определённое: «он бросил свою подружку» или «он опять сошёлся с ней». Про Тургенева ничего подобного сказать нельзя. «Они поженятся?» Нет, не поженятся. Нет, всё нет.

Не нужно в конце жениться. Если всерьёз говорить. Мы знаем все концы и все начала. Красота в том, чтобы не складывалось. Когда не складывается, тогда и возникает красота. ☉

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

BALI & THAI-SPA "7 КРАСОК" -

обладатель титула Гиннесс Мировые Рекорды

107 балийских и тайских SPA-программ · Восточный хаммам
Романтические встречи · SPA-курсы · Коррекция фигуры

Гранд-Мастер Сативати

«Меня зовут Сативати. Я из семьи потомственных балийских Мастеров, работаю в компании «7 КРАСОК» уже 10 лет. Мы помогаем нашим Гостям обрести гармоничное тело, снять стресс, нормализовать сон, создать новую фигуру и получить приятные эмоции».

Сативати, Гранд-Мастер «7 КРАСОК».

SPA-курсы для коррекции фигуры и женского здоровья

КУРС «МОЯ НОВАЯ ФИГУРА»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

777777

THAI-SPA "7 КРАСОК"

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

КУРС "ORIENTAL PRINCESS"

777777

КУРС «АНТИСТРЕССОВЫЙ»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

777777

(495) 925-51-77 (24) (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru или СПА.рф

Москва | Санкт-Петербург | Химки | Королев | Красногорск | Мытищи

реклама

Король-солнце

*Туркмены изобрели колесо, а величайший из них –
Туркменбаши – повернул колесо истории вспять, построив
в XXI веке развитое феодальное государство*

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

В перестройку мой отец, как настоящий советский интеллигент, ловил по радио «вражьи голоса». От ведущих «Би-би-си» и «Голоса Америки» мы узнавали, что живём в ужаснейшем в мире государстве. Оказывается, в СССР не решён национальный вопрос – середь бела дня в Сумгаите азербайджанцы режут армян. Да и как им не резать, если Сталин намеренно провёл границы республик так, чтобы заложить семена будущих конфликтов? И это не удивляет: монстру, поделившему с Гитлером Польшу, подстраивать конфликты за полвека заранее – раз плюнуть. И ведь как был СССР оккупантом, так и остался – вот и сейчас ведёт несправедную войну в Афганистане. То, что говорили дикторы, казалось убедительным: как можно продолжать жить в стране, где люди убивают друг друга? Где ещё недавно половина граждан сидела в лагерях, а другая строчила на них доносы? Нет, СССР надо безо всякой жалости демонтировать, – и на его руинах создавать новое государство, с милосердием в сердцах и колбасой на прилавках.

Когда распался СССР, нам не было его жалко – очевидно, что именно сейчас республики, освободившись от оков, воспрянут к новой жизни. Эта новая жизнь приходила на глазах – как в 1920-е годы, в виде новых законов и разрухи, бесконечных реформ и удивительных бытовых феноменов. Например, «купонов» – листов формата А-4, от которых требовалось отрезать ножницами квадратики, которые использовались в качестве денег. Узбеки обрели историю: ежегодно в Узбекистане проводились торжества в честь «великого предка» Тамерлана, некогда складывавшего пирамиды из черепов их предков. Вот предсказанного рыночниками изобилия почему-то не наступило. Но это была ерунда – зато в Узбекистане была стабильность. В СССР это состояние было чем-то само собой разумеющимся – как воздух, который мы не замечаем, но без которого бы умерли через минуту, – а вот теперь мы учились её ценить: в соседнем Таджикистане всю шла гражданская война – исламисты бегали по горам с автоматами, гибли люди и через границу то и дело прорывались суровые бородачи, которых милиция, слава богу, быстро отлавливала. «Лишь мы живём в краю хранимом, пока здесь царствует Каримов», – писал о президенте наш школьный поэт.

Но куда было нашей стабильности до той, которая, по слухам, царила в одной из соседних республик! Туркмения всегда стояла среди среднеазиатских республик особняком. Как три разговорчивых собеседника, в пылу дискуссии придвинувшиеся друг к другу, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан исторически сползлись друг к другу своими наиболее населёнными областями, и никто не удивлялся узбекам, живущим в Киргизии, или таджикам, с давних пор обосновавшимся

в Узбекистане. А вот Туркмения была где-то далеко на западе, за бесплодными пустынями, и её жителей никто в глаза не видел. В 90-е годы оттуда стали доходить рассказы о жизни, не уступавшие сказкам «Тысячи и одной ночи», – говорили, будто местный правитель Сапармурат Ниязов вывел народ к процветанию и за это благодарные туркмены разрешили ему поставить в столице собственную золотую статую и даже переименовать в честь себя и своих близких месяцы года. И это лишь тысячная доля чудес, которые совершал мудрый владыка Туркменбаши! На рубеже тысячелетий он буквально повернул историю вспять, решив вернуть свой народ к золотому веку.

Добрый дикарь

Само появление на свет у Туркменбаши было другим, чем у обычных людей: его отец, рабочий Атамурат Аннаниязов, погиб в тюрьме более чем за год до рождения своего сына. Имело место непорочное зачатие? Правда, впоследствии сам Ниязов поведает миру, что на самом деле его отец пал, сражённый фашистской пулей. И всё же многие его биографы упорствуют, утверждая, что будущий президент Туркмении был незаконнорождённым: в год его рождения мать внезапно покинула семью мужа, в которой по обычаю должна жить замужняя женщина, и переехала, причём не к собственным родителям, а в Ашхабад, где её никто не знал, устроившись посудомойкой в чайхану. Впрочем, кто упрекнёт личность такого масштаба хоть бы и за непорочное зачатие? И не всё ли равно, из какой семьи происходил мальчик, если ему вскоре предстоит остаться сиротой?

Глухой октябрьской ночью дрогнули стены, и город, в котором жил восьмилетний Сапармурат, провалился в бездну. Ашхабад надолго запомнит страшное землетрясение, которое буквально стёрло город с лица земли, – оно войдёт в учебники по сейсмологии как одно из самых разрушительных в истории. Город наполнился стенами, которые в самом прямом смысле доносились из-под земли: стены рухнувших домов некому было разбирать и люди под обломками умирали под гнётом тяжёлых саманных кирпичей. Во время землетрясения 1948 года погиб каждый третий житель города – и среди них мать и два брата мальчика – шести и десяти лет. Сапармурат ходил по улицам родного города, не узнавая его, – толчки, достигавшие 10 баллов, срывали с землёй почти все дома. Повсюду шастали мародёры: из рухнувшей тюрьмы выбрались заключённые, захватившие оружие из разрушенного отделения милиции. Навести порядок удалось лишь подоспевшим армейским частям.

Сапармурат остался один. По обычаю его обя-заны были забрать родственники отца, но они этого не сделали – ещё один довод в копилку

биографов, говорящих о незаконнорождённости Ниязова. В результате мальчик попал в детдом. «Если ты сирота с детства, никто не интересуется твоим внутренним миром, твоими желаниями, твоим здоровьем. Твоя цель и твой духовный мир – это твои единственные друзья», – напишет он впоследствии. Живший без гроша в кармане, обойдённый на карьерном поприще Наполеон размышлял о самоубийстве в семнадцать лет. Ниязов перенёс муки отчаяния и одиночества в куда более уязвимом возрасте. Взрослый Туркменбаши вполне мог бы написать о себе в духе какого-нибудь древневосточного царя: «Ни отца я не ведаю, ни матери. Простая туркменская крестьянка выловила меня, плывущего в тростниковой корзине по великой реке Аму-Дарье. И вот я вырос, возмужал и стал велик!» В средневековой Европе лишённый поддержки своего рода сирота мог сделать карьеру, подавшись в католические монахи – церковь продвигала способных подростков независимо от происхождения. В СССР роль церкви играла КПСС: партия возвращала в республиках национальные кадры, и хорошо говорившего по-русски, учившегося на пятёрки Сапармурата со временем приняли в комсомол, а потом отправили в Москву – учиться. По направлению Совета министров Туркменской ССР он был вне конкурса зачислен в Московский энергетический институт – развивающемся хозяйству республики

остро требовались специалисты-теплотехники. Но Ниязов смог отучиться лишь один семестр: выяснилось, что отличник из туркменской школы недотягивает до троечника в столичном вузе. Провалив на сессии сразу три предмета, он отправился домой. Однако республиканские власти были неумолимы в стремлении заставить Ниязова учиться: уже через два года его зачислили в Ленинградский политехнический институт – и снова вне конкурса.

На этот раз он доучился до диплома, хотя уже здесь проявится в нём то отрицание европейских ценностей, которое будет отличать его в дальнейшем, – он не проявлял интереса ни к учёбе, ни к культурной жизни Ленинграда, которая в 60-е была ключом, а вместо походов на поэтические вечера сутки напролёт резался с друзьями в «дурака». Зато личная жизнь его устроилась наилучшим образом – он познакомился с девушкой из хорошей ленинградской семьи Музой Мельниковой, которой в будущем суждено стать первой леди Туркмении. Сапармурат, пользовавшийся у девушек популярностью, предпочёл серьёзную, разносторонне образованную барышню красавицам-хохотушкам. Но быть музой будущего вождя оказалось непросто. Однажды девушке удалось заставить Сапармурата в Кировский театр на «Щелкунчика». С трудом высидев три часа, он устроил своей благоверной сцену: кричал о бессмыслен-

► Туркменбаши показывает принцу Чарльзу своего арабского скакуна

ности балета, заодно нападая и на поэзию. «Стихи пишут и читают только больные люди!» – кричал Ниязов. Нелюбовь к балету даст о себе знать в годы его президентства. Зато, как вспоминает его однокурсник, Сапармурат был наделён невероятной способностью ладить с теми, кто стоял выше него. Когда он видел в коридоре преподавателя, то бежал к нему навстречу, улыбаясь так, будто это его потерянный в детстве брат. Учтивость и обаяние «добраго дикаря» из далёкой провинции помогли ему везде и всюду выбиваться в начальники, дружинники, учётчики, активисты. Единственного из группы, его приняли в партию, и хотя однокурсники и завидовали «высочке», но относились к Сапармурату приязненно. Он был мечтателем – рассказывал друзьям о том, что после учёбы вернётся к себе на родину и станет строить там солнечные батареи (о них тогда газеты писали как о неслыханном чуде), ведь чего-чего, а солнца в Ашхабаде хоть отбавляй.

Но великим инженером Сапармурат не стал: партийная карьера оказалась более простой и привлекательной, чем карьера физика. Вернувшись на родину маститым руководителем, он оказался на безрыбье. Туркмения считалась захолустьем, и на фоне местных кадров Ниязов сверкал бриллиантом. Поработав старшим мастером на туркменской Безмеинской ГРЭС имени Ленина (в годы

его президентства она станет имени Ниязова), он был назначен секретарём партийной организации. За десять лет он прошёл путь от инструктора промышленно-транспортного отдела ЦК Компартии Туркмении до первого секретаря Ашхабадского горкома партии, а за пять последующих лет дослужился до председателя Совета министров Туркменской ССР. Как он шёл к вершине, какие трудовые подвиги совершал? По-видимому, никаких: путь управленца в среднеазиатских республиках был не интереснее, чем жизнь менеджера среднего звена в современных компаниях, – интриги, улаживание начальства, умеренность и аккуратность.

Впрочем, делать карьеру в заштатной Туркмении было куда проще, чем в любой из соседних республик. До прихода русских у кочевников-туркмен не было той высокой городской культуры, которая отличала Узбекистан или Таджикистан, а значит, отсутствовали и глухо бродившие, всегда готовые вылиться в мятеж исламские и националистические движения. Не было здесь и тех шекспировских страстей, которые кипели в верхах других среднеазиатских республик. Например, в Узбекистане борющиеся за власть партийные боссы пытали противников в подземных тюрьмах и даже закатывали их в асфальт – так, например, делал наманганский управленец Ахмаджон Адылов, возглавлявший крупнейшее в СССР объединение колхозов и совхозов. В перестройку, на волне громкого «хлопкового дела», Горбачёв принялся чистить партийный аппарат в южных

ТУРКЕМБАШИЗМЫ

*Мой любимый туркменский народ! Ты смысл
моей жизни, источник моих сил!*

*В жизни туркмен уже был золотой век –
Ренессанс, прославивший народ на весь мир.*

*Туркмены обладают врождённой скромностью,
но ведь это жизнь... Известно, например, что
первые механические роботы были изобретены
учёными правительства Артыклы.*

*По происхождению мы туркмены-эры.
Туркменское слово «эр» в мировых языках
трансформировалось в «сэр», «хэр», «герр».*

*Я горжусь, что у меня все зубы белые. Зубы
у молодых должны быть крепкими и здоровыми,
как у собаки, чтобы кости перегрызать.*

*От хвалебных од я готов сквозь землю прова-
литься. Ведь каждая песня – обо мне. От стыда
глаза некуда девать.*

*Получается так, что конституция США
основана в том числе и на многих принципах,
которые были выработаны в Туркменском
государстве.*

*Я как-то ходил с женой в Ленинграде на оперу
«Князь Игорь» и ничего не понял. Я не держал
в себе злые советы, а выплёвывал
их, словно пули.*

*Нельзя привить туркменам любовь к балету,
если у них в крови его нет. А танцору балета
лучше бы выступать не в балетном трико,
а надеть сверху халат. А то девчата смеются.*

*Говорят, что «палка о двух концах». Я в своей
практике встретился с третьим концом палки.
В третьем конце палки подразумевается
сила Аллаха!*

*Мои сёстры, матери! Ходите с улыбкой.
Живите счастливо – у вас есть великолепное
государство. Самое приятное и самое
безупречное чувство – жить с ощущением
того, что ты являешься частицей родины,
потому что именно это чувство избавляет
тебя от одиночества.*

республиках. В Туркмении жертвой чистки пал Мухамедназар Гапуров, управлявший республикой на протяжении шестнадцати лет. На его место Лигачёв рекомендовал Ниязова – энергичного, производившего впечатление полной надёжности. Горбачёву молодой (ему было всего 45 лет – юношеский возраст для партийной геронтократии) управленец показался человеком новой эпохи, и генсек охотно назначил Ниязова главой республики. Ниязов и вправду был новым человеком: не закосневший в брежневской риторике, он ездил на личной «волге» по туркменским аулам и красноречиво рассказывал колхозникам об ускорении, гласности и плюрализме. Через год он стал членом ЦК КПСС, а в 1990 году вошёл в состав Политбюро. Вскоре после того, как Горбачёв стал президентом СССР, Ниязов устроил и собственные президентские выборы – и победил на них с решительным перевесом. Правда, других кандидатур на выборах и не было. Жаль, что эти успехи проходили на фоне неудачи в личной жизни – Муза Ниязова перебралась в Москву и стала жить отдельно от мужа. Слава мужа её задавила. Со временем она даже соседям не будет рассказывать, кто её супруг, а на вопросы знакомых будет отвечать лаконично: не совпали характерами. Женщиной великого человека быть нелегко.

Газовая кунсткамера

Несмотря на свой захолустный статус, Туркмения считалась одной из самых образцовых советских республик – в последние годы советской власти промышленность здесь развивалась семимильными шагами, а социальных проблем как будто не было. С некоторым недоумением партийная верхушка Туркменистана ловила слова Ельцина, который в предвыборных выступлениях призывал россиян сбросить «балласт республик», рассказывая, что в России сёла стоят без света, в то время как в Средней Азии даже последний кишлак подключён к электросети. Когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич поставили глав остальных республик перед фактом – СССР больше нет, среднеазиатские лидеры ещё долго проходили через стадию отрицания: а вдруг рассосётся, а вдруг возьмут на борт? Нет, не взяли. Наверное, Ниязов в эти месяцы чувствовал себя Робинзоном – ссадили с корабля на необитаемый остров на берегу Каспия, выживай как хочешь. Другим робинзонам Азии приходилось несладко: пытаются спастись от «демократических революций», они спешно рассовывали по тюрьмам националистов и исламистов. У будущего Туркменбаши ситуация была легче: туркмены – народ покладистый, в радикальном исламе не искушённый. И всё-таки без политической мудрости Ниязов едва ли удержал бы власть в своих руках.

Александр Третий говорил, что у России только два союзника – её армия и флот. Двумя союзниками Ниязова были газ и нейтралитет. «Голубое золото» ещё в советское время считалось главным достоянием республики. К нейтралитету в политике Ниязов пришёл сам. Брошенные Большим братом, президенты бывших советских республик спешно искали, «делать жизнь с кого», – глава Узбекистана Каримов выбирал между Турцией и Саудовской Аравией, обещавшей в обмен на исламизацию страны помочь материально, республики Прибалтики вели переговоры с НАТО, стремясь показать восточному соседу, как сильно его не любят. Ниязов решил: мы будем сами по себе. Конечно, и он в США ездил – засвидетельствовать своё почтение единственной оставшейся сверхдержаве. Кто-то из участников туркменской делегации впоследствии вспоминал, что Ниязов увидел в аэропорту припаркованный «харлей-дэвидсон» и стеснительно интересовался у коллег: а не будет ли наглостью попросить американцев мне вот такой подарить? И всё же он был одним из немногих, кто не попал в гравитационное поле американских интересов. Вернувшись на родину, глава Туркмении провозгласил основой политики республики нейтралитет: мы не станем присоединяться ни к каким блокам.

Время показало дальновидность этого решения. Когда страны региона, желавшие стать членами НАТО, вынуждены были предоставлять свои аэродромы для переброски войск для бесчисленных операций против ближневосточных диктатур – то против Саддама, то против талибов, подвергаясь за это критике со стороны России, арабских стран, да порой и Европы, Ниязов скромно, но твёрдо напоминал о своём нейтралитете. И участники военных операций уважали его выбор! Огромные залежи газа, который при Туркменбаши потёк по трубам в ЕС, СНГ и даже в Китай, сделали Ниязова незаменимым человеком для крупнейших держав мира. Топливный голод в мире в последнюю четверть века становился всё острее, и перед владыкой государства, без году неделя появившегося на карте мира, стали заискивать даже те президенты, которые у себя дома порицали его режим за авторитаризм. Например, Ющенко в надежде снизить цену на туркменский газ, посмертно наградил легендарного отца Туркменбаши орденом Ярослава Мудрого. Правда, в ответ Ниязов лишь обвинил украинцев в воровстве топлива. Он не любил другие народы, а вот к своему питал поистине отеческую любовь. Одним из первых указов он сделал совершенно бесплатными для всего населения электричество, воду и, конечно, сам газ. Он не скрывал от людей, что пришёл, чтобы принести им благоденствие. «Я дух Туркмении, возродившийся, чтобы привести вас к золотому веку, – во всеуслышание объявлял Туркменбаши. – Я ваш спа-

ситель. У меня зоркий взгляд — я вижу всё. Если вы честны в своих поступках, я это вижу; если же вы совершаете грехи, и это не укроется от меня».

В начале 90-х тон его речей несколько удивлял народ, но привыкли все куда быстрее, чем сами могли бы в это поверить. Тем более что Ниязов вовсе не скупился на разъяснения. Главная задача лидера нации, говорил он, вовсе не в том, чтобы поддерживать бесполезные, ведущие лишь к раздорам демократические институты. Главное – дать людям цель и веру в справедливое будущее. Ниязов решительно отобрал у парламента право принимать законы – этим может заниматься лишь настоящий вождь народа. Престиж власти требовалось держать на высоте: теперь при встрече с ним чиновники целовали ему правую руку. На главной площади Ашхабада он установил собственную 14-метровую статую из чистого золота, поворачивающуюся в течение дня за солнцем. Золотой профиль Туркменбаши стал логотипом всех телеканалов республики. В каждой организации непременно должен был стоять его бюст либо висеть портрет – всего в стране их было больше семнадцати тысяч. Уже в 90-е он приучил туркмен называть себя не иначе как Отец, Вождь туркменского народа и Вечно великий Сапармурат. Личную преданность в гражданах он воспитывал с младых ногтей – все ученики в школах ежедневно перед началом занятий читали Клятву верности: «В час измены Родине, Сапармурату Туркменбаши Великому да прервётся дыхание моё». Именем Туркменбаши называли: город, бывший Красноводск, залив Каспийского моря, самую высокую горную вершину Туркмении... И, конечно, он не обошёлся без почётных должностей и званий – никогда не служа в армии, стал маршалом; не отличенный в научной работе, сделался профессором сразу нескольких наук. Пять раз он удостоивался высшего в стране звания «Герой Туркменистана». На шестой отказался, сердечно опечалив поднёсший награду парламент. «Туркменам присуща скромность, и я считаю для себя невозможным получить очередное звание Героя», – сказал тогда Ниязов, и народ умилился, видя, как прост и близок к людям их дорогой вождь. Та же скромность не позволила ему принять титул шаха, который в 90-е хотел поднести ему Верховный совет. Временами он обрушивался на льстецов, возносивших ему славословия, и однажды даже учредил конкурс для журналистов: «Кто меньше всех хвалит Туркменбаши». Вождь рассказывал, что время от времени он надевает рваный халат и бродит пешком по Ашхабаду, чтобы узнать, как живёт простой люд, – совсем как Гарун-ар-Рашид. В одном из интервью Ниязов поведал, что в накладной бороде его не узнаёт даже собственный министр внутренних дел!

Как выяснилось, политика нейтралитета давала полную свободу рук: НАТО поучало соседние

республики, как надо строить демократию, а над Туркменбаши возвышалась разве что ООН, чьи резолюции о нарушениях прав человека он преспокойно игнорировал. И какое ему дело до того, что «Репортёры без границ» поместили Туркмению на 176-е место из 178 в рейтинге свободы прессы? Главное, что и США, и Россия, и другие страны им были вполне довольны. Когда ему пришло в голову закрыть в стране все русские школы, Россия, связанная с Туркменией газовыми артериями, и слова не сказала против. Так же молчал наш

дов добровольно вернулся в страну из-за границы и выступил по телевидению с речью, где просил судей не быть снисходительными. «В нас нет ничего человеческого», – уверял Шихмурадов. Заговорщиков заключили в тюрьму, и никто не знает, живы они или давно погубили. Через несколько лет сама возможность оппозиции в стране стала казаться сумасшествием – когда какой-то школьный учитель испросил у властей Ашхабада разрешения на митинг с критикой Туркменбаши, его упекли не в тюрьму, а в сумасшедший дом: вообразил же

МИД, когда Туркменбаши, движимый желанием возродить надломленные устои туркмен, принял закон об отмене пенсий. Лидер нации пояснял решение так: что же это за старики такие, которые не вырастили детей, готовых их содержать? Действительно, туркменские дедушки с бабушками – главы больших семей – потерю пенсий почти не ощутили, а вот многим русским старикам после этого пришлось нищенствовать.

Довольны новым курсом, конечно, оказались не все. В 2002 году правительство объявило о сорвавшейся попытке покушения на жизнь Вождя, организованной заговорщиками во главе с министром иностранных дел Борисом Шихмурадовым. В лучших традициях оруэлловского романа, Шихмура-

такое! В конце концов Народный совет и вовсе объявил Ниязова бессрочным президентом.

Книга духа

После десяти лет правления Туркменбаши решил подвести итог – написал философский труд под названием «Рухнама». По-туркменски это означает «Книга духа». Эта книга поражает открывших её с первых же строк. «Мой дорогой читатель! – восклицал автор. – Знаешь ли ты, что первую телегу на Земле смастерили туркмены? Туркменское колесо развернуло ход самой истории. Туркмены первыми стали выплавлять руду». Лидер нации открыл своему народу правду: завистники-соседи внушали туркменам, что они дикое племя

кочевников, в действительности же им насчитывается пять тысяч лет и именно туркмены создали все величайшие цивилизации древности. Их страну хранит не только Аллах, но и духи предков туркмен – Хан Солнце, Хан Луна, Хан Ветер, превратившиеся в силы природы. Более того, о туркменах заботятся и животные с растениями – только наивные люди могут считать их бессловесными тварями. «Живущее на Земле всё живое, животные могут думать и разговаривать! – восклицал Ниязов. – Растительность,

сидящего рядом пожилого человека. Оказалось, это однополчанин его отца, узнавший его благодаря сходству с Атамуратом Аннаниязовым. Со слезами на глазах фронтовик рассказывал, каким смельчаком был его отец, который, как узнал Сапармурат, погиб на фронте, а не в тюрьме: «Я был старше, бывало, скажу ему: «Атамурат, побереги себя, у тебя же дома маленькие дети», – так он в ответ: «Если я буду беречь себя, кто же защитит моих детей?» Вдохновлённый встречей, Сапармурат принялся искать других людей, которые могли

► Президент Туркменистана Гурбангулы Мяликгулыевич Бердымухамедов с первым зам. председателя правительства РФ В. Зубковым
 ► Слева: Парадный Ашхабад. Время остановилось. 2014 год

произрастающая на Земле, разговаривает между собой». В книге Туркменбаши открывал правду не только о своём народе, но и о себе самом. Скупые документы времён его учёбы и партийной деятельности умолчали о двух встречах, благодаря которым произошёл важнейший поворот в его судьбе. Однажды, занимаясь в институтской библиотеке (и пусть завистники лгут, что не любил он читать книг!), он поймал на себе взгляд

бы рассказать о судьбе его отца. И снова выручила случайная встреча: путешествуя в поезде по Туркмении, он познакомился с другим однополчанином отца – Чары-ага, который происходил из того же аула и знал всю его семью. Оказывалось, Атамурата предал его земляк, с которым он и Чары-ага воевали бок о бок. Угодив в немецкий плен, однополчане курили в тоскливом ожидании, пока гитлеровские офицеры решали их судьбу. Самокрутка была одна, и шестеро пленников передавали её по кругу. Покурив, Атамурат хотел передать её последнему в очереди – русскому парнишке, но тут его земляк крикнул: «Атамурат, не давай сигарету русскому, дай лучше мне, я хоть накурюсь перед смертью!» Тогда Атамурат воз-

разил: «Нет, друзья, так не пойдёт, мы одну Родину защищаем, и делить нам нечего». Обиженный земляк отомстил с коварством Иуды: когда к пленным подошёл фашист и спросил, нет ли среди них коммунистов, предатель с готовностью указал на отца Сапармурата. Расстреляли из всех пленных его одного. Чары-ага знал и деда Ниязова. Оказывается, он был богачом, уважаемым едва ли не во всей Туркмении джигитом. Он прославился своей справедливостью, которой нажил немало врагов. Однажды, увидев, как мужчины хохочут над нищим, он отхлестал их нагайкой. Когда настали 30-е годы, обиженные отплатили ему подлостью – оговорили его, и дед Сапармурата погиб в ссылке.

Через деда, происходившего из самого именитого туркменского рода, Сапармурат вдруг ощутил своё единство со своим народом: «Не имея отца, я брал наставления у Родины. Оказывается, я не сирота!» И пусть его знакомые за глаза смеялись над рассказами будущего Туркменбаши.

Ниязов? Из знатного рода? Злые языки, как известно, страшнее пистолета, но будущий Туркменбаши уже никого не боялся. Ему открылась истина: туркмены – величайший в мире народ, а ему сама судьба предназначала возглавить их на пути к возрождению. Конечно, десятилетия советской власти надломили гордый дух древней нации.

«74 года тоски, уныния, безверия в свой завтрашний день!» – писал Ниязов о советской эпохе. И всё же он ещё вернёт себе мировую славу. Ведь нация и её лидер наконец обрели друг друга.

Свой текст Ниязов воспринимал как священное руководство. «Рухнама» – главная книга туркменского народа, книга-путеводитель», – без обиняков говорил он. А гражданам обещал: «Тот, кто трижды прочтёт «Рухнаму», станет умным, поймёт природу, законы, человеческие ценности. И после этого он попадёт прямо в рай». Члены Народного совета кланялись Ниязову в пояс, благодаря за то, что его гений осветил им путь книгой. Отныне школьники должны были сдавать по розово-зелёной книжке с золотым профилем Ниязова специальный экзамен. На знание «Рухнамы» зачем-то проверяли и всех сдающих на водительские права. На каждом предприятии для изучения книги была отведена специальная комната. В 2005 году Ниязов даже отправил экземпляр книги на орбиту на российской ракете – наверное, чтобы окропить благодатью из космоса всю планету. Иностранным компаниям, работающим в Туркменистане, было предписано перевести «Рухнаму» на свои языки – и пришлось, например, главе «Даймлер-Крайслер», низко кланяясь, поднести государю выполненное компанией роскошное издание книги на немецком.

Через тернии сложных мыслей «Рухнамы» продаться непросто, но ведь таковы все великие книги древности, будь то «Авеста» или «Махаб-

харата»! Всё-таки не понимали русские жителей братских республик, не могли разобраться в их чаяниях. Это для русских социализм был естественным продолжением их старой мечты о крестьянской утопии. А вот таджики, узбеки, туркмены, волею Москвы оказавшиеся в общем с ними государстве, наверное, мечтали о чём-то ином. Автору этих строк своими глазами доводилось читать написанный советским писателем-узбеком фантастический рассказ, где председатель колхоза оказался разумным динозавром, явившимся с планеты, имевшей форму четырёхмерной дыни: сбросив инкогнито перед отлётом на родину, рептилоид укорял советских колхозников за бездуховность и призывал верить в коммунизм. Нет, что ни говорите, было в этом какое-то предзнаменование «Рухнамы». И кто знает, может быть, ещё в 80-е, разъезжая по аулам на своей «волге», оставившись Сапармурат Ниязов на берегу тихой речки и разговаривал с травой и деревьями... Мы ничего этого не знаем: контроль Москвы, разумеется, не позволял республиканским элитам высказывать свои потаённые мысли во весь голос. Когда после распада СССР они освободились от марксистского, материалистического диктата Большого брата, вот тогда наконец и полилась из-под пера нежная, задумчивая, как трель соловья, рухнама.

Пришёл, увидел, начудил

Осознав, что он больше не сирота, Туркменбаши сделался сентиментален. В честь своей безвременно ушедшей матери Гурбансолтан-эдже он переименовал один из городов, назвал дворец бракосочетания в Ашхабаде, украсил её статуями скверы столицы, а в конце концов объявил, что отныне Гурбансолтан станет в Туркмении олицетворением справедливости вместо богини Фемиды. В родном селе он возвёл крупнейшую в Центральной Азии Мечеть духа Туркменбаши – здание из белого мрамора, обошедшееся в сто миллионов долларов. Рядом с мечетью был возведён мавзолей с пятью саркофагами: четыре – с прахом родителей и братьев Ниязова, пятый, стоящий в центре, предназначен для него самого. Впрочем, кто же всерьёз верил, что Туркменбаши может когда-нибудь умереть? Дошло до того, что Ниязов переименовал в честь себя, родственников и дорогих ему явлений месяцы года. Январь так и называл – Туркменбаши. Декабрь стал месяцем Нейтралитета. А вот сентябрь получил имя Рухнама – в этом месяце Ниязов закончил свой великий философский труд. Чуть позже, когда Ниязов решил переименовать дни недели, субботу назвали днём Духа, причём было подчёркнуто: «В этот день все люди обязательно пусть берут в руки «Рухнаму».

Всё подарил Аллах Туркменбаши: в стойлах его конюшни стоят сотни горячих ахалтекинских скакунов, в его гараже – десятки чёрных лиму-

зинов. Его дворец устлан гигантскими коврами из верблюжьей шерсти. Он появляется на людях в дорогих костюмах, с пальцами, унизанными громадными изумрудами и бриллиантами. Народный совет официально объявил его пророком, ниспосланным Аллахом, – титул, на который и надеяться не смеет ни один другой президент в мире. Как человек, который написал «Рухнаму», он понимает язык рыб в озёрах и птиц в небесах. Согласно уверениям госчиновников, Туркменбаши может взглядом убивать мух, а силой мысли вызывать дождь. Даже круг его жизни иной, чем у остальных. Когда в начале 2000-х изумлённые телезрители отметили, что седые волосы их вождя снова стали чёрными, поступило официальное пояснение: в отличие от простых смертных, Туркменбаши с годами не стареет, а молодеет.

Как и любой народный вождь, Туркменбаши с годами всё охотнее чудил. Жертвами его теперь становились не только оппозиционеры, но и, например, виды искусств: он отомстил за проведённые в Кировском театре три часа тем, что запретил в стране оперу и балет. Подобно Петру Великому, решил постричь поданным бороды – произнёс филиппику против излишних волос, и туркмены принялись полировать лица до гладкости яичной скорлупы, а МВД ввело специальные разрешения, которые должны были получать бородатые иностранцы при въезде в страну. Вслед затем Туркменбаши совершил переворот в медицине, заявив, что над его народом не властны бактерии и вирусы, – он запретил упоминать в печати и больницах СПИД, холеру и гепатит, будто их никогда и не было. А потом стал бороться за здоровье зубов граждан. У азиатов была давняя мода вставлять на место вырванных зубов золотые коронки: ослепительная жёлтая улыбка демонстрировала достаток. Ниязов считал, что хвастовство – порок, и принялся запрещать золотые коронки, а чтобы люди закаляли зубную эмаль, советовал им профилактику – грызть кости. Борясь с тлетворным влиянием западной культуры, он запретил петь под фонограмму – только живая музыка, только туркменские песни. Ему подчинялись не только времена года, но и стихии: он собирался строить в горах под Ашхабадом ледяной дворец, а в Каракумах – зоопарк, где должны были быть пингвины. И вдруг Туркменбаши умер.

Баш на баш

Волосы-то у него темнели, а вот со здоровьем были большие проблемы: и сердце шалило давно, и диабет, говорят, прогрессировал. Шептались, конечно, об отравлении – куда же без этого? Туркмены плакали, убеждённые, что сейчас произойдёт что-то страшное: солнце начнёт восходить на западе, в разгар лета пойдёт снег. Однако вышло всё куда прозаичней: Государственный совет без

опасности мигом назначил преемника – любимца покойного вождя и его заместителя Гурбангулы Бердымухамедова, в прошлом стоматолога и профессионального борца. Внешне новый глава государства был так похож на Ниязова, что мигом распространился слух: это его внебрачный сын. И пускай его «официальный» сын, рождённый в браке с Музой, не захотел продолжать дело отца и уехал строить бизнес в Европе – нашёлся другой, нисколько не менее родной! И снова претворился в жизнь древний сказочный мотив – Илья Муромец пал, но кузькину мать врагам покажет сын Сокольник, о котором Илюша узнал перед смертью.

В благодарность за доверие народа «сын» пожаловал народу некоторые свободы – например, даровал право доступа в Интернет: вскоре после его избрания в Ашхабаде появилось целых два интернет-кафе, где всего за четыре евро граждане могли получить час доступа в Сеть. Правда, кое-где он решил подправить курс «отца» – убрал профиль Ниязова с экранов, а его имя – из гимна Туркмении и Клятвы верности. Новый президент покусился даже на святое: отменил экзамен по «Рухнаме», а саму священную книгу приказал изъять из учреждений страны. Вскоре туда завезли его собственные книги. Новый глава Туркмении оказался плодовитым автором – за десять лет своего правления он написал 35 книг. Правда, на философские проблемы не замахивался, а радовал читателей мелкотемьем – то о туркменских коврах напишет, то о чае, то о жеребцах. Недавно довелось посмотреть репортаж о том, как он дарует членам правительства свою книгу: в кабинете вереницей входят министры и каждый с поклоном прикладывает книгу к сердцу. Статую Туркменбаши он убрал с центральной площади, зато в Ашхабаде появилась его собственная гигантская статуя, где он верхом на коне. . .

В рассказе Станислава Лема было описано общество планеты, которому удалось создать «заменитель вечности»: каждые 24 часа все граждане менялись социальными ролями – мать в семье уходила маленькой дочкой в другое семейство, на её место приходила другая женщина, правителем становился человек, ещё вчера работавший дворником. Такое общество свободно от скорби: конкретный человек может даже умереть, но назавтра его заменит кто-то другой. У детей всегда будут родители, у граждан – правитель, хотя бы предыдущий и умер вчера. Ниязову удалось сделать что-то подобное. Кто из людей, не сильно вдающихся в перипетии политики, сейчас помнит, что тот Туркменбаши, который сейчас правит в Ашхабаде, – это уже новый человек? Туркменбаши давно превратился в имя нарицательное, в бессмертного мифологического персонажа. Туркменбаши умер – да здравствует Туркменбаши! ☉

Укротительницы мечты и яви

*Во все времена жили на свете дамы,
кроящие сказку из самих себя. Как?*

ОЛЬГА ФИЛАТОВА

Сказку отличает от жизни только количество в ней правды. Но ведь правды не существует: любая описанная реальность – альтернативная. Например, существует волшебное прекрасное искусство Древнего Египта, рассказывающее нам о том, как там у них, в Египте, обстояло дело с физической красотой и социальными устоями. Весь этот давно не существующий мир, изображённый на стенах, такой прекрасный лишь потому, что выведен рукой мастера, который именно так нарисовал. Мы имеем представление о той жизни лишь глазами художника, за спиной которого стоит... женщина. Она, и только она, позволила ему нарисовать себя, потом вылепить себя, потом вырезать из камня в ста изящных позах. Такой, а не другой, она себе понравилась. А неудачные изображения она велела сбросить со скалы в море, вместе с неудачником, сотворившим их. Мы их не увидим никогда.

Сбежавшая невеста

С Древнего Египта частенько начинается у будущих адептов альтернативной реальности увлечение прекраснейшим из миров. Елена Петровна Блаватская, объявившая себя избранницей неких не совсем определённых, но, несомненно, божественных сил, начала как раз с него. Вот была фантазёрка! Она не обладала красотой, подобной сокровищу царицы Египта. Современники отмечали, что из красоты у неё были глаза – неотразимые, забываемые, бирюзовые глаза добрейшей, чистейшей, светлейшей человеческой души. А из самых отъявленных её качеств указывают – харизму. Это была женщина подавляющей внутренней силы и убедительности. Гипнотизёрша, телекинетик, оккультист, медиум, оракул. До сих пор о ней гадают не меньше, чем о Вольфе Мессинге, – всё-таки аферистка она была или впрямь избранница каких-нибудь небес? Небес Тибета? Начала она

свой путь в оккультные науки с того же Древнего Египта, коим увлекались в XIX веке все имеющие эстетическое чувство. Всё-таки хорош он, Древний Египет, обольстительно хорош. По дороге в оккультизм – не проходите мимо.

Бывают женщины, выбирающие непознанное и мистическое как профессию. Некие трепещущие струны энергии, которые протянуты в пространстве и времени, не оставляют в покое их ум. Есть, есть на свете нечто столь увлекательное, при сравнении с которым вся жизненная обыденность, любые бытовые впечатления проигрывают полностью. Балы? Приёмы? Светская мишура? Семья? Дети? Я вас умоляю! Путешествия? Только в те края, где живут учителя непознанного. Хочется всё время чего-то странного. Тянет куда-то. Или манит. Сама жизнь становится инструментом мистики и тайны. Елена Петровна Блаватская была облечена тайной, как Нефертити сиянием Атона. Она шагу не могла сделать, чтобы не ступить в непознанное и не заметить странное. У неё и предметы летали по воздуху, и серебряные колокольчики звенели в пустой комнате, и портьеры колыхались, стоило ей подумать о душах умерших. Причём с самого детства. Медиум – говорили о ней. Она – медиум! Леночка ещё в родительском доме всё призраков по тёмным чуланам ловила, шепотки под лестницами подслушивала. То-то её гувернантка рыдала, когда маменька с папенькой ставили ей в вину – девочка сумасшедшая, идеи имеет странные. Кто научил её дуть на зеркальце? Когда девчушка в семнадцать лет сообщила родным, что собирается замуж за старика Блаватского, который ей в дедушки годился, семья от счастья не знала, кому молитвы возносить, кого благодарить за сию благодать, до того Леночка им

► Джон Леннон и его учительница жизни Йоко Оно

всем надоела со своими полотенцами. То царицей Египта нарядится к утреннему чаю, к завтраку выходит вся в туниках, как мумия, вместо булочки с маслом какие-то коренья тянет в рот, разговаривает замогильным голосом. То среди бела дня с призраком индуса беседует. Говорит: вижу – стоит в углу некто в белом, с чёрной бородой. И страшно смотреть! – глаза огромные, остановившиеся, смотрит перед собой, как в стекло, и говорит что-то, говорит, ни слова не поймёшь.

Муж-то её будущий, молодожён шестидесятилетний, вице-губернатор города Эривань Блават-

► Елена Блаватская, открывшая современникам волшебный мир спиритизма и эзотерики

ский, первое время земли под собой от счастья не чуял – загадочная Леночка ведь сама ему в жёны прыгнула, он и не чаял такого счастья на зрелости лет. Да только счастье оказалось какое-то липовое, как чужое. Под венец невеста шла, крепко сжав зубы, сияя непорочностью и бездонными голубыми очами. Однако с добродетелью своей решила не расставаться ни за какие коврижки. Хотела отвертеться духовным браком. А потом и вообще сбежала от благоверного – фьють! И след простыл. Фамилию только и оставила себе от него – Блаватская она была по мужу, в девичестве же Ган. Из совершенно приличной, мегадворянской семьи

была девочка. Правда, уже в семье существовали задатки любви к наукам – и мама её, и даже бабушка склонность имели, состояли в переписке с учёными мужами и морочили головы окружающим. Сбежавшая от мужа Леночка тем временем отправилась в путешествие совершенно одна. Для молодой девушки в XIX веке поступок из ряда вон, вроде как в брюки нарядиться, странно до чрезвычайности. И хотя об этом периоде её жизни известно крайне мало, только из самых обрывочных обмолвок, без подробностей небольшие крупницы информации, что зарабатывала она на жизнь будучи наездницей в цирке, потом и актрисой в театре, до нас дошли. На какие шиши существовала? По косвенным данным, содержала её родительская семья. Только и всего. Никакой мистики и научной фантастики. И так практически всю жизнь. Несомненно, какая-то постоянная финансовая поддержка была ей кем-то оказываемая. А знакомым она внушала, что финансирует её научную деятельность тибетское братство. Сказывала, что не имеет представления, откуда берутся деньги. Они есть, и всё тут, в достаточном количестве, хватает на путешествия.

Собственно, известна госпожа Блаватская главным образом из-за созданного ею теософического общества, кучи философских рассуждений, несущих в себе революционные для своего времени мысли, литературных трудов, состоящих из рассуждений о структуре мироздания, почерпнутых у тибетских учителей. Кто такие были эти учителя, до сих пор загадка, поскольку Елена Петровна не раскрывала сей секрет и даже обещала скорее погибнуть бесславно, прямо повеситься, нежели его кому-нибудь сообщить. Правда, тут немного получается как с тем неуловимым Джо, чья неуловимость самоценна лишь для него самого. Учителя же Елены Петровны за полтора года всё равно умерли, поэтому теперь и неважно, кто такие были эти люди, поведавшие русской девушке свои тайны, научившие её спиритизму, оккультизму и мистицизму. И были ли они вообще? Учителя по имени Гулаб-Лалл-Синг она вывела в своей книге «Из пещер и дебрей Индостана», звала Махатмой, но о самой своей жизни на Тибете почти ничего не рассказывала. Не напрасно же иные богоискатели обвиняли Блаватскую в сущей мистификации: не было, не было никого и ничего, сплошные выдумки экзальтированной особы. Якобы, встретившись в Лондоне с являвшимся к ней с самого детства в грёзах индийским учителем, вошла она в доверие к тибетским монахам, научившим её всякому такому, чему простой смертный не обучится нигде и никогда, хоть он тресни. И просидела она безвылазно на Тибете семь лет. Покинувши его, Блаватская пустилась в путешествия по городам и весям, всюду давая людям уроки добра вперемежку с фортепианными концертами и спиритическими

сеансами. Очевидно, общению с потусторонним миром её обучили на Тибете сонмы тамошних лам. В Петербурге, например, Блаватская прямо-таки устраивала аншлаги со своими свечами и тарелочками. Неоднократно рассказывали, что звон серебряных колокольчиков сопровождал её спиритические и прямо-таки магические мистерии. И не в одном лишь Петербурге. «Помню её в то время, когда она приехала в Тифлис... – вспоминает двоюродный брат Елены Петровны Сергей Юльевич Витте. – К нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество... просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом... Так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял». И верили, поголовно все верили. Конечно, здесь вопрос лишь личной симпатии и доверия к ней. Обаятельная была. Это точно. Да разве подашься в медиумы без умения внушать к себе расположение? Графа Калиостро забыли? Блаватская была – огонь! Кто знал её, говорили, что не подчиниться её человеческой теплоте и обаянию было невозможно. Вот как пишет о Елене Петровне индолог, переводчик Александр Сенкевич: «В Блаватской было много природной наблюдательности, с годами обострившейся в связи с её умением налаживать отношения с людьми, с ходу распознавать, что представляет собой каждый новый человек, чего он ищет в жизни и на что пригоден. Многие высокопоставленные европейские дамы сразу поверили в эту толстую, говорливую, мучимую многими болезнями женщину и стали ждать от неё необыкновенных открытий и чудес... «Старая леди» чувствовала себя головой Горгоны, пристальный и злобный взгляд которой превращал людей в камень. За исключением, разумеется, тех, кто уверовал в неё, Елену Петровну Блаватскую, как в Бога».

Под властью её личности ходили самые разные люди. Вот, к примеру, в 1884 году в Париже она познакомилась с Всеволодом Сергеевичем Соловьёвым – писателем, историком, сыном историка Сергея Соловьёва и братом философа Владимира Соловьёва. Будучи дамой гостеприимной, она с огромным удовольствием приняла молодого соотечественника в своём особняке на рю Нотр-Дам де Шан, подружилась мгновенно, с первых же минут обретя душевное расположение, обнаружив, что обоих синхронно занимают тайны египетской цивилизации. Елена Петровна обожала окружать себя почитателями и фаворитами, поклоняющимися ей без разговоров. Соловьёв, на тот момент отчего-то грустный, депрессивный, подходил на эту роль. Полтора месяца подряд он ежедневно навещал в гости к Блаватской, ведя с нею оккультно-теософские беседы, лишь бы чем-нибудь занять время. Его страшно

интересовали на тот момент всяческие кудеса. И дружба с известной теософиней составляла для него крайне приятное времяпрепровождение. И вот тут-то как гром среди ясного неба грянула сплетня, привезённая из России фрейлиной императрицы Ольгой Смирновой. Якобы тифлисский полицейский суд обвинил Блаватскую в мошенничестве и даже воровстве. Конечно, не поверили! Соловьёв и его протеже Юлиана Глинка, до трепета обожавшая «Старую леди», желали иметь доказательства. Списались с роднёй в Санкт-Петербурге. Тем временем старая дева Смирнова, известная своими буйными фантазиями, доходящими до галлюцинаций, вывалила перед сомневающимися полнейшее досье на «жрицу Изиды», крайне для неё нелицеприятное. Там содержались «сведения о девических проделках Блаватской, её ясновидении и лунатизме, которые перемежались с обвинениями в воровстве и мошенничестве».

«ЛИЦО ЕЛЕНА ПЕТРОВНЫ БЫЛО ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВЫРАЗИТЕЛЬНО; ВИДНО БЫЛО, ЧТО ОНА БЫЛА ПРЕЖДЕ ОЧЕНЬ КРАСИВА»

СЕРГЕЙ ВИТТЕ

Ольга Смирнова представляла Блаватскую распутной женщиной, среди любовников которой были и князь Семён Воронцов, и князь Дондуков-Корсаков, и Эмилий Витгенштейн, и барон Мейендорф. Она заявляла, что Блаватская зашла так далеко, что в период своей связи с князем Семёном Воронцовым попыталась завладеть значительными денежными суммами, причём это были деньги не только её любовников, но и совершенно посторонних людей. Кроме этих преступлений Блаватская, как утверждала Смирнова, связалась с самым дном тифлисского общества, занималась распутством, пьянством и совращением молодых девушек, которых зазывала в гаремы. Ольга Смирнова сочинила целую криминальную историю о побеге Блаватской от правосудия в Одессу, а затем за границу», повествует Сенкевич. Что на самом деле из этого было правдой, а что ложью ради удовольствия очернить известного человека, сказать трудно. Однако прежде любивший Еле-

ну Петровну Всеволод Соловьёв разочаровался в этой милейшей даме, конечно, не только лишь под влиянием «досье», но и собственных впечатлений. Через несколько лет опубликовал сочинение «Моё знакомство с Блаватской и Теософским обществом», чтобы уже расставить все точки над «i». Чудес же от неё он, кажется, так и не дождался, кроме таких, которые можно соорудить своими руками.

И всё-таки определённо Елена Петровна обладала талантами тончайшего психолога и гипнотизёра. Чудеса её сопровождали. Однако откуда было известно об этих чудесах? От неё самой. Известно, что однажды она чудом спаслась с тону-

они врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднить буддизм? Если бы читали в России, что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую хриstopодобную теософию – познание Бога и жизненной морали, как её понимал сам Христос... Я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не заражённому папизмом и протестантскими бреднями...» Однако революционность её взглядов отталкивала от неё аутентичных христиан.

Приобщение к трепещущим тайнам бытия – молодёжное занятие, и мало кто остаётся ему верен до конца дней. Но досуг, бесспорно, прекрасный. До изобретения телевидения и Интер-

щего корабля, на котором взорвался порох, – по дороге из Индии в Европу, добравшись в пункт назначения голой и босой, без средств к существованию. История в духе литературных поделок Анн и Сержа Голон. Откуда стало известно? От неё самой. Остальные-то утонули. После чудесного спасения, инкогнито, под именем мадам Лауры, она тогда совершила турне с фортепианными концертами по странам Европы, даже в России играла. В 1873 году она жила с братом в Париже и занималась живописью и литературным трудом, печатаясь под псевдонимом Радда-Бай, и всё страдала от непонимания соотечественников, которых не могла очаровать дистанционно: «Ну что это

нета одним из самых изящных видов досуга было столоверчение. Спиритический сеанс? Пурку па? И, конечно, предмет последующего обсуждения, особенно увлекательного в таинственном антураже. Тайна манит. Ведь вот в чём разница, к примеру: человек с утра проснулся и чаю испил, помялся, или же он по утрам вкушает прану, после акта медитации? О чём будут болтать досужие сплетники? Сказать, что ела она лепёшки с мёдом из сот Тибета, – совсем не то, что, допустим, блинов навернула. Тайна! Когда она умерла, телеграф порвало – столько телеграмм, отправленных по всему земному шару, удаивались одни лишь царственные особы. Блаватская была королевой

искателей альтернативной реальности. Вот какая совершенная в самых мелких деталях бывает сказка наяву. Неотличимая от правды. Существуют женщины, способные изменить мир вокруг себя именно потому, что у них самих есть подробная, полностью оторванная от реальности картина, как бы мир их грёз. Фантазии заразительны.

Злючка

Личность артистическая более других подвержена страсти покорять, впечатлять, очаровывать, повелевать теми, кто послабее волей. Незабвенная «мадонна декаданса» с русалочьими глазами Зинаида Гиппиус – писательница, поэтесса и жена чудесного Мережковского, без пяти минут нобелевского лауреата (Бунин перебил). Достаточно одних лишь цитат современников, зафиксированных на бумаге впечатлений о ней, чтобы понять: перед вами личность самая магнетическая. Ах, какая это была «Зинаида Прекрасная», как назвал её Бальмонт! Тонкая, по самой изящной парижской моде, коей ещё только предстоит обратиться к образам истощённых от вечного недоедания русских графинь и княгинь, заполнивших салоны и подиумы в 20-х годах XX века. Зинаида Николаевна Гиппиус была дамой модной до кончиков ногтей. Она была, что называется, основоположницей стиля – современной, изящной. И острой, как пила-ножовка. Она лепила образ самой себя, без применения лекал, и это удавалось ей лучше, чем любой из её современниц. Если умница Одоевцева сколько ни написала, а всё равно осталась в общем знаменателе эдакой «овечкой с бантиком» и даже без бантика, то Гиппиус хотела остаться в литературе в образе «белой дьяволицы». И осталась. «Всегда в белых платьях – иного цвета кожа просто не переносит, – вспоминали о Гиппиус современники, – румянец во всю щёку, крашенные рыжие волосы. Она нереальна, точно с другой планеты, примечательна особо. Так бывает примечательна либо большая красота, либо большое уродство. Не заметить невозможно».

Куталась в тайну, интриговала, заманивала. Вообще-то она была очень замужем, что для женщины-вамп никогда не составляло пользы. Муж какой-то под ногами болтается, с сельдереем в бороде, вечно что-то бубнит. Но то ли Мережковский был не такой, то ли она была всепоглощающей вамп, замужество не вредило её фантазии расцветать рядом с этим прекраснородушным мужчиной. «Семья? Вы говорите о семье? Это было что угодно, только не семья», – комментировала Нина Берберова. Тогда как иные славили этот брак как союз самого умного мужчины своего времени

► «Белая дьяволица» и её мужчины.

Слева направо: Философов, Мережковский, Злобин

и самой умной женщины, вершину человеческих отношений, духовный, идеальный брак, не запятанный физиологией. Тем временем продолжали шептаться о сторонних увлечениях обоих, даже и вовсе неприличного толка. Сплетничали, а как же.

«Соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные тёмно-золотистые волосы спускались на нежно-белый лоб и оттеняли глубину удлинённых глаз, в которых светился внимательный ум. Умело-яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, переодетого дамой, лицо З.Н. дышало каким-то грешным всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же – поэтесса». Впрочем, этот «умело-яркий грим» потом многие ругали и даже порицали, в том смысле, что ничего умелого, кроме яркого, в нём ни секунды не присутствовало, и вообще, раскрашивалась, как балаганная актриса. Но тут уж, наверно, вопрос остроты зрения. Андрей Белый, к примеру, с которым супруги познакомились в 1901 году, грима не оценил. «...тут зажмурил глаза; из качалки – сверкало; З. Гиппиус, точно оса в человеческий рост... ком вспученных красных волос (коль распустит – до пят) укрывал очень маленькое и кривое какое-то личико; пудра и блеск от лорнетки, в которую вставился зеленоватый глаз; перебирала гранёные бусы, уставясь в меня, пятя пламень губы, осыпаясь пудрою; с лобика, точно сияющий глаз, свисал камень: на чёрной подвеске; с безгрудой груди тарахтел чёрный крест; и ударила блесками пряжка с ботиночки; нога на ногу; шлейф белого платья в обтяжку закинула; прелесть её костяного, безбокого остова напоминала причастницу, ловко пленяющую сатану...»

Надо ли говорить, в каком восторге она была от подобных о себе строк? О, она обожала очаровывать со знаком минус. Она творила свою сказку с практически театральными эффектами, оставляя о себе отпечатки в душах таких же, как она, талантливейших из лучших – поэтов и писателей, и уже догадывалась, что резкие суждения, негативные оценки скорее запоминаются, чем добренькие отзывы тактичных до амёбности людей. «От блестящей Зинаиды шли холодные сквознячки... Улыбка почти не сходила с её лица, но это её не красило. Казалось, вот-вот с этих ярко накрашенных тонких губ сорвётся колючее, недоброе слово. Ей очень хотелось поражать, притягивать, очаровывать, покорять», – писала о ней современница. Отмечала дальше, что очень странными оказывались движения её рук, как бы совершенно не связанные с предметом беседы. Руки её вычерчивали резкие геометрические фигуры. Закидывая к потолку острый локоть, она

поминутно подносила к близоруким глазам золотой лорнет и, прищурясь, через него рассматривала людей, как букашек, не заботясь о том, приятно ли им. И одевалась живописно, до крайности. Однажды явилась в гости в длинной, белой, шёлковой, перехваченной золотым шнурком тунике, рукава которой трепетали у неё за спиной, будто крылья. В другой раз платье её, в целом совершенно скромное, даже тёмное, имело спереди вырезы, видные лишь при движении, через которые открывалась случайному взору розовая... ткань подкладки, имитирующая обнажённое тело.

И всё-таки этот семейный дуэт, о котором оба любили хвастливо сообщать, что прожили вместе полвека (52 года!), ни на день не расставаясь, обладал силой молота и наковальни в вопросах современной литературы. Вдвоём они умели смутить любого, от начинающего литератора до мэтров, заглянувших на огонёк. Что им были мэтры, если они сами мэтры? Гиппиус с Мережковским держали литературные салоны, где бы они ни обретались, в Петербурге ли, в Париже ли... Открыв «Зелёную лампу», они заманили к себе всех, кто вместе с ними топтал берега Сены. Стиль этих воскресений, равно как и прочих дней, у Зинаиды Николаевны был – поцелуй кобру! Язвила, кусалась даже без причины, никого не оставляя без следов от рогов и копыт. Современные ей мужчины неоднократно искали у неё под юбкой копыта и хвост, о чём сообщали в стихах. Однако, какую бы кобру рогатую ни включала Зинаида Николаевна, всё ей сходило с рук. Многие неоднократно отмечали, что красива, чертовка, ведьма! Конечно, она не могла не чувствовать этой своей силы. И бесконечно ею пользовалась, позволяя себе всяческое, прилюдное, за что осудили бы любую, но только не её. Писали о ней, что была подвержена культу красоты, отчего даже обычные вещи рядом с ней вдруг начинали жить каким-то самостоятельным стремлением. Вдруг обростала легендой старая пепельница, взглядами на мир блистал лорнет, трепетали шторы, а уж кресло под весом её худого тела изгибалось как могло, стараясь угодить. Существует её портрет работы Бакста, где Зинаида Николаевна изволит полулежать на стуле, вытянувшись по диагонали зримого пространства, одетая в мужское, весь вид имея презрительный и насмешливый, даже злой. Главное, что при всей своей чудесной, совершенно змеиной ядовитости эта женщина умела привлекать к себе людей, заставляя их вновь и вновь желать встречи с нею, общения, её оценок, хотя уже и заранее было известно, что будут они вроде пощёчин. Но ведь продолжали все целовать этот ядовитый кактус!

И мифотворчество, конечно. Говорили, что на спинке кровати она держит цепочку с нанизанными на неё обручальными кольцами своих поклонников. Критик Волынский, обожавший её, писал:

«Особенно осталась в памяти её походка. Шажки мелкие, поступь уверенная, движение быстрое, переходящее в скользкий бег. Глаза серые, с бликами играющего света. Здороваясь и прощаясь, она вкладывала в вашу руку детски-мягкую, трепетную кисть, с сухими вытянутыми пальцами. Кокетливость достигала в ней высоких ступеней художественности... Странная вещь: в этом ребёнке скрывался уже и тогда строгий мыслитель, умевший вкладывать предметы рассуждения в подходящие к ним словесные футляры, как редко кто. Она сама была поэтична насквозь. Одевалась она несколько вызывающе и иногда даже крикливо. Но была в её туалете всё-таки большая фантастическая прелесть. Культ красоты никогда не покидал её ни в идеях, ни в жизни...»

Литературные таланты Мережковского, помноженные на культурную притягательность Гиппиус, множили и число их друзей. Познакомившись с Дмитрием Философовым, они стали чудить самым волшебным образом, повергая в изумление знакомых и даже незнакомых своих. Сокрушение скреп, кстати, важнейший признак женщины рабовладельческого типа. Уж она вам непременно соорудит новую религию, слепив её из обломков старой и обрезков своих ногтей. Философов был, как и все кругом, литературный критик и публицист и личность мятущаяся. Идея «тройственного устройства мира», так называемого Царства Третьего Завета, которое должно прийти на смену христианству, его увлекла мгновенно. Пожалуй, по храбрости она равнялась с конструкциями Блаватской. В бытовом смысле они намеревались соорудить некую культурно-религиозную общину, интеллектуальный кибуц, шведскую семью для умных и культурных. И у них это даже получилось в отдельной взятой квартире в Париже на улице Колонель Бонне, 11-бис, где ещё до революции они купили скромную, но большую квартиру, чтобы иметь возможность останавливаться там в любое приятное для себя время. И хотя, кроме них троих, никто к ним присоединяться не рискнул, их и так всё устраивало. Они там собирали литературные посиделки, болтали в своё удовольствие, распушали друг перед другом перья кто как мог и всё это вместе назвали потом Серебряным веком русской литературы. Очень миленько получилось. Новым знакомым Зинаида Николаевна обычно представляла свою семью таким образом: «Дмитрий Мережковский, мой муж, будьте знакомы. А это Дмитрий Философов... тоже муж», – конечно, вовсю наслаждаясь впечатлением. И хотя наличие сразу двух мужей могло вызвать зависть у тех подруг, кто не имел и половины, завидовали напрасно. Философов вообще-то не интересовался женщинами. Его ближайшим другом до Мережковских был Сергей Дягилев. А сами Мережковские... по причине очень сложной эмоциональной

организации Зинаиды Николаевны имели между собой так называемый духовный брак – структуру, которую многие, допустим Берберова, считали вообще не браком, а форменным безобразием. Тем временем идеей духовного брака успели проникнуться и некоторые пустоголовые гимназистки вроде будущей жены Юрочки – доктора Живаго, которая размечталась обогатить духовным браком свою будущность, мол, физическая любовь – фи! фи! Вовсе не обязательна для семейного счастья.

Философов тем временем не собирался навеки оставаться в плену у рыжеволосой Зины и умчался от бывших сожителей в синюю даль, оставив короткую записку, что больше он не в состоянии участвовать, где вскорости и умер. Хотя изначально занимал в вопросе их новой религии самые радикальные позиции, составляя угол «святой троицы» и направо-налево раздавая пощёчины общественному вкусу. Конечно, это был эпатаж. Но какой заразительный! Вскоре тройственные союзы появились в семье у Бриков с Маяковским и так далее. А с кого началось? Кто всё придумал? Она! Рыжая бестия. Он обожала, когда её так называют, приписывая ей чертовское, ведьминское, бесовское. Розанов как-то обмолвился: «Это, я вам скажу, не женщина, а настоящий чёрт – и по уму, и по всему прочему, Бог с ней, Бог с ней, оставим её...»

Вот Оно

Женщины, вовлекавшие мужчин в мир своих грёз, рождаются не чаще пары раз в столетие. Вернее так: женщины все фантазёрки, просто густота грёз у них разная. Кто-то на целую страну насочиняет, а кто-то вроде как шепчет свои фантазии кому-то на ухо, а слушает в итоге весь мир. Была в одной богатой японской семье девочка по имени Йоко Оно. Вот кто уж родился так родился, до сих пор иные культурные деятели вспоминать её не могут без сквернословия. Загадочность Йоко зашкаливала. Йоко была загадочней, чем пирамида Хеопса или старик Кастанеда. Казалось, она участвует в одной ей ведомой ролевой игре, правил которой никто, кроме неё, не постигает. Это была сольная игра, которая почему-то зацепила одного лишь Джона по фамилии Леннон. Про таких, как Йоко, никогда точно не скажешь, притворяются они или на самом деле немножко «с приветом». И тут уже одно из двух: либо вы подпадаете под обаяние подобной личности и считаете её неотразимой, либо она вас просто страшно раздражает. И так – со всеми харизматиками. Вот то же произошло с отношением обывателей к таинственной японке, которую своим гуру, ясным солнышком называл величайший музыкант всех времён и народов. Однако товарищей его, музыкантов, было не купить на дешёвые кренделя, которые выписывала Йоко. «Дура какая-то!» – сказал сэр Пол Маккартни. Кстати, её по сей день многие так

и называют – «эта дура», не считая всяких прочих определений на иностранных языках. Это неправда. Йоко Оно абсолютно не дура. Она была – тайна, молчаливая, как египетская усыпальница.

Джон и Йоко поженились в марте 1969 года, через три года после знакомства. Фанаты «Битлз» останели от этой новости. Солнцепоподобный Джон совершенно помешался на этой японке, ушёл из состава «Битлз» и поменял своё второе имя в паспорте на Оно, ставши Джоном Оно Ленином. Ужас состоял в том, что жёнушка лезла во все сферы жизни музыканта. Даже музыку он принялся записывать с нею вместе. И она всё портила. Ни малейшего музыкального таланта у неё не находилось. Смешно до безобразия, как она скрипела в микрофон. Она даже на бонге толком не умела постучать, а уж если открывала рот, то извлекала из своих глубин гармонии, подобные звукам прерий. Но талантливый человек талантлив во всём, и она мнила себя одарённой. Незабываемые страницы Йоко вписала в историю музыки своими внезапными вторжениями в творческие искания мужа. Его товарищам приходилось только скрипеть зубами, когда за плечом у Джона на пороге студии они видели Йоко. И она пела. И играла. Однажды во время выступления Джона совместно с Чаком Берри – впервые в истории эти два музыканта собрались вместе исполнить несгораемый хит «Мемфис» – Йоко потрясла зрителей несвоевременным соло, которое она издала за спинами у ничего не подозревающих музыкантов. Видео сохранилось для истории. И избавиться от её влияния Джону не удалось до самой своей смерти. Йоко стала его опорой в жизни, его женой, его матерью, его учителем жизни.

Существует два диаметрально противоположных мнения о влиянии Йоко на судьбу Джона и «Битлз». Первое утверждает, что Йоко развалила группу, поскольку не было возможности им совмещаться в одном жизненно-музыкальном пространстве с нею. А выгнать её не удавалось. Пришлось расстаться. Второе мнение противоположно. Йоко дала Джону десять лет счастливой семейной жизни без алкоголя и наркотиков. И не будь её – он бы гораздо раньше упал в канаву очередного и губительного творческого кризиса. Ибо с наркотиками не шутят, а Джон – шутил.

Сам же Джон пытался объяснить друзьям, да и всем жителям Земли, что невозможно взрослому мужчине на всю жизнь остаться школьным шалопаем: «Когда я влюбился в Йоко, я понял: боже мой, это не похоже на всё, что было у меня до этого! Это было что-то совсем другое. Это больше чем хитовая пластинка, чем золотой диск, больше чем что бы то ни было. Это невозможно описать словами. Мысль об уходе зародилась ещё до встречи с Йоко, но, когда я познакомился с ней, это было так, как будто она моя первая женщина. А когда

у тебя появляется женщина, ты оставляешь друзей в баре, а сам уходишь».

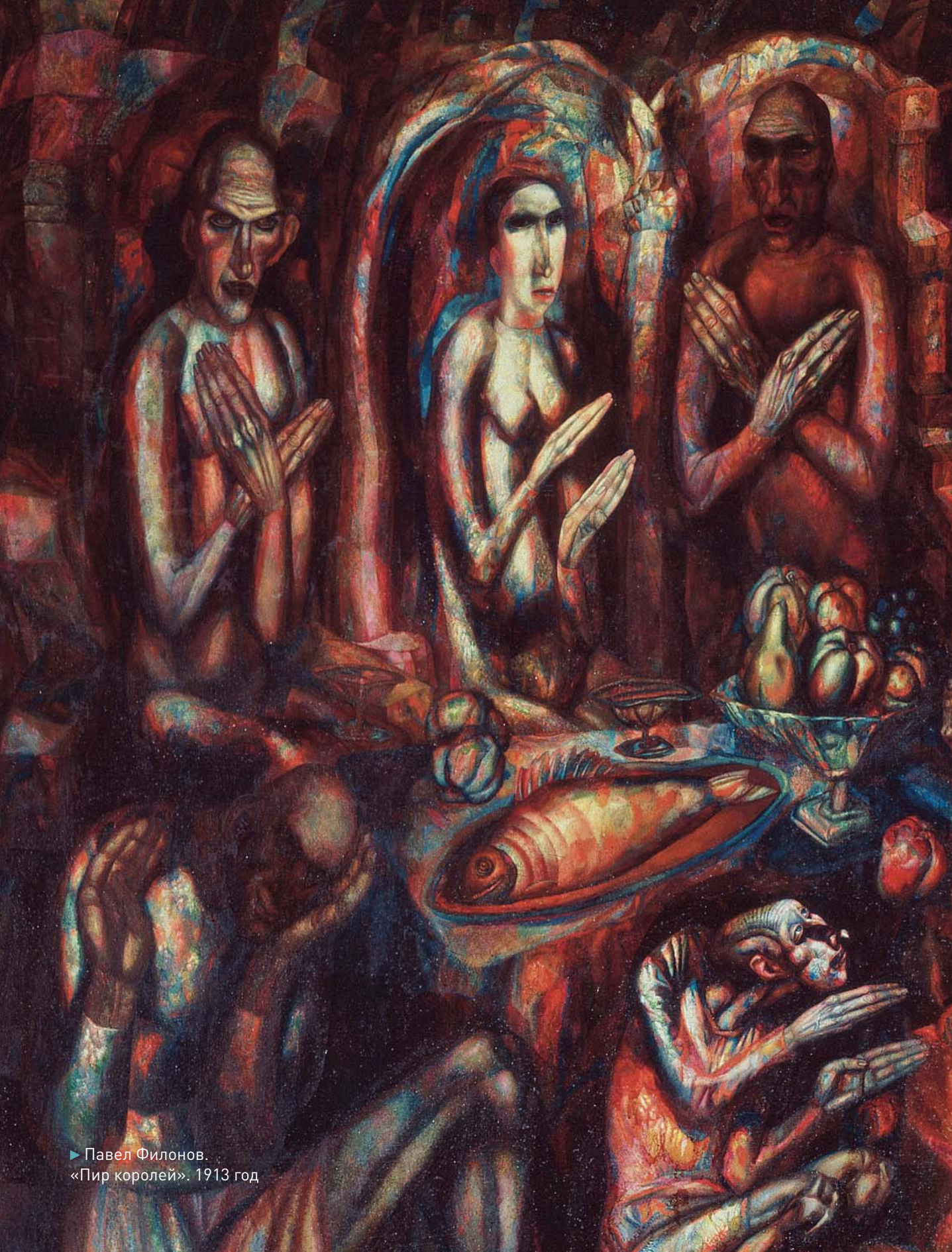
Он вполне всерьёз называл Йоко своим учителем. «Я знаменитый человек, про которого думают, что он всё знает, но она мой учитель, она научила меня всему, что я знаю. Она уже всё знала, когда я ни черта не знал, когда я был человеком ниоткуда. Она мой Дон Хуан (это он про мифический персонаж – учителя Карлоса Кастанеды. – Прим. ред.). А люди не понимают. Я женат на Доне Хуане, вот в чём беда. Дону Хуану не надо смеяться, не надо быть обворожительным. Дон Хуан просто есть. И ему безразлично, что вокруг него происходит».

Ничего удивительного, что женщина забирает себе мужа из компании весёлых шалопаев. Такого её природное назначение, и у Джона хватило ума понять, что он сделал свой выбор сам. С некоторых пор сама жизнь его была невозможна без этой японки, местами и правда чудовищно нелепой. Только кому до этого должно быть дело? Разве любят за уместность? Или за внешность, как у куклы? Или за ум? Любят то, что становится воздухом, без которого уже не обойтись, только пропасть. Йоко была воздух. Она сама была тот божок, которого искали и продолжают искать опустошённые до сухости поэты и музыканты. Она плохо пела и не умела играть на бонге. Зато в кадре Йоко завораживала. Она даже кофе пила из бумажного стаканчика так, как будто причащается ритуального напитка. Было в ней что-то от жрицы, творящей ритуал каждым своим вздохом. Рядом с нею казалось, что любое движение, жест – мистерия. Что струйки сигаретного дыма неспроста плывут к потолку. Что свечи трещат, как будто что-то сообщают. И даже сорванный на газоне одуванчик становился символом света, достойным вечно храниться закупоренным в память или хотя бы в фотографию. И тут, конечно, тоже не обошлось без религиозного практически экстаза. Знаете, есть художественная метафора, что жить надо так, как будто любой день – последний. Эту истину несла в себе девушка Джона. Рядом с такими людьми прекрасно дышится, потому что они наполняют самими собой ткань жизни. Но горе тому, кто осмелится отойти от них хоть на шаг. Жизнь тогда уползает, как сигаретный дым в дверную щель.

Женщины умеют завораживать, если уж берутся. Иногда им удаётся заманить в свои альтернативные просторы целые человеческие стада. Тайна – их хлеб. Из несуществующего материала выстраивается целый город, потом мир, потом даже век. И живая материя подчиняется фантазии. Как они это проделывают? Легко. ☉

► Йоко Оно – из породы женщин, которые отталкивают или забирают сразу и до конца

▶ Павел Филонов.
«Пир королей». 1913 год

— ❖ ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ ❖ —

Посторонний сокровенный человек

Максим Кантор – о великом живописце, пролетарском художнике-аналитике, враге мещанских красотей Павле Филонове

Увидев незнакомое, требуется поместить своё впечатление на полку, где хранятся привычные вещи. Это новое похоже на вон то старое! А-а, тогда понятно. В отношении искусства так происходит постоянно: через сравнения культура узнаёт саму себя. «Новый Гоголь явился!», «Потолок Сикстинской капеллы – это как Домье!» – люди определяют незнакомое через известное, образ – через другой образ.

Параллели не всегда точны. Так, принятые сравнения: Рубенс – Бальзак (сравнивают по причине барочной избыточности) или Мопассан – Ренуар (указывают на фривольность героев) – поверхностны. Бальзак называл Рубенса наглецом (см. «Неведомый шедевр»), пишушим «мясо», – сам же Бальзак был занят «поисками абсолюта». Мопассан презирал мещанские удовольствия, его рассказы о том, как мещанский флирт калечит человеческую природу; он бы не оценил импрессионизма. Однако сопоставления укоренились.

Сравнение художника Филонова и писателя Платонова, их дарований и методов письма представляется оправданным. Их обоих отличает беспризорная суровость, они стоят особняком – и в писательском цеху, и в художественной авангардной богеме. Меньше всего они похожи на «творцов», в их поведении нет красивых жестов. Оба мастера пишут сухим языком, лишённым прикрас. В искусстве «суровым» часто называют показную брутальность; на деле такая эстетическая «суровость» – лишь салонное ухищрение, дань моде. Так, в советские времена существовали кокетливый «суровый стиль», жеманная соцреалистическая романтика геологов и нефтяников. Искусство Филонова и Платонова сурово без кавычек, в изначальном значении этого слова – образы лишены красотостей. Герои Филонова и Платонова непривлекательны: взволнованных глаз, эффектных поз, задумчивых выражений, многозначительных фраз – нет. Персонажи «суро-

вого стиля» соцреализма сжимают кулаки, хмурят лоб и супят брови – позируют для «суровых» картин, хотя выглядят как «настоящие мужчины». Люди, созданные Филоновым, стоят, свесив руки вдоль туловища, и выражения их лиц не героического; лица настолько измочалены жизнью, что ничего, помимо мучительного процесса бытия, не выражают. Лишённые красотостей образы усваиваются зрителем нелегко – нам, зрителям, надо что-либо присовокупить к филоновской простоте. Но добавить к простым лицам нечего.

Последнее, что приходит на ум, когда читаешь Платонова или смотришь на полотна Филонова, – это слово «вдохновение» – пресловутая Пушкинская лёгкость («минута – и стихи свободно потекут») этим художникам неведома. Современники военного коммунизма и продразвёрстки, эти художники «нового общества» работали как разнорабочие: тяжело и помимо вдохновения слова подгоняли друг к другу, как камни, выкладывали краску, словно грузили дрова. Видно по линии Филонова, как трудно движется рука художника, видно, как трудно подбирает слова Платонов. Мастер работает, как те рабочие, которых описал Маяковский: «всё стерпя, чтоб жизнь, колёса дней торопя, бежала в железном марше». Каждый день и монотонно, но ради великой цели. Эта великая упорная монотонность стала своего рода художественным методом. Нужно другим дело мастера выполняют вопреки всему – даже вопреки внешней красоте искусства, вопреки правилам Буало и представлению о катарсисе. В произведениях Платонова или Филонова не бывает катарсиса, то есть нет некоей точки напряжения, в которой сходятся сюжетные линии и страсти. Повествование равномерно тяжело, холст равномерно расписан – центра нет. Их вещи не красивы хрестоматийной красотой. Если вы станете вспоминать лицо героя Филонова – вам не удастся вспомнить ничего помимо общих черт; индивидуальность стёрта трудом. Остаётся узнать: что же необходимое содержится в трудной работе Филонова и Платонова, ради чего проделан мучительный труд?

Принято считать, что Платонов писал «Котлован» и «Чевенгур» как обличение коммунистической утопии. В таком случае его творчество – это мучительная правда, выговоренная о страшном времени. Впрочем, прямых обвинений режиму писатель не высказал, он просто описал уничтожающий человека процесс жизни, но хорошо это или плохо – он не сказал; каждый может решить сам. Принято числить Филонова мастером, запрещённым советской властью, – и действительно, запланированная при жизни выставка в Русском музее была отменена, а после смерти работы художника не выставляли. Однако никакой критики строя в картинах Филонова найти невозможно. Другом и почитателем Филонова числился совет-

**«САМОЕ ЦЕННОЕ
В КАРТИНЕ –
РАБОТА ЧЕЛОВЕКА
НАД ВЕЩЬЮ,
В КОТОРОЙ ОН ВЫ-
ЯВЛЯЕТ СВОЮ БЕС-
СМЕРТНУЮ ДУШУ»**

ПАВЕЛ ФИЛОНОВ

ский мэтр Бродский – тот самый, автор «Ленина в Смольном»; всё это странно – это не биография диссидента. Да, на картинах Филонова изображены грубые люди, тяжело работающие, с безнадёжно уставшими лицами, но разве тяжкий труд противоречит доктрине партии?

Подобно грубым скульптурам средневековых соборов, герои Платонова и Филонова предъявляют зрителям своё бытие вне оценочных категорий. Разве герои соборных порталов – мученики и святые – тщатся нам что-то доказать? Это в новое время масляная живопись стала трибуной: герои Гойи взывают к зрителю, требуют соучастия в борьбе, герои Шагала делятся своими страстями. Но люди Платонова и Филонова просто сосуществуют рядом с нами, как живут рядом с нами деревья, как стоят скалы. Герои Филонова и Платонова не стараются казаться значительнее, чем они есть; так и камень не старается придать своим чертам выражения; камню достаточно того, что он знает сам о себе. Персонажи Платонова и Филонова схожи своими чертами с природой Севера – их лица вычищены холодом и ветром от избыточности. Ввалившиеся щёки, глубоко посаженные глаза, резко обозначенные челюсти, широкий выпуклый лоб, тонкие губы – никакой специальной аффектации, но лицо настолько очищено от всех примет быта, что волнует лабораторной скупостью черт. Слово человека умыли и побрили для операции – не оставили в облике ничего лишнего. Ничего нет лишнего и в одежде – у Филонова люди одеты в серые робы, какие носят рыбаки или заключённые; примет времени нет – с равным успехом это может быть персонаж Средневековья или Новейшей истории; впрочем, мастер и не имел в виду определённую профессию или определённый год.

Надо сказать, что Павел Николаевич Филонов и сам был схож внешне со своими персонажами – его лицо поражает непафосным упорством, в нём нет ничего от борца или трибуна; это лицо упорного рабочего, фанатика труда; такие люди работают сверхурочно и не устраивают забастовок, если им не платят зарплату. Именно к таким вот лицам обращались большевики, зовя людей на стройки и войны, – такие люди отдают свою жизнь без раздумий. Личная жизнь Филонова была под стать облику – её, по сути, просто не было. Он был женат на женщине много старше себя, она была вдовой народовольца, то есть старше Филонова как минимум на два поколения. Даже в богемной авангардной России, среди художников, совершавших экстравагантные поступки, это был из ряда вон выходящий поступок. Это не богемный жест, это не страсть к Айседоре Дункан или Лиле Брик – это труд в личной жизни, столь же упорный и не ради удовольствия осуществляемый, как и работа живописца. Расска-

«КАК Я РАБОТАЮ? НЕ ОТВЛЕКАЯСЬ В СТОРОНЫ, СЕБЯ НЕ ЖАЛЕЯ. ОТ НАПРЯЖЕНИЯ ВОЛИ НАПОЛОВИ- НУ СЖЕВАЛ СВОИ ЗУБЫ...»

ПАВЕЛ ФИЛОНОВ

зывают, что в блокадном Ленинграде художник возил свою старую и немощную жену на санках, отдавая ей свой скудный паёк. Художник умер от истощения, от голода во время блокады – и поэт Кручёных написал такую эпитафию:

*Был он первым творцом в Ленинграде
Но художом
С голодухи
Погиб во время блокады,
Не имея в запасе ни жира, ни денег.*

Быть человеком, по Филонову, – это само по себе профессия, тяжёлый труд: люди приходят в этот мир, чтобы страдать и работать.

Такой взгляд на жизнь обусловлен, разумеется, ясно сформулированным убеждением в своей миссии в истории. Филонов, как и Платонов, – пролетарский художник. Самосознание пролетария – вещь непривычная для искусства: прежде художники работали, может быть, не меньше, но они не приравнивали свой труд к труду пахаря. Для Филонова (как и для Платонова) всякий труд равновелик; они сами пролетарии, они пишут пролетариев – и пишут для пролетариев. Пролетарий (в отличие от капиталиста или крепостного) познаёт мир в свободном труде и сам может быть понят только через труд. Свободный труд тем отличается от принудительного, что этот труд не имеет срока и расписания – надо работать всегда.

Труд становится для Платонова и Филонова той единственно приемлемой для человека средой, в которой человек только и может понять окружающий его мир. Совершая ежедневный мучительный трудовой процесс, человек способен анализировать ощущения от предметов и явлений, и таким образом он понимает действительность.

Герои Платонова и Филонова удивились бы, услышав про аристотелевский «высокий досуг», для них «досуг» и «праздность» не могут быть «высокими»: ты живёшь, пока тяжело трудишься, причём конкретной цели у труда нет; труд есть перма-

▶ «Перерождение человека».
1914–1915 годы

нентная форма существования социума, форма жизни белковых тел. В том числе трудом является определение внешнего мира.

Здесь уместно вспомнить, что Филонов был не только живописцем, но и писателем; причём, подобно Платонову, обращался со словом на особый манер – перегружая слово теми смыслами, какие ему самому открывались в процессе речи. Приведу цитату мастера, так он определял свой метод работы: «Я художник мирового расцвета – следовательно, пролетарий. Я называю свой принцип натуралистическим за его чисто научный метод мыслить об объекте, адекватно исчерпывающе, провидеть, интуировать до под-и-сверх сознательных учётов все его предикаты, выявлять объект в разрешении адекватно восприятию». Сказано это на первый взгляд заумно, туманно. Впрочем, так выражался и Платонов тоже, часто фразу писателя надо перечитать, чтобы понять, что именно хочет сказать автор, – так происходит от повышенной требовательности к слову.

Осознав себя «пролетарием», уверовав, что усилиями пролетариата создаётся небывалая мировая культура, писатели, творцы новой пролетарской действительности столкнулись с тем, что они говорят на старом языке, – и настоятельной потребностью ответственного мастера стало язык поменять.

Поменять – значило очистить от культуры. Культура может соврать, культура повинна во многой лжи; надо освободить линию от воспоминаний о музее, а слово от шлейфа ложных значений. Как выражался сам Филонов (опять-таки на своём трудном языке): «Художник не может действовать в чистом разрешении заранее известной старой формой, это обязывает форму быть точной по отношению анализа в объекте, как звук, нота, буква, цифра, слово, речь»...

Первичное слово, освобождённое от культурных коннотаций, – вот что ищут художники. Пролетарий, человек труда желает говорить о себе и своих товарищах на честном рабочем языке. Но такого языка – нет. Мы все существуем внутри культуры и пользуемся её шаблонами, а кто-то может сказать «пользуемся клише» или даже «штампами» для выражения своих (даже искренних) эмоций. Выражать себя через присвоение чужого словаря свойственно человеку вообще, а искусство этим пользуется постоянно – совсем не сегодняшний открытый приём постмодерна впервые разрешил заимствование. Совсем не первым отметил Мандельштам, что «не одно сокровище, быть может, минувя внуков, к правнукам уйдёт». Вовсе не первым Эдгар Дега советовал молодому художнику до двадцати лет копировать картины в Лувре, и лишь потом юношу можно будет допустить до рисования первых набросков самостоятельно. Это даже не традиция, это просто

условие диалога внутри культуры: мы живём в образном мире и само понятие образов сформировано всей культурой до нас, наши эмоции лишь добавляют к уже существующему образному ряду своё, никак не отменяя прежнее.

Платон считал, что наши знания есть лишь «припоминания» того, что уже знает наше сознание по причине причастности к общему эйдосу, то есть причастности к единому замыслу мира, где все явления и сущности сконцентрированы воедино.

Увидеть вещь как бы впервые, освободить слово от словарных значений и опуститься вниз, к его корневой системе, заставить слово и вещь быть «самими собой» – вне культурного понимания – возможно ли это в принципе?

Практически одновременно с Платоновым и Филоновым художник Клее провозглашает своей целью спуститься от «кроны дерева искусства» к «его корням». Оставим в стороне тот очевидный, увы, факт, что, спускаясь от кроны культуры к её корням, творцы неизбежно находили там язычество, а как развивались их отношения с языческими идолами – легко узнать из истории 30-х годов. Но сейчас речь об ином. Очищая слово и линию от неизбежных культурных коннотаций («этот образ подобен тому образу»), пролетарские мастера вынуждены были – без преувеличения – пересмотреть словарь.

Так возникает неудобная, трудно читаемая фраза Платонова, в которой писатель всякое слово ставит не потому, что принято называть этим словом явление, а взвешивая слово – подходит ли корневая система данного слова к тому, что видит глаз, ощущает язык, чувствует кожа. Возникает как бы первичный протоязык, на котором до Платонова никто и не говорил, да и после него говорить не будет: ведь, следуя завету писателя, его собственное понимание слова тоже надо забыть, чтобы затем опять искать первичное значение.

Все мы пользуемся шекспировскими, бальзаковскими, мопассановскими и микеланджеловскими характеристиками не потому, что абсолютно верим им, но потому, что образы явлений – такие же объективные данности культуры, как сами явления. Яблоко Сезанна, яблоко сада Гесперид, яблоко Ньютона уже столь же природны, как яблоко, висящее на ветке, – и природа культуры в большей степени даже, нежели природа естественная, формирует наше сознание. Но что если отказаться от культуры, сквозь которую мы смотрим на природу, и что если охарактеризовать яблоко так, словно ни греческих мифов, ни картин Сезанна не существует? Что если попробовать найти слова для эмоций, которые испытываешь к женщине, не прибегая к определению «любовь», которое использовали Данте, Петрарка и Маяковский, нагружая эту эмоцию моральными императивами и фантазиями? Что если, пользуясь

«ДВА ГОДА ПИТАЮСЬ ОДНИМ ЧЁРНЫМ ХЛЕБОМ И ЧАЕМ С КЛЮКВЕННЫМ СОКОМ. И НИЧЕГО, ЖИВУ, ЗДОРОВ»

ПАВЕЛ ФИЛОНОВ

первичным словарём, предельно честно и ответственно охарактеризовать происходящее в организме при виде osoby противоположного пола? И будет ли такая скрупулёзно фактографическая характеристика отвечать представлениям окружающих о любви? Окружающие (невольно, в силу принадлежности к культуре) пользуются словами «мне невозможно без неё жить», «она свет моих очей», «она воплощение красоты», но этот набор заклинаний ничего не значит для героя Платонова; ответственный герой Платонова скажет нечто исходя из точной фактографии.

Так появился знаменитый персонаж Платонова, освобождённый от привнесённых извне (как считает сам писатель) определений явлениям, от культурных клише и флёра чужих эмоций. Надо не стесняться того, что мы понимаем своим естественным разумом, – надо лишь следовать своей способности понимать. Так возник платоновский «сокровенный человек» – существо, лишённое привычных представлений о добре и зле. Это не плохой человек, слово «плохой» вообще для Платонова не имеет смысла; но это и не хороший человек, поскольку и слово «хороший» тоже бессмысленно.

Парадоксально то, что писатель с фамилией Платонов выступал именно против основного принципа философа Платона, против того, что всякая вещь содержит в себе идею, создавшую эту вещь. Писатель Платонов именно эту первоначальную идею вещи словно бы не замечает. Он видит всё впервые. Вот перед нами мир: существуют яблоко, любовь или стул – и человек, пользующийся этими данностями, хочет понять явления исходя из своего, ему одному известного опыта. Человек не лукавит, он честен перед миром, он анализирует свои ощущения, подбирает точные слова, их описывая, – и не хочет знать чужих мнений на сей предмет. Такой подход к миру неизбежно приводит к тому, что понятия добра и зла теряют своё значение.

Ведь добро и зло мы познаём не только опытным путём, но через априорные знания, данные нам культурой. Допустим, порезать палец – зло, и это мы узнали опытным путём; если быть осмотрительным, то палец не порежешь и зла избежишь. Но как квалифицировать явление смерти, которая объективна? Для христианина смерть – зло, которое надо преодолеть, но для наблюдателя естественного течения события (допустим, биолога) смерть злом не является. Впрочем, биолог, вероятно, отнесётся к смерти своих близких как ко злу, поскольку в данном пункте естественное течение событий перешло в область эмоциональную, духовную; в этот момент в нём заговорит усвоенный вместе с культурой набор эмоций – любовь, страдание, память и т.п. Трудно будет сказать над гробом матери «нарушение дыхательных функций, объективно возникшее...» и т.п., поскольку в нашем сознании большую часть составляет не сам опыт, но эмоциональное переживание опыта. Но если культурные эмоции убрать из сознания как вторичные? Что должен переживать человек, живущий вне культурных коннотаций? Как охарактеризовать голод в Африке? Эти смерти далеко, нами буквально не пережиты; голод никем специально не устроен, просто в Африке мало еды. Это событие – зло или добро? Или просто течение событий? И вообще, что есть мораль вне опыта?

Как определить, события на плоту «Медузы» (картину Жерико) – это призыв к чему и во имя чего? Святой Себастьян кисти Мантеньи, в которого вонзают стрелы, почему он не кричит, хорошо ли это? «Расстрел 3-го мая», написанный Гойей, – это о чём и кто там герой? Эти вопросы, кажущиеся нелепыми в контексте христианской истории искусства, становятся безответными, если убрать определённую коннотацию морали.

У раннего Филонова есть холст, написанный в предчувствии Первой мировой, на пороге катастрофы, вселенского катаклизма, – холст называется «Пир королей». Название более чем актуально для грядущей бойни народов, направляемой королями. Изображён кроваво-красный интерьер, тёмная комната, освещённая багряными отблесками, в которой молчаливые создания с лысыми черепами и дикими взглядами пьют вино. Сегодня, когда мы знаем о последовавшей бойне, можно фантазировать, что данная картина суть пророчество; мешает этому предположению, что во многих лицах зритель может узнать автопортрет художника – тот же широкий лоб, те же ввалившиеся щёки, из-под бровей сверлящие зритель глаза. Перед нами какая-то богемная вечеринка в мастерской, какая-то сакральная трапеза, в которой столы цвета запекшейся крови и иссиня-чёрное вино в стаканах, лихорадочный румянец щёк и дикие взгляды – всё вместе наводит на мысль о шабаше, о чёрной мессе. И одновременно

в картине нет ни намёка на обличение войны. Эти странные существа (и среди них сам художник) справляют тризну по миру – и они, кажется, веселятся. Картина завораживает неотвратимой силой жизни, в течении которой нет ни добра, ни зла – всё идёт так, как идёт, повинуюсь напору витальных сил. Вот так и война наступает – неотвратимо.

Безразличие к дефинициям добро – зло и поражает, и притягивает. И это безразличие оставляет в зрителях ощущение неразгаданной загадки, в то время как отгадки в принципе не существует. Годом раньше «Пира королей» написана не менее странная вещь – «Перерождение интеллигента», картина тем более актуальная сегодня, когда часто говорят о том, что интеллигенция не понимает народа. На картине изображён человек (очевидно, интеллигент – он в шляпе), словно попадающий в зазеркалье, его начинает корчить и ломать, его образ множится. И вот, спустя несколько трансформаций, персонаж (интеллигент) снова становится статуарной фигурой. Однако за время мутаций облик его никакого изменения не претерпел – перед нами снова человек в шляпе. Ради чего была эта, напоминающая мясорубку мутация, ради чего было калейдоскопическое изменение, если ничего не поменялось? В чём состоит «перерождение» интеллигента – художник, вероятно, не знает и сам. Он написал вихрь, перекорёживший человека, а ради чего это было – неизвестно. Самый приём – изображение фигуры, распадающейся на многие иные фигуры, – буквально схож с приёмом, применённым Марселем Дюшаном в его программной вещи (Дюшан писал её несколько лет) «Обнажённая, спускающаяся по лестнице». Если сопоставить эти произведения (Дюшан закончил свою вещь годом раньше, в 1912-м), поражает идентичность высказывания – смысл картины только в одном: цельного образа бытия более не существует, – по сути, написана антиикона.

Следующий по времени холст – уже военной поры – Филонов называет «Перерождение человека», в нём тема зеркал, внутрь которых попадает герой, доходит до крещендо.

Здесь сюжет ясен – в город входит крестьянин (при желании можно его адресовать к картинам Венецианова и укоренить в русскую живопись XIX века) и в городе с ним происходит чудо. В покривившемся квартале, где дома словно рассыпанные кубики, этот крестьянин сперва превращается в горожанина, меняет платье, а затем его облик начинает трояться, перед нами уже три человека, с единым торсом, но бесчисленным множеством рук-ног – и с тремя головами. «Перерождение человека» – тот редкий холст, в котором у Филонова наличествует портретная живопись. Три головы странного мутанта похожи на Велимира Хлебникова, Маяковского и Кручёных. То, что в итоге мутаций пред нами возникает справа фигура

поэта Владимира Маяковского, у меня сомнений не вызывает.

Если это так и моя догадка верна: из русского крестьянина и крепостной доли возник пролетарий и творец Маяковский, – то перед нами программный труд по воспитанию пролетарского сознания. Но, глядя на все эти мутации, невозможно сказать, чем же конечный продукт трансформаций отличается от расходного материала. Чем человек нового мира принципиально лучше крестьянина, пущенного в переделку?

Ответить на этот вопрос невозможно в принципе, поскольку герой Филонова никак не показывает нам характер. У него вообще нет никакого характера – он продукт мира, он строит новый мир, он ложится в удобрение этого нового мира, а хорошо это или плохо, он не знает. Его сила имеет не осознанную природу, иначе говоря, рождена не сознанием, но волей и упорством в существовании, и оценить, чем хорошо такое упорство, невозможно.

Так и герой Платонова, «сокровенный человек» Пухов, «на гробе жены варёную колбасу резал» не потому, что он плохой или бесчувственный человек, но потому, что «естество своё берёт», – и у писателя Платонова, пристально вглядывающегося в мир явлений, нет осуждения такой естественности; писатель анализирует явления первичные, смотрит безоценочно.

«Сокровенный человек» Платонова, или «Посторонний» Камю, или «человек без свойств» Музиля – это лишённое лицемерия культуры создание. Сила жизни в данном существе заложена, такова, что никакие внешние критерии не справляются. И хотя такой анализ выглядит неактивным по отношению к художнику, чьей задачей жизни было творить вне контекстов, но говорить о первичном словаре понятий Платонова или о протолюдях Филонова вне контекста современной им культуры – неправильно. «Сокровенный человек» возник закономерно. Именно одновременно (и это существенно) возникают лабораторные попытки исследовать феномен как бы «первичного» сознания. «Как бы» – в данном случае уместная частица речи, поскольку полностью освободиться от культурных коннотаций не может, конечно же, никто. Однако Мерсо, герой романа Камю, отгораживается от запрограммированной (как это видится ему) реальности именно строгим анализом своих первичных ощущений. Мерсо пребывает вне морали общества, поскольку общество – лицемерно и шаблонно, а он сам – первичен и точен в описании своих эмоций. Его возлюбленная Мари спрашивает, любит ли её Мерсо; тот («посторонний» ко всякому речевому штампу), трезво взвесив свои эмоции,

► «Святое семейство». 1914 год

отвечает, что, скорее всего, он её не любит, но, впрочем, уточняет, что значения это не имеет никакого, поскольку он вообще не понимает, что такое любовь. Их физиологическим радостям или совместным походам в кино ничуть не мешает тот факт, что мелодраматическое понятие «любовь» ничего не говорит Мерсо, или то, что в этот день умерла его мать. «Естество своё берёт», как сказал бы Пухов, герой Платонова. Любопытно, что мы, читатели, сами, безусловно находясь в культурном контексте, склонны относиться хорошо к Пухову и недоброжелательно относимся к Мерсо, хотя оба эти персонажа совершенно идентичны, это очищенные от культурных штампов, а вместе со штампами и от нравственных идеалов, существа – это человеческие механизмы, люди из плоти и крови, и даже с некоей душой, но душа прошла своего рода «чистку»; механизм отремонтировали.

Можно ли человеческому механизму сострадать? Может ли человеческий механизм стать героем? И ещё важнее спросить: если наделённый избыточными эмоциями человек ведёт мир в беду, может быть, человеческий механизм мир спасёт?

Лабораторные эксперименты по изучению «сокровенного человека» – «постороннего» – «человека без свойств» потребовались после Первой мировой войны, то есть после тотального разочарования в европейской культуре, приведшей к бойне культурных народов. «История нас обманула» – эти слова солдата вспоминает историк Марк Блок (один из создателей «школы анналов», послевоенной исторической аналитической мысли, пересматривающей историю Европы), и уж если солдат в окопе так увидел своё культурное прошлое, то художник обязан поставить эксперимент: а каково жить вне обмана культуры?

Приняв вызов, начал свою работу Филонов – и создал героев, которые в полной мере характеризуют первичный мир труда, очищенный от представлений о культурных и речевых клише. Затруднительно определить его героев – они лишены индивидуальных черт; это колоссы, изваяния людей, словно вырубленные из дерева: структура тел, голов, даже поверхность кожи, как её изображает художник, напоминают нам о дереве. Это протолюди, вовлечённые в вечный трудовой процесс, и кажется, что их рабочая трудовая сущность первична в этом мире, как все протоэлементы – вода, огонь, ветер, лес. Зрителю не удастся сказать, чем один из персонажей отличается от другого, эти фигуры более или менее однообразны, но ведь и скульптуры в средневековых соборах тоже довольно однообразны и выполнены грубым резцом. Слово «средневековых» в данном случае условно, строгий Филонов его бы не употребил. Европей-

ское Средневековье – это христианство. Вещи Филонова создают эффект древнего собора, однако при этом храма не христианского, но сугубо языческого. Простота (иной бы сказал: примитивность) этих образов обусловлена тем, что все лишние эмоции словно бы отсечены – они могли бы оказаться фальшивы. Остаются только упорство и тяжесть труда, въедливость и истовость – и странным образом эти качества, вообще говоря, присущие индивидуальным характерам, в данном случае характеризуют обобщённые примитивные типы.

В этом сочетании въедливой детали и обобщённого, почти примитивного образа – очарование и притягательная сила Филонова. Его вещи потрясают многодельностью и необыкновенно усидчивой детализировкой; мастер проводил часы, дни и месяцы, усложняя, добавляя, вкрапывая всё новые и новые подробности. Его крупные формы буквально набиты микроскопическими мелкими штрихами и подробностями, подчас напоминающая структуру клетки, как мы её видим в микроскоп. Метод филоновского рисования, в котором большая форма дробится на малые, а эти малые формы – на ещё меньшие, получил название «аналитическое» рисование, и появился даже целый ряд адептов этой школы. Интересно здесь то, что данный аналитический метод ничего не анализирует, то есть вообще ничего. Сколь ни тшиться, разглядывая мелкие детали, вписанные в большую филоновскую примитивную форму, вы не отыщите в них никакой информации (тем более анализа). Эти большие примитивные формы заполнены такими же примитивными формами, и даже ещё более упрощёнными, – геометрическими телами и точками, квадратами и прямоугольниками. Иногда кажется, что внутри крупных филоновских лесовиков бушует хаос, созданный беспредметным Малевичем. Возникает страннейший эффект – сложности, которая ничего не проясняет, анализа, который ничего не анализирует, детали, которая не детализирует ничего.

И это тем более любопытно, что творческий метод Филонова, как его описывал сам мастер, заключался не в уточнении большой формы, как то делает большинство художников мира, но в создании большой формы вокруг форм малых – в том, что художник идёт от частного к общему. В идеологическом плане это совершенно понятно – Филонов деталь низвёл до чёрточки, индивидуальность растворил – это закономерно по отношению к коммунистической утопии. Так поступает и Платонов. Но вот как сугубо рисовальный метод это вообразить трудно – судя по всему, Филонов начинал всякую вещь с абстракции, поскольку его деталь сугубо абстрактна, это всегда беспредметная форма, мелкая загогулина, точка. И то, что мелкая бижутерия абстракций ткёт образ человека, каковой сам художник считает реалистически

конкретным, – это само по себе поразительно. Значит ли это, что очищенная от культурных наслоений эмоция абстрактна? Значит ли это, что абстрактная эмоция порождает безличного идола? Неужели именно это хотел нарисовать художник?

С точки зрения метода письма перед нами исключительный парадокс: данная техника (заполнение формы абстрактными разноцветными точками) буквально воспроизводит приём пуантелизма. Именно так поступали французские художники-дивизионисты, Сёра и Синьяк, они ставили мириады пёстрых точек, усложняя локальный цвет, причём делали это почти механически. Несомненно, Павел Филонов такому сравнению бы не обрадовался – для пролетарского художника-аналитика, каким он себя считал, сравнение с певцами мещанских красавостей – оскорбительно. Между тем сходство есть. И в том и в другом случае мастера ничего конкретного усложнением цвета сообщить не хотели – это имитация сложного письма, разложение цвета на спектр делалось пуантелистами механически, имитируя сложную работу. Фактически пёстрым конфетти художники-пуантелисты заменили лессировку – трудный метод, в котором цвет пишется поверх цвета прозрачным слоем. Новое время, разрушая цельный образ, разрушило и сложный метод создания сложного цвета. Отныне – сложность имитировали. Перед нами сугубо абстрактное, механическое высказывание о цвете – его можно назвать в том числе и «первичным», поскольку чистый цвет точек пуантелизма – продукт спонтанного письма. Но ведь пуантелизм – ни о чём, а Филонов – о мировом расцвете! Как же так?

Первичность ощущений (и Платонов, и Филонов именно первичность ощущений брали за необходимую цель работы) практически не оставляла возможности почувствовать хоть что-либо заурядно-обыденное – любовь, быт, историю, прошлое и т.п. В лабораторном «сокровенном человеке» нет деталей, «посторонний» не имеет подробностей биографии, «человек без свойств» не имеет свойств, и описать его свойства нельзя. Они величественны, просты, истовы и терпеливы, они упорны и работоспособны, но внутри у них ничего нет, а тот трезвон форм, которыми они наполнены, есть лишь столкновения первичных элементов: квадрата, призмы, шара. Это до-культурные люди – и они строят «мировой расцвет», как определяли своё кредо сам мастера.

Филонову принадлежит интересная мистерия (написанная в том жанре, в каком работал ранний Маяковский, см. трагедию «Владимир Маяковский») – это своего рода средневековая гротескная мистерия которая называется «Пропевень о проросли мировой». В этой пьесе (мистерия написана как пьеса, с действующими лицами и прямой речью) существует множество героев –

Молодой охотник, Запевало, Раненый солдат, Насильник и т.п., но это даже не маски, даже не типы, даже не куклы. Их речь слипается в средневековый сказочный заговор, а они все – в одно большое, гротескное народное тело, сбивчиво говорящее что-то важное, нутряное, но совершенно бессвязное.

Это огромное народное тело, заполненное массой плохо различимых между собой элементов, и стало результатом истовой аналитической работы – по созданию первичного, не замутнённого культурой образа. Большая анонимная истовая форма заполнена малыми, неразличимыми и неиндивидуальными – что это? Образ новой истории? Толпы? Пролетариата? Таково будущее мира – тот самый, долгожданный мировой расцвет? У Владимира Маяковского (крайне высоко ценившего творчество Филонова) есть замечательная поэма «150 000 000», в которой изображён могучий богатырь Иван, состоящий из ста пятидесяти миллионов людей, однако наивно было бы надеяться, что кто-либо из этих ста пятидесяти миллионов получит право на отдельный голос.

Вышесказанное ни в коем случае не должно умалить значение мастера Филонова. Это великий мастер – равный зодчим Средневековья, но совсем другой: он не верил в Бога. Художники пролетарской революции были именно средневековыми мастерами, творившими образы вне образцов и забыв об античных канонах, – они, как и мастера Средневековья, ободравшие мрамор с античных храмов, начинали с нуля. И данный строитель грубого елового антирелигиозного собора закладывал основы будущей жизни. Он, как всякий средневековый мастер, полагал, что должен сгореть, чтобы обогреть будущее. Из его упорной, аналитической (как он сам считал), изнурительной работы однажды выйдет конструкция общего характера. Он сам называл свои работы формулами – «Формула пролетариата», «Формула весны», «Формула космоса». С помощью этих формул (в которых нет ни числителей, ни знаменателей, ни информации) однажды возведут светлое здание будущего – он не сомневался. И созданные им грубые лесовики будут танцевать танец жизни – у Филонова есть даже такая картина: нагие мужчина и женщина танцуют на фоне города, заведённые безликие куклы, автоматы без свойств. Этот танец автоматов должен изображать радость бытия, но более всего картина напоминает классический средневековый сюжет «пляски смерти». В этом вина художника и тем паче умысла нет – новые средневековые мастера собирались честно строить собор; предельно ответственно освободились от культурных клише. Но у «сокровенного человека» может получиться только котлован. Соборы строят те, кто живёт в культуре. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*Из которой становится ясно, зачем
Дина Верни выставляет на мороз
бедного Шемякина **с.90***

.....
*а жена Довлатова пытается
превратить его в мальчика
для битья **с.98***

Роковая женщина на троих

Не знаю насчёт других эпох, но что femme fatale нашего поколения, то есть шестидесятников, была Ася Пекуровская, первая жена Сергея Довлатова, – это безоговорочно

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Роковых женщин, как известно, интересует не семья. А что же? Это легко показать на примере семьи роковой женщины и Сергея Довлатова. Такие глупости, как, например, тихое семейное счастье, совершенно не интересовали их. Только слава! Была ли Ася роковой женщиной? Безусловно была. И непременно должна была, хотя бы на время, соединить свою жизнь с гением – кто же ещё может «впясть» в янтарь вечности? Но чтобы представить себе великолепную Асю ласковой, нежной, связанной с кем-то любовной аурой и не видящей никого по сторонам? При всём уважении к Асе – никак не могу. Нечто подобное я замечал у выдающихся политиков, например, у Собчака – великолепное владение аудиторией и полная растерянность с человеком вблизи: как-то не наводится фокус, не налаживается контакт. Ася-то как раз общаться могла, но лучше – на людях. Познакомившись с Асей в полутёмных пучинах модного тогда кафе «Север» с верным её «пажом», модным адвокатом Фимой Койсманом за спиной, я сразу был поражён её южной красотой, нежной матовостью кожи, сиянием огромных, умных, весёлых глаз, роскошными её формами под красным дорогим платьем. Но главное, что восхитило меня, – умная, насмешливая, дружеская, сразу как-то сближающая речь. Впрочем, – я тогда тоже был неплох и уже маячил в литературных неофициальных кругах – перед кем попало Ася своё обаяние не расточала. Довлатова рядом с ней не было (не помню – или «ещё», или «уже»), и мы стали с ней пересекаться, болтать, состязаясь в остроумии, в самых знаменитых тогда местах – в «Восточном», в «Европейской», в «Астории».

► Основные участники драмы: Довлатов, Пекуровская и лицо второстепенное – Бродский

Несколько раз компания вокруг нас вдруг рассеивалась, и я её провожал до родительского дома – на Четвёртой, кажется, Советской... И ни разу рядом с этой роскошной и знаменитой женщиной не возникло у меня желания как-то приласкаться, прильнуть (хотя вообще-то такие наклонности у меня были)... или даже что-то такое нежное сказать. Понимал – сразу напорешься на насмешку. Полутёмная лестница, где свидетели лишь коты и кошки, – это «был не её формат», как говорят нынче. И дружески простившись с ней, я бежал, помнится, к одной знакомой портнихе, с которой, надо признаться, никогда не бывал в обществе, но она замечательно годилась в темноте... а вот «засветиться» на весь свет – тут годилась лишь Ася. И надо сказать, тут она была бесподобна, она любила то, что любила, и входила в игру с огоньком, умом и азартом, зажигалась весельем.

Помню, как мы с ней, веселя и оценивая исключительно друг друга, шатались по тогдашнему «Пассажу», придя в восторг от придуманной нами нелепой фразы: «Скажите, пожалуйста, у вас есть шарфы хорошего качества?» – и, опережая друг друга и даже азартно оттирая другого плечом, спешили озадачить продавца. «Скажете...», «Слушаю...», «У вас есть шарфы хорошего качества?» – опередив другого, спрашивал кто-нибудь из нас, и не дождавшись ответа продавца, мы, счастливые, как проказливые дети, мчались в другой отдел. Нет, в том, что ей нравилось, Ася не была скупа и расчётлива, талант, ум и веселье били ключом! Но постепенно стала выстраиваться главная её задача: выстроить всех! И тут уже вольности и промашки были недопустимы.

Послушаем Асю...

«Будучи человеком застенчивым с оттенком заносчивости, к концу третьего семестра в Ленин-

градском университете, то есть к декабрю 1959 года, я не завела ни одного знакомства, исключая, пожалуй, некий визуальный образ гиганта, идущего вверх по лестнице вестибюля университета... Вероятно, картина так засела в моём воображении, что, когда я услышала вопрос, адресованный явно мне: «Девушка, вам не нужен фокстерьер чистых кровей?» – и увидела Серёжину участливое лицо, я охотно и поспешно откликнулась: «Фокстерьер у меня уже есть, а вот в трёх рублях сильно нуждаюсь».

Так и вижу их сейчас, какими они были тогда: красивыми, умными, азартными, самоуверенными, с неясными ещё мечтами о непременно яркой судьбе. И у них – сбилось. Но – у каждого по отдельности. Начался их поединок – на всю жизнь. И вы, наверное, сразу почувствовали, что фокстерьер и три рубля тут абсолютно ни при чём, главное – выигрышная поза и блестяще построенная фраза. Это «фехтование» и было их основным занятием, упражнением в совершенстве, доказательством своих превосходств другому. Но хорошая ли это основа для женитьбы?

В интереснейшей книге «Когда случилось петь С.Д. и мне» Ася обвиняет Сергея в корыстном использовании людей и происшествий, и её доказательства достаточно убедительны. История их брака мучительна, противоестественна. Каждый стремился тут к победе, самоутверждению – и, значит, к поражению и унижению другого. Более неподходящих для семейного испытания людей, чем Ася с Серёжей, трудно было найти, но что этап этот был важен и даже необходим, причём для каждого, – несомненно. Притом два таких ярких лидера, как Сергей и Ася, уступить другому лидерство не соглашались никак. Ася была уже избалована поклонением ленинградского бомонда, а Довлатова явно не устраивала роль пажа. Он был измучен комплексами и тщеславием (как показала жизнь, вполне обоснованным), и терпеть Асино высокомерие и постоянное унижение не хотел, и всё, что мог делать в таком положении, – пытался унижить Асю.

В изощрённой борьбе друг против друга виртуознее всего они пользовались тем, чем сильнее всего были одарены, – талантом сочинительства, язвительно сочиняя историю их отношений – так, как каждому из них было интересней. И получается убедительно у каждого из них! Как бы незаинтересованность и даже случайность их союза с Довлатовым Ася, конечно, придумала. Свои действия и их последствия она прекрасно контролировала. Просто тогда не было на факультете человека, который был бы уже так любим всеми и знаменит, как Довлатов. Так что случайный их союз был отнюдь не случайным. Теперь, по плану Аси, было бы хорошо, чтобы вокруг «собралось лучшее общество».

«Как истый кавказец и жрец анклава... Серёжа любил кормить гостей с избытком и, по обычаю российского хлебосольства, умел делиться последним куском. Раздел пицци происходил в Серёжиной хореографии и при негласном (?! – Прим. авт.) участии Норы Сергеевны. Её стараниями на плите коммунальной кухни вырастала порция солянки на сковородке, которая могла бы составить дневной рацион небольшого стрелкового подразделения, хотя и поедалась без остатка всего лишь узким кругом... чаще всего не превышающим четырёх едоков. Круг Серёжиных друзей стал пополняться «генералами от литературы» и продолжателями чеховской традиции: «Хорошо после обеда выпить рюмку водки и сразу другую». Так на арену вышли Андрюша Арьев, Слава Веселов, Валера Грубин».

Уже из этого маленького отрывка, взятого из книги Аси, видно, как она грациозно перетягивает центр событий к себе – мол, только тогда, когда она появилась в доме Довлатова и стала «хозяйкой салона», «круг Серёжиных друзей стал пополняться генералами от литературы». Меньше чем на «генералов» Ася не соглашалась. Думаю, что свою гвардию Довлатов всё же собрал сам, и несколько раньше. Другое дело, что никто из них отнюдь не отказывался общаться с очаровательной Асей, с весёлым, добродушным взором, трогательно стриженной под мальчишка... Вела она себя действительно очень просто, весело, симпатично, остроумно шутила, талантливо каламбурила.

Сам Бродский, по его воспоминаниям, сыграл роль в их сближении. По Бродскому, сближение наших счастливчиков происходило так:

«Мы познакомились в квартире на пятом этаже около Финляндского вокзала. Хозяин был студентом филологического факультета ЛГУ (это впоследствии мой лучший друг Игорь Смирнов. – Прим. авт.). Ныне он профессор того же факультета в маленьком городке в Германии. Квартира была небольшая, но алкоголя в ней было много. Это была зима то ли 1959-го, то ли 1960 года, и мы осаждали тогда одну и ту же коротко стриженную, миловидную крепость, расположенную где-то на Песках. По причинам слишком диковинным, чтоб их тут перечислять, осаду эту мне пришлось вскоре снять и уехать в Среднюю Азию. Вернувшись два месяца спустя, я обнаружил, что крепость пала».

Ну просто залобуешься мемуарами великих! Как бы вскозь Иосиф сообщает, что, не случись okazji и не уедь он в Среднюю Азию, крепость, безусловно, была бы его. А так... ладно уж! Но и Ася хороша! Кроме бесценных сведений, полученных из её мемуаров, впечатляет, конечно, Асин тон, который говорит о ней гораздо больше, чем даже факты... Тон несколько высокомерный и как бы лишь «для посвящённых», равных по рангу. Это кто? Даже на компанию вокруг Довлатова она

«Я НАЗВАЛ
СВОЁ ИМЯ. ОНА
СКАЗАЛА: «ТАСЯ».
И ТОТЧАС
ВЫСТРЕЛИЛА
ЗНАМЕНИТАЯ
ПУШКА...»

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. «ФИЛИАЛ»

смотрит снисходительно: первой, на голову выше прочих, должна быть она. Ася сообщает, например, о публичном провале Бродского, который случился, конечно, из-за ревности Довлатова:

«Соотнесясь с той же памятью (?! – Прим. авт.), могу продолжить, что Серёжа впервые встретился с Осей в собственном доме на Рубинштейна, куда Ося был приглашён на своё первое и, как мне кажется, е д и н с т в е н н о е в Серёжином (читай – нашем) доме авторское чтение стихов. Их встреча закончилась обоюдной неприязнью, хотя у каждого были на то особые причины. Ося, тогда немного в меня влюблённый, усмотрел в Серёже недостойного соперника, особенно после того, как опознал в нём типа, ранее примеченного в моём обществе в состоянии, как он тогда выразился, «склещённости». Серёжа же занял снобистскую позицию, разделённую всеми другими участниками этого вечера, включая меня, согласно которой Осе было отказано в поэтическом даровании.

Дело было так... Когда Ося, встав у рояля, готовился озвучить комнату (?! – Прим. авт.) раскатами будущего громовержца, аудитория уже направляла осторожные взоры в том запретном направлении, где возвышался ореховый контур. Когда пространство комнаты оказалось до удушья заполненным переносными рифмами, извергаемыми самим создателем, аудитория, оставив ему будущие лавры нобелевского лауреата, сплотилась вокруг стола, приоблизвшись к орехам сначала робко, а затем со всё возрастающей сноровкой. Закончив «Шествие», только что написанное им вдогонку Цветаевскому «Крысолову», и не взглянув на угощение, от которого к тому моменту осталась жалкое подобие (?! – Прим. авт.), Ося направился к двери, предварительно сделав заявление представшей перед ним книжной полке: «Прошу всех запомнить, что сегодня вы освистали гения!» Не исключено, что, если бы это первое знакомство не началось так бесславно для освистанного Иосифа и так неосмотрительно для освиставшего

Иосифа Серёжи, их версии первого знакомства могли бы совпасть, разумеется, если исключить такую возможность, что их обоих могла подвести память».

Высокомерие Аси изумляет. Мол, да, мелковатый вокруг собрался народец! Лучший поэт нашего поколения и, пожалуй, лучший прозаик... Но сказать о них интересного абсолютно нечего – разве что только вспомнить историю их столкновения из-за неё. Известно, что отношения Бродского и Довлатова были весьма уважительны и плодотворны. Но, по версии Аси, главное в их отношениях – борьба за неё.

Трудно, конечно, построить здоровую семью с таким характером, как у Аси. Впрочем, любовь, говорят, бывает зла. Единственное, что можно точно сказать, – что Довлатов, всю жизнь стремившийся к ясности и чистоте стиля, не мог бы долго терпеть рядом с собой женщину, пишущую так топорно-витиевато!

«С едой и вокруг неё был связан разговор, который тёк то в ключе футуристическом... то на фасон Хармса... то к Кафке и Прусту, которых то возносили на Олимп, то сбрасывали с Олимпа, при этом следуя главным образом колебаниям маятника Фуко или просто измерителей степени алкогольного погружения...»

Вспоминая Довлатова той поры, Ася демонстрирует немалую пронизательность: отмечает хищные склонности Довлатова, его умение завербовать в свои сторонники даже классиков (Достоевский – местами очень смешной писатель... то есть, читай – почти как Довлатов!), его умение повернуть любую историю выигрышной для него стороной, через некоторое время пересказать чужую историю как свою, с мгновенной ловкостью «напёрсточника» переместить «шарик», то есть самое ценное слово, эпизод или даже сам смысл рассказа, в нужную плоскость. При всей негативности её оценок нужно сказать, что это, пожалуй, одно из самых первых и точных наблюдений постоянной, тайной и скрупулезной довлатовской работы. В книге своей Ася живописует возмутительные истории, с помощью которых Довлатов пытался «соорудить сюжет», «выбить» из своей «прекрасной дамы» хотя бы каплю обычных человеческих чувств – сочувствия, сострадания, не говоря уже о любви! Ася рассказывает, как её заманили в пригород, где лежал якобы избитый Сергей, но бинты его оказались декорацией, а синяки – гримом.

История эта, если она хотя бы отчасти подлинная, рисует Довлатова весьма неказисто. Но при его темпераменте, амбициях и комплексах историю эту можно объяснить как отчаянную попытку внести что-то человеческое в их отношения. Действительно, вытащить из Аси доброе, а уж тем более сочувственное слово было невозможно никакими клещами. Ася придерживалась

другой стилистики. Вот целый ворох блистательных насмешек – пожалуйста, но человеческого слова... никогда! Довлатов, конечно, тоже поэкспериментировал с ней, отработывая свои сюжеты, исследуя реакции на различные стрессы и непредвиденные ситуации. Ася тоже была не железная, хотя старалась такой казаться, и жаловалась своей университетской подруге на то, что Довлатов ведёт себя непредсказуемо, а порой возмутительно, например, вдруг оставляет её со своими весьма сомнительными собутыльниками где-то в мутаракани, а сам исчезает... или вдруг приходит на ночь глядя с красоткой, вроде бы иностранной переводчицей, и они чуть ли не собираются лечь спать. Может быть, такой «встряской» он пытался-таки выбить из Аси обычную женскую реакцию и, может быть, даже светлую женскую слезу? Не на такую напал!

Глянем хотя бы, как выпрэнно она назвала одну из глав своих мемуаров: «Апокалиптическое пустынножителство»! Да, это была «школа словесности». Но – не семья. Кстати, именно в этой главе со столь трудным названием Ася как раз рассказывает о ни с чем не сравнимой попытке создать семью... Хотя, конечно, и здесь Ася не столько делится переживаниями (хотя, наверно, были они?), сколько демонстрирует совершенства своего стиля – и облика. Но что брак этот был насквозь литературный, сочинённый, искусственный – в этом я, хорошо зная обоих супругов, абсолютно уверен. И в том и в другом начисто отсутствовали качества, необходимые для обычной семейной жизни. Ни разу у них не мелькнуло желания обзавестись детьми или хотя бы каким-то хозяйством. Была ли страсть? Тоже почему-то сомневаюсь. Сама Ася это высмеивает. Любовная страсть – это банально!

«Серёжа сделал две попытки на мне жениться...»

Дальше, увы, идут две страницы изысканных словесных упражнений с лёгкими стилистическими погрешностями, которые, увы, придётся выпустить (как упражнения, так и погрешности). Вот суть. История их запоздалой (когда и смысла-то уже не было) женитьбы излагается Асей в крайне невыигрышной для Довлатова версии... но более или менее выигрышной для неё, хотя тоже не слишком. Характерная их особенность – и Серёжи, и Аси – ради красного словца не жалеть не только близких, но даже и себя. Ася согласна была даже себя выставить в невыигрышном свете, лишь бы ещё глубже утопить соперника в интеллектуальном поединке. Ася рассказывает о серии каких-то таинственных свиданий с друзьями Довлатова, которые требовали от неё выйти за Сергея замуж, угрожая его самоубийством или даже уходом в армию.

Довлатов тоже был не железный и, может, надеялся хоть после женитьбы зажить чуть по-

«ТАСЯ СПРАШИВАЕТ: ЭТО ТВОЯ ЖЕНА? ИЗВИНИСЬ ПЕРЕД НЕЙ. ОНА МНЕ ПРАВИТСЯ. ТАКАЯ НЕПРИМЕТНАЯ...»

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. «ФИЛИАЛ»

человечески, с нормальными отношениями. Может быть, он в отчаянии думал, что Ася держится так независимо и дерзко лишь потому, что не оформлен их брак? Или это для изошрённого Довлатова слишком просто и он проводил очередной сюжетный эксперимент?

Совсем уже невероятным (но такой накал в их отношениях мог быть) выглядит история с винтовкой, когда Довлатов закрыл Асю в комнате и произнёс, видимо, заготовленную отточенную фразу: «Самоубийства от тебя не дождёшься, но в эпизоде убийства ты незаменима», – и выстрелил, правда мимо. Ася скрупулёзно, мастерски и как бы абсолютно профессионально-хладнокровно прослеживает расчётливое и циничное использование всех этих «безумств» Довлатова в дальнейшей его работе над «Филиалом» и даже «Зоной». Мысль её прихотливо-изысканна, но понятна: всё главное и ценное, что сделал Довлатов, зарождалось при ней, при её участии и даже под её «художественным руководством». Далее Ася рассказывает (всё-таки её витиеватый стиль лучше пересказывать простым языком), как Довлатов, мучаясь унижением и комплексами, привлекает своих друзей Абелева и Смирнова, дабы уговорить её выйти наконец замуж за него, поскольку он уходит из университета в войска НКВД, чтобы быть там «убитым чеченской пулей».

«На нашей свадьбе, – пишет Ася, – сыгранной в ключе патриархально-поминальном и состоявшейся в марте 1962 года, присутствовало несколько кем-то (! – Прим. авт.) оповещённых гостей. В ритуал свадьбы был включён променад по Невскому... При встрече с первым же вступившим с ним в контакт знакомым Серёжа театрально вскинул руки в направлении моей персоны и, улыбаясь своей чарующей улыбкой, произнёс заготовленный для этого случая афоризм: «Знакомьтесь, моя первая жена Ася».

Да, на брак по любви это мало похоже. Описывая этот жалкий довлатовский реванш, достигну-

тый к тому же столь унижительным образом, Ася, без сомнения, торжествует. Да, конец действительно нелепый: эта бессмысленная свадьба после уже полного разрыва! Но свидетельства Аси мы игнорировать не можем... Несомненно, именно с ней Довлатов прошёл очень важную подготовку, «отделку», закалку, штурмуя не столько «милонидную крепость», расположенную где-то на Песках», сколько скалистые утёсы самоутверждения, мужской состоятельности, успеха в обществе.

«Я был женат дважды, и оба раза счастливо», – говорил юный трагик Довлатов юному трагику Горбовскому, в упоении ч е л о в е к а (странный, но не исключительный лясус изысканной стилистики. – Прим. авт.), готового заплатить жизнью за удачный афоризм!»

Вот последняя часть фразы действительно замечательно точна! Довлатов действительно заплатил жизнью – правда, не за один афоризм, а за всю свою гениальную литературу. А пока у нас на дворе свадьба, свадьба, на обычный взгляд весьма странная, свадьба не только «по-довлатовски», но и «по-пекуровски». А у меня перед глазами такая картина. Я ехал на троллейбусе, просвеченном вечерним тёплым солнцем, по Суворовскому проспекту и вдруг увидел их прекрасную пару. Они шли царственно и не спеша, не дёргаясь и не озираясь и не сомневаясь, что транспорт просто обязан восхищённо перед ними застыть, – и он действительно тормозил, вот только не знаю, восхищённо ли. Довлатов, красивый, огромный, но слегка нахохленный, выражал явное недовольство всем: что за жалкую реальность тут ему предъявляют? Притом сам был в домашних шлёпанцах, что только ещё усиливало ощущение его барственной небрежности. Ася шла чуть сзади его и сияла. Впрочем, она сияла почти всегда, что не мешало ей довольно часто с лучезарной улыбкой произносить фразы самые убийственные. «Да! Сильная пара! – подумал я. – Умеют себя подать! Но двигаются по жизни как-то отдельно». Что и подтвердилось. Назвать любовь Довлатова к Асе Пекуровской несчастной можно, но уж неудачной – никак нельзя. Ася уже тогда была «светской львицей», и оказаться ней рядом – значило с ходу попасть в бомонд. И как бы после этого ни относились к Серёге, уже сказать «не знаю такого» никто не мог. И при всех их мучениях то, как они друг на друга, больше на них никто так не повлиял.

«...Хотя тогда всё самое трудное было ещё впереди. Безделье. Повестка из военкомата. За три месяца до этого я покинул университет. В дальнейшем я говорил о причинах ухода туманно. Загадочно касался неких политических мотивов. И я попал в конвойную охрану. Очевидно, мне суждено было побывать в аду».

И он туда попал. А что Ася? Вспоминаю такой эпизод. В тот вечер я забежал в «Европейскую»

на минутку – я ждал дома гостей и хотел купить несколько банок знаменитого тогда ярко-оранжевого сока манго, который был только в «Европейской». Но какие проблемы? Заскочить туда для нас было так же просто, как в магазин. Я решил даже не заходить в большой ресторан на втором этаже – можно всё скорее сделать в небольшом, уютном, более «домашнем» ресторане «Крыша» на пятом. Поднявшись на лифте в невысокий зал ресторана под стеклянными сводами, я подозвал знакомого официанта, договорился и присел пока за крайний круглый стол, накрытый накрахмаленной скатертью. Рассеянно оглядел зал – знакомых никого поблизости не увидел. И слава богу, загуливать я в тот день не планировал, стремился к дому встречать гостей. И вдруг приятный знакомый женский голос окликнул меня от дальней стенки: «Валерий!» Кому я понадобился? Сколько благих намерений загубила «Крыша»! Сколько раз заходил сюда скромно поужинать, без вина, а заканчивалось... Я подошёл. За столиком в дальнем углу сияла Ася. С ней был Василий Аксёнов – пара эта была уже не раз зафиксирована в светских хрониках. Аксёнов поздоровался вежливо, но несколько скованно. То ли ему было всё же как-то неловко светиться с женой опального писателя (сосланного подобно Лермонтову и Пушкину), то ли блистательная Ася уже несколько его утомила своим блистанием, и он, казалось мне, охотно бы сейчас ушёл и вздремнул, вместо того чтобы опять демонстрировать себя ради тщеславной Аси перед очередным её питерским знакомым. Я тоже слегка зажурился. Зря подошёл. Не то чтобы я не любил Аксёнова... Я его обожал, как многие-многие тогда! Замечательные его сочинения, мудрые и весёлые, да и он сам, небрежно-элегантный, обаятельный! Трудно было смотреть не щурясь, сердце выпрыгивало из груди, невозможно было вести с ним обыденную беседу – вместо того чтобы выпалить, как ты любишь его! Душа трепетала. Помню, даже в Коктебеле, где мы познакомились, я с томительным чувством избегал вечером набережной, где все прогуливались, чтобы лишний раз не встретиться с ним и не разволноваться. И вот встреча лицом к лицу! Волновался не только я – волновался, как мне почему-то показалось, и Аксёнов. Лишь Ася была невозмутимо-прекрасна. Она уже продемонстрировала свою роль в истории литературы. И продолжала в этой роли блистать. Теперь, наверное, что-то должен продемонстрировать я, её питерский друг и, очевидно, поклонник, – и тогда этот эпизод светской хроники будет безукоризненным... хоть завтра в мемуар! Не могу сказать, что я был в Асю влюблён, но и не скажу, что меня так уж обрадовало её времяпрепровождение с более блистательным партнёром, который к тому же и меня сводил с ума, и значительно в большей степени, чем Ася.

– Как там... Серёжа? – вдруг брякнул я. Ася вдруг смутилась, что для неё было крайне несвойственно.

– Пишет. Утверждает – «Я ифе фкафу фое фофо в ифкуфе!» («Я ещё скажу своё слово в искусстве!»), – дурашливо шепелявя, проговорила она, за дурашливостью пряча столь нехарактерное для неё смущение... то ли неловкостью ситуации, то ли неловкостью за своего мужа-увальня, не достигшего тех высот, на которых она сейчас блистала.

– Садитесь! – пышноусый и великодушный Аксёнов подвинул стул.

– Нет, спасибо! Спешу! У меня гости.

– Кто? – дружелюбно поинтересовалась Ася.

– Москвичи! Арканов и Горин. У них премьера в Театре комедии. Обещали зайти.

– Тогда мы тоже пойдём к вам! – радостно сообщила Ася, правильно сообразив, что перемена декораций уместна и московского гостя может взбодрить: уж перед знаменитыми коллегами-москвичами Вася блеснёт!

Конечно, вечер получился блистательный, и я тоже считаю его одним из самых ярких в своей жизни. А что же Ася? Да как всегда! Ей важен не человек, а статус. Серёга её «обмишулился». Сошёл с пробега, а значит, на «святом месте» рядом с ней появляется блистательный Аксёнов – ореол славы и всеобщей любви сопровождал его всюду. И кто лучше всего подходит ему, когда он в Питере? Да конечно же Ася – ничего другого столь блистательного в нашем городе нет. И вот они у всех на виду, в самом посещаемом ресторане. А как же ещё? При этом, надо отметить, никаких признаков настоящей между ними любви (например, постоянных и как бы случайных прикосновений, свойственных настоящим влюблённым) не наблюдалось. Потом мы ехали в такси по тёмной улице Белинского, и великолепный Василий Павлович, пытаюсь тактично поставить себя на один уровень с нами, грешными, благодушно ворчал, что снова болит нога, как бы отрезать её не пришлось, и пытался поудобнее расположить её в тесном и тёмном салоне машины.

– Вы и без ноги будете великолепны! – произнесла блистательная и безжалостная Ася.

Потом мы поднялись в мою квартиру (а вернее, комнату) на Сапёрном, вскоре пришли весёлые Арканов и Горин, с успехом, цветами и очаровательной исполнительницей главной роли в их спектакле «Свадьба на всю Европу», и вечер заиграл!

– ...В Америку меня сопровождал полковник, – своим сипловатым тенорком говорил Аксёнов. – Главное – всё старался мне показать, что эта роскошь для него дело привычное! «Я этих висок... каких только не пил!»

Все смеялись и были счастливы. Вечер удался! Да ещё бы ему не удался – в такой компании! А где был Серёга?

Он появился с опозданием, как казалось нам. Весёлые шестидесятники уже определились, издали по книге... А он, бедолага, где?

Помню внезапный, как всегда невпопад, дозвонившийся звонок. Довлатов, особенно когда выпивал, переходил на суперинтеллигентный, изысканный язык.

– Нахожусь на Невском проспекте... Фланирую как раз по той стороне, куда прежде не допускались нижние чины... Хотелось бы поговорить.

Приближаясь, вижу его не одного, а в обычной для него, уже пыльной и измученной компании высокоэрудированных пьяниц. Потом эти люди станут в его рассказах очаровательно-абсурдны. Но пока что веселье явно не бьёт ключом.

Отделившись, мы идём с ним от Невского вдвоём и, видимо, «для серьёзного разговора» оказываемся на улице Жуковского, в квартире Аси, на первом, кажется, этаже. Это уже точно семидесятые годы, потому как помню в манежике посреди комнаты ребёнка, который уже стоит, глядет, держась руками за бортик. Маша, дочь Довлатова и Аси, родилась в 1970 году – значит, это уже, наверно, 1971-й? Для историка, пытающегося выстроить стройную биографию Довлатова, появление у него дочери от Аси в 70-м году как-то озадачивает. Вроде бы всё давно уже позади? Но для писателя ничего «не позади», он никогда не отказывается ни от какой жизни (любая важна!), у него всё «здесь и сейчас», всё одновременно. Вот сейчас здесь. Судьба у этой девочки будет потрясающая, но тогда, в той бедной комнате почти в полуподвале, могло ли такое пригреться?

Довлатов неприветлив и хмур. Мне помнится, что мы даже не снимали пальто – Довлатов демонстративно, я за компанию. Считается, что в своё отцовство Довлатов не верил, ссылаясь на «недостаток энтузиазма» в этом вопросе. Однако вот – пришёл и сидит. А девочка стоит в манежике и смотрит. А теперь мы смотрим на фото голливудской красавицы и богачки между портретами её родителей. Всё сработало! Таковы уж, говоря нынешним языком, жестокие законы шоу-бизнеса. Кто у нас тут поблизости красавец и знаменитость? Значит, он и отец. И Довлатов, вполне это понимая, смирился. «Тем более, – как поётся в песне, – что так оно и было». Но «энтузиазма» по-прежнему не проявлял. Известно, что Довлатов даже не встретил Асю с Машей из роддома, а Ася, говорят, на него и не рассчитывала. Однако вот пришёл и сидит! И я с ним зачем-то. Ася куркится, болеет, кашляет, горло замотано, но мы почему-то долго, тяжело сидим на кухне – при этом молча. Надо им выяснить их запутанные дела, так выясняйте! Я-то при чём? Раздаётся звонок. Приходит врач, раздевается в прихожей, вскользь глянув на нас, сидящих на кухне, проходит в комнату, о чём-то разговаривает с Асей. Уходит. Возвращается Ася, и в болезни сохраняющая главное своё качество – иронию. Придерживая ладонью простуженное горло, смеётся: «Знаете, что врач сказал? Сочувствую вам – у меня соседи такие же скобари!» Сергей мрачно усмехается. Как всегда, идёт тяжёлое собирание фраз, которые потом, может быть, пригодятся.

Ася провожает нас без малейшего сожаления. Потом мы ещё бродим по Невскому. Похоже, что Довлатову уже и некуда больше пойти. Или не хочется? Везде тяжело. Кажется, что всё кончено. Знать бы тогда, что главная слава, и у него, да и Аси тоже, ещё впереди.

В 1973 году Ася с трёхлетней Машей улетают в Америку – не связывая с Довлатовым никаких

«28 ЛЕТ НАЗАД МЕНЯ ПОЗНАКО- МИЛИ С ЭТОЙ УЖАСНОЙ ЖЕНЩИНОЙ. Я ПОЛЮБИЛ ЕЁ»

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. «ФИЛИАЛ»

планов. В Риме у Аси украли кошелек с деньгами и документами, и она с дочерью на руках, сама в эти дни не очень здоровая, ходила по римской жарче: куда податься? Дочь узнает о том, кто её отец, только после смерти Довлатова.

Они больше не виделись, хотя жили в одной стране. Но продолжали борьбу. Довлатов мстительно изобразил Асю в блистательном «Филиале» – так похоже, как никакую другую из своих спутниц, точно и саркастично, как авантюристку, умело «окучившую» международную конференцию, где участвуют самые знаменитые эмигранты, и появляющиеся то с одним, то с другим экзотическим поклонником. Ася могла бы и смириться – портрет-то довольно симпатичный, но она не уступит никогда, и имидж для неё важнее каких-то давних нежных чувств, которых, кстати, никогда и не было. И она пишет – зыбительно, но не совсем убедительно, что «Филиал», как и всё у Довлатова, не имеет ничего общего с литературой и правдой и сочинён на самом деле... ещё в СССР, когда Довлатов и понятия не имел ни о какой загранице!

Сейчас уже люблюсь обоими: достойные друг друга «богатыри». Общие знакомые говорят, что у Аси наконец сложилась счастливая семья, кажется, с богатым и добродушным немцем, живущим в Америке. Приписывают ей также роман с блистательным филологом с красивой фамилией, выходящем из России. Но это всё уже «не в зачёт». А что же «в зачёт?»

Конечно, главное в её жизни, что три самых великих и любимых гения нашей литературы – Довлатов, Бродский, Аксёнов – были у её ног. Ну, во всяком случае, шагали с ней в ногу. Что сказать в итоге? Как её оценить? Да положительно – как же ещё? Каждому поколению нужна роковая женщина, тот «провод под током», который соединит всех «звёзд» и заставит их сиять ещё ярче. И когда говорят, что писатели следующих эпох не сложились в созвездие, я думаю, дело в том, что у них не было своей Аси. ☉

— ❖ СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ ❖ —

Прекрасные МОНСТРЫ

*Художник Шемякин – о людях,
разлюбить которых уже не в силах*

Я часто в своей жизни слышал выражение: за каждым великим мужчиной стоит великая женщина. Обычно имеют в виду музу. Как тривиально! Это всё разговоры для книг и кино, не более того. Да, мы все влюбляемся, но к работе это какое имеет отношение? Уж скорее муза для меня засушенная груша, которая вдохновляет на то, чтобы я месяц её писал, как Сезанн – свои яблоки. А женщина, которая действительно стоит за великим мужчиной, – это его секретарь...

Другое дело – кого мы выбираем на роль любимой женщины? Для меня любимая женщина – прежде всего друг, близкий человек, с которым ты можешь делиться самым сокровенным, человек, который понимает тебя, поддерживает в трудную минуту и который идёт с тобой по жизни. А идти по жизни с Шемякиным очень и очень трудно...

Ребекка

Первая моя супруга, мать моей дочери Доротеи, была очень мужественным человеком. Можно сказать, соратницей. Художница, скульптор. В прошлом жена замечательного художника, с которым я дружил, – Рихарда Васми. В пору нашего знакомства они уже развелись. Она оформляла витрины, забросив скульптуру, а я пахал такелажником в Эрмитаже с одной-единственной целью – иметь возможность копировать картины великих мастеров. Ребекка завораживала меня – в ней чувствовалась древняя порода, её французские предки родом из Канады, а женщины с такими корнями всегда интересны. Мы поженились в 1964 году. В том же году родилась наша дочь. Мы жили в коммунальной квартире на Загородном проспекте. Славное было время – чего мы только не творили, не устраивали в мастерской, которая была там же: безумные инсталляции, в которых участвовали и цилиндры, и мясные туши, и ещё бог знает что. А потом было понятно, что надо уезжать. Для отъезда за границу нам пришлось развестись. Оформили развод в 1970 году. Жене с дочкой помогла выехать во Францию Дина Верни, известная галерейщица, одна из богатейших женщин. Ей принадлежал весь Майоль. В юности она была его натурщицей, а после его смерти ей досталось всё его имущество, включая дома. Жена с дочерью почти год жили без меня в её замке, в Рамбуйе. А потом, когда я переехал в Париж, мы долгое время героически терпели все лишения, скитались по каким-то подвалам, где не было воды, туалета и кухни.

Были такие моменты, которые могли сломить кого угодно, только не Ребекку. Например, когда Верни выгнала нас на улицу в мороз. Другая могла бы зануть, сказать: «Зачем всё это?», но только не моя жена.

Почему мы расстались? А мы и не расставались. Просто когда Доротея заболела астмой, потребо-

валась перемена климата, и они уехали в Грецию. А я жил в Америке и ждал, когда они вернутся. И... просто для каждого из нас началась другая жизнь. Скорее так: обстоятельства развели.

Много позже, спустя годы, я перевёз Ребекку обратно во Францию, подарил старинный трёхэтажный дом, чтобы мы могли быть ближе и я мог ей помогать. Мы остались в прекрасных отношениях. Когда Ребекка уже была смертельно больна, мы приезжали с Сарой (вторая жена Шемякина. – Прим. авт.) и моей сестрой, устроили ей небольшой праздник в госпитале. Я заботился о ней всю жизнь...

Что есть любовь? В юности это романтика, вспышки ревности, желание обладать любимым человеком, и только потом, с годами, когда приходит мудрость, ты понимаешь, что любовь – прежде всего уважение, осознание, что перед тобой человек, который имеет душу, которого ты должен

«Я ЖЕНЩИН
ВСЕГДА ВЫБИ-
РАЛ ИСХОДЯ
ИЗ ИХ ВЫНОСЛИ-
ВОСТИ. ПЕРВАЯ
ЖЕНА БЫЛА
ТАКАЯ, И САРА...»

МИХАИЛ ШЕМЯКИН

любить и уважать как личность. Одна из важных составляющих любви – честь. От слова «честный». Любовь истинная должна быть честной. Это когда ты даёшь слово поступить определённым образом, сделать что-то ради человека или когда обещаешь довести дело до конца – и держишь слово...

Дина Верни

Она была очень невоспитанная. Сидя в ресторане, хлопала себя по ляжкам, материлась страшно. Она была родом из Одессы, так что её любовь к кабацкой песне вполне понятна. Подростком она приехала в Париж и вскоре стала любимой натурщицей Майоля. Ему было семьдесят три, ей – пятнадцать. После его смерти развернулся громкий процесс, на котором она у его семьи – жены и сына – отсудила всё: дом, картины, все права на его творчество. Хотя по французским законам дети и супруга получают всё, невзирая на наличие завещания, а любовница в таких ситуациях получает с гулькин нос. Но это был не её случай.

► Ребекка Модлен, первая жена, и дочь Доротея

С Верни я познакомился в России ещё до высылки. Однажды в моей коммунальной квартире раздался звонок, и дама на прекрасном русском языке сказала, что приехала из Парижа и хотела бы встретиться со мной, дескать, она видела мои гравюры. Я пригласил её в мастерскую, после чего она сказала, что сделает всё возможное, чтобы организовать мою выставку в Париже. Через дипломатов в дипломатических чемоданчиках она переправила мои работы во Францию. К тому времени Дина была известной галерейщицей, она

организовывала громкие выставки в крупнейших музеях мира и была единственным общепризнанным экспертом по Майолю. Кроме коллекции живописи у неё ещё была великолепная историческая коллекция экипажей, а её замок находился в самом дорогом районе Парижа. Ещё в Ленинграде она подарила мне старинный перстень XVIII века.

Да, у нас с ней вышла недолгая любовь. На момент знакомства ей было пятьдесят два года, но выглядела она прекрасно: невысокого роста, с хорошими формами, шикарные волосы ниже пояса, она умела очаровывать. Когда с помощью Верни я перебрался в Париж, всё начиналось как в сказке:

► «Чадом мы повязаны с Ребеккой навсегда»

великолепные условия для творчества, в качестве места для проживания – замок, а для художника большое пространство важно – для картин и хорошего освещения. Но вскоре я получил из её рук контракт на ближайшие десять лет, по которому я становился её рабом и обязан был рисовать только то, что «хорошо продавалось в её галерее». Как сейчас, помню её слова: «Дорогой мой, свою метафизику можешь забыть, будешь делать натюрморты, они очень хорошо идут в моей галерее. Благодаря мне ты покоришь весь мир». Какой

уважающий себя художник пойдёт на такое? Вот и я ответил: «Мадам, я уехал из СССР не для того, чтобы одну клетку поменять на другую, пусть даже золотую...» И я ушёл. Так как мои работы висели в её галерее, я попросил разрешения остаться на несколько дней в отеле, но через пару дней она выгнала меня с маленькой дочерью и женой на улицу. Положение было аховое: Доротея с температурой, жена в шоке, под мышкой у меня был кот, а на поводке – любимый пёс. Но даже в столь ужасающей ситуации я ни разу не допустил мысли, что могу пойти на поклон к Дине. Эта жестокая женщина меня обокрала, и не меня одного.

Очень интересный монстр – вот кем она осталась для меня.

Влади и Высоцкий

Володю и Марину я впервые увидел в старинном особняке Одиль Версуа, сестры Марины, где Высоцкий пел свои новые песни. Я сразу почувствовал, что между ними настоящая любовь. Тогда я ещё не знал, что этот человек станет моим другом на всю жизнь. Родство наших душ было налицо. Такое случается, но очень редко. Я любил то, что создавал он, а он любил то, что делал я. Некоторым моим вещам Высоцкий посвятил песни, например, моей серии фотографий «Чрево Парижа». Этот район французской столицы, воспетый Эмилем Золя, должны были снести. Я провёл там много ночей, запечатлевая на плёнку краткие моменты его повседневной жизни – к примеру, как могучие парни-мясники таскают бычьи

**«ЖЕНЩИНЫ
УМЕЮТ ЛЮБИТЬ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ,
НЕ НА СЛОВАХ.
И ОНИ МУ-
ЖЕСТВЕННЕЕ
МУЖЧИН»**

МИХАИЛ ШЕМЯКИН

туши. Приехав снова в Париж, Володя увидел эти снимки, и они стали для него мощным импульсом, он несколько часов зачитывал мне всё новые и новые строки. То же самое случалось со мной, когда я читал его поэзию. Благодаря знакомству с ним в моей графике появились новые мотивы, звучания, изменилась внутренняя темпоритмика, дыхание образов.

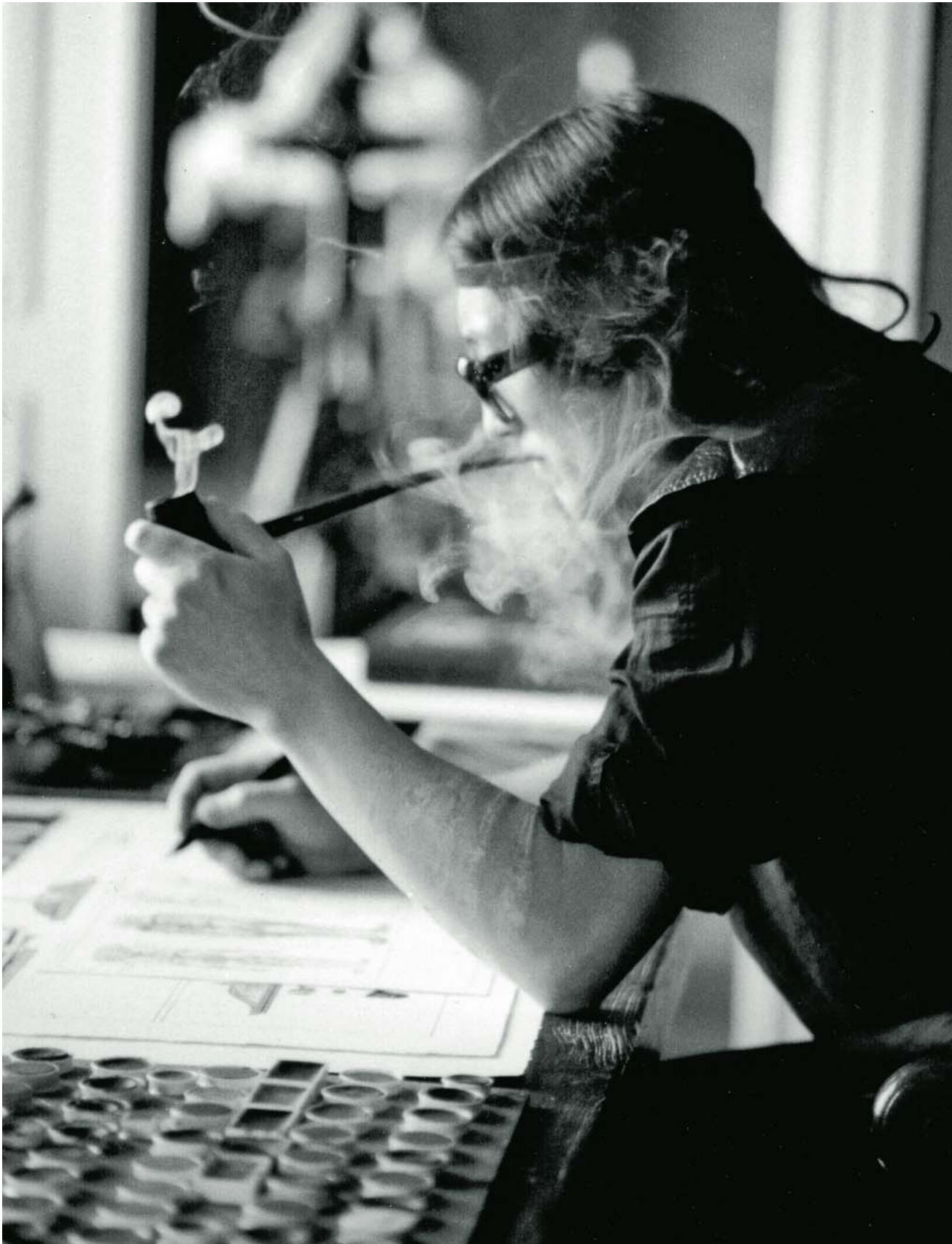
Нас многое объединяло – мы оба были борцами, готовыми на яростный протест, у каждого из нас были свои демоны, мы были едины в желании пробудить в людях чувство собственного достоинства, и мне и ему крепко досталось по жизни, и поэтому наш протест против любой косности был таким яростным. Мы протестовали чем и как могли – стихами, песнями, гитарой, пером, картинами, скульптурами. Иногда подключали алкоголь...

Есть история про то, как Володя написал самую знаменитую песню про нашу дружбу – «Французские бесы». Дело было так. Я пришёл к Володе,

Марине что-то не понравилось, и она нас выгнала. И вот едем мы в аэропорт – с вещами, Володя сильно навеселе, решили вернуться в Россию. В аэропорту, понятное дело, его не пропускают. Что делать? Сдали багаж, решили подождать, пока хмель выветрится, и зашли в русский кабац «Две гитары», который держал Жан Татлян. Там пел замечательный цыган, настоящий, прошу заметить, Володя Поляков. Они с Высоцким решили вместе спеть «На Большом Каретном», и на словах «Где твой чёрный пистолет?» я достал свой пистолет и с криком «Володя, вот он!» дважды пульнул в потолок. И кровинки не пролилось! Но, понятное дело, кто-то вызвал полицию. А разрешения на оружие у меня не было, так что мы спешно ретировались в другой, не менее известный русский ресторан – «Царевич». И по следам этой страшной гулянки появилась песня. Володя её прямо на ходу сочинял, пил и пел. Из-за этой же песни у него с Мариной произошла серьёзная размолвка, уже в Москве, когда они встретились, он спел ей «Французских бесов». Марина её выслушала от начала до конца, потом вдруг встала и с нехорошим таким лицом стала собирать чемодан. Володя спрашивает: «Что с тобой?» А она: «Я всё это время страдала, а обо мне в песне ни строчки». Ревнивая была жутко.

Было время, когда у нас с Мариной были натянутые отношения, она ревновала к нашей дружбе и считала, что в запоях Володи была и моя вина. В своей книге она писала обо мне много нелестного, моя первая жена Ребекка даже позвонила ей и сказала: «Марина, когда это ты таскала Мишу на руках пьяного? Это он всегда пас Володю, а ты пишешь о нём такие вещи в книге». Но я её по-человечески понимаю. Обычно она мне звонила и говорила: «Володя пошёл». «Пошёл» – значит, опять ушёл в запой. Запой у Володи – дело основательное, дней на десять. А Марине надо уезжать в Рим или в Милан, на съёмки. Её вся эта ситуация с Володей очень тяготила – когда ни остаться, ни уйти. Это кого хочешь вымотает...

Мало кто понимает, сколько Марина сделала для Володи. Я считаю, ради него она пожертвовала всем. Двенадцать лет опекала его. Можно сказать, он и жил все эти годы благодаря ей. У него даже строки есть: «Двенадцать лет тобой и Господом храним...» Когда недавно Марина решила продать посмертную маску Володи, какие-то его письма и бумаги, в прессе развернулась целая кампания против неё, говорили, будто она предала память Высоцкого. Бред какой-то. Она позвонила мне и сказала: «Почему они не могут оставить меня в покое? Я по-прежнему люблю Володю, кому какое дело?» Никто ведь не вспоминает, что в своё время она передала огромное количество документов из архива Высоцкого в его музей. Сразу после смерти Высоцкого так называемое его бли-

► Дина Верни, любовница, натурщица, наследница скульптора Майоля

жайшее окружение наговорило ей кучу гадостей – что он повенчался с какой-то Ксюшей и готовился развестись с нею. Марина была в ярости, потеря Володи для неё была страшной трагедией, а то, что она услышала от этих мерзавчиков, её просто добило. Позже она вспоминала: «Я сижу, снимаю посмертную маску, мне хочется его целовать, и одновременно такая ярость, что хочется дать ему, уже мёртвому, пощёчину». Страшно. А эта маска, которую она сама делала, – она, конечно, осталась у неё.

Сара

Мой стойкий оловянный солдатик. Мы вместе уже больше тридцати лет. Нас познакомил Высоцкий – подарок, который он сделал мне уже после своей смерти... Американцы решили сделать о нём фильм. Искали людей, знакомых с ним, узнали про меня – я тогда жил в Нью-Йорке – и попросили Сару связаться со мной, взять интервью. Она была известной переводчицей, переводила интервью для фильма. Так всё и началось. Сара так великолепно говорит по-русски, что никому в голову не придёт, что она американка. Но гены у неё именно американских женщин, которые завоёвывали Дикий Запад – толкали свои фургоны, отстреливались от индейцев, варили каши в походных палатках. Всё, что должно быть для меня в женщине, – всё воплощено в Саре. Когда мы только познакомились, она добровольно была моей моделью – я много её рисовал. Тогда же я её предупреждал, что со мной будет трудно. У меня нечеловеческий режим. Но она не испугалась, что и понятно – у неё прочная душевная основа. Для меня она просто подарок судьбы: работоспособна, вынослива, терпелива, ведёт все мои дела, переписку. Плюс ко всем достоинствам она филолог, прекрасно знающий мировую литературу. В своё время была литературным секретарем писателя Сола Беллоу, лауреата Нобелевской премии. К тому же мужества ей не занимать. Одна история с поездкой в Афганистан чего стоит: мы ездили с ней к моджахедам, вели официальные переговоры от Советского Союза, потому что моджахеда поклялись не говорить ни с кем из переговорщиков со стороны СССР. Поэтому мы с Сарой пересекли нелегально границу, были в боевом лагере Хекматияра в горах – это лагерь самых жёстких и страшных фундаменталистов. Нас могли убить в любой момент. Больше всего я корил себя за то, что потащил с собой Сару. Но мы справились. Я всегда говорю, что жить со мной очень тяжело. Я жалею тех женщин, которые жили со мной и живут, нужно быть солдатом, чтобы выносить мою жизнь. Сара – настоящий солдат. И этим удивительна.

► С Сарой Шемякин вместе уже тридцать лет

Ave Maria...

Мы привыкли к тому, что Париж – олицетворение любви. Возможно, так было в старину, когда Интернет и мобильные телефоны не вошли в нашу жизнь и когда человеческое сознание было иным, почти девственным. Сейчас это сугубо буржуазный город, чудовищное болото. Но. Что меня всегда поражало, так это легковесность французов, особая, непостижимая. Кажется, будто их ничто глубоко не трогает. Временами эта черта их национального характера шармирует. Они вечно весёлые, смеющиеся, легкомысленные. Поэтому так уютно себя там ощущаешь, сидя в каком-нибудь кабаке или на берегу Сены. Это странный мир кабаке, изящных отношений, флёра, разлитого в воздухе, он чувствуется и в отношениях между людьми. Лёгкость бытия, что ли...

Поэтому только в Париже я с восхищением наблюдаю за пожилыми женщинами. Иногда приходится ранним утром где-нибудь прикорнуть в ожидании, когда откроется лавка сапожника. И вот я смотрю и вижу: идёт женщина, ей лет семьдесят пять, не меньше, но она прекрасно одета, у неё ухоженное лицо, причёска как полагается, видно, что она регулярно заходит к парикмахеру, маникюр сделан. Она садится за столик кафе и спокойно, с достоинством пьёт свою законную чашку кофе. У неё красивая осанка, она умиротворена, счастлива и спокойна. Она не вздрагивает от мысли: «Что будет завтра?» Чувствуется, что государство о ней заботится – во Франции хорошее социальное обеспечение, достойные пенсии. Но дело не только в этом. Ещё Шагал, когда его спрашивали: «Почему вы выбрали для жизни Францию?» – отвечал: «Здесь любая консержка понимает, что такое искусство и любовь...». Я не могу сказать, что француженки красивы, скорее наоборот, но они умеют себя подать, умеют следить за собой, правда, больше всего это проявлено именно в облике пожилых людей. Молодые французские женщины так сейчас за собой не ухаживают. Похоже, вся Франция меняется, так сказать, в силуэте.

И тем обиднее мне за русских женщин, потому что они удивительные: несут на себе чудовищные нагрузки – содержат в чистоте свои дома, заботятся о пьяных мужьях, растят детей и внуков, зарабатывают на жизнь. Чем вызывают у меня всегда восхищение – и эстетическое, и человеческое. В силу такого образа жизни и складывается удивительно прочный характер русской женщины. Но эта же жизнь настолько изматывает, что в пятьдесят – шестьдесят лет женщина просто перестаёт за собой следить. Какая осанка и умиротворение, когда столько нужно вынести и сдюжить! Стране и многим мужчинам нужны женщины-солдаты, но не превращать же в них всех... ☉

Записала Кристина Французова-Януш

АЗАРТ

Краткое содержание предыдущих глав: корабль всё стоит, команду раздирают противоречия. Одни вкалывают грузчиками, зарабатывая на ремонт судна, другие витийствуют о смысле и бессмысленности свободного труда

МАКСИМ КАНТОР

Глава девятая НОЧЬ НА РЕЙДЕ

Уснул сразу – и безразлично было, какая кровать подо мной, шумят ли матросы в соседнем кубрике. Доковылял до каюты, которую предоставил Август, повалился на матрас, провалился в сон.

А сон снился престранный: приснился поэт Цветкович на броневике, только почему-то поэт был лысым и в армейском камуфляже. Видимо, так сплелись в усталом сознании образы толстого сербского поэта и лысого актёра с «Таганки», а броневик – это парфраз корабля времён Первой мировой, на котором мы все находились. Будто стоит на причале толпа, а посредине толпы – броневик, а на броневике – лысый поэт с выпученными глазами. «Вперёд, славяне! – кричал с броневика Цветкович. – Мы все потонем за идею!» Поэт пучил глаза и тяжело подпрыгивал на броне. Броневик содрогался и качался из стороны в сторону.

Почему именно «потонем»? Крик поэта меня во сне напугал, и я проснулся. Корабль качала волна, было тихо.

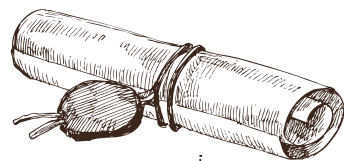
Сел на постели; огляделся – сколько позволял мрак каюты. Внутри было совсем темно: я даже не видел, где спят жена и сын, нашёл их по дыханию. Ощупал стену над своим матрасом (мы спали на матрасах, положенных на пол) и обнаружил иллюминатор – круглое оконце. Прижался носом к стеклу, силясь рассмотреть хоть что-то в ночи; рассмотрел кирпичную кладку напротив нашего круглого оконца. Стало быть, кубрик иллюминатором смотрел в причал, причём расположен кубрик был ниже уровня причала, у самой воды.

Это дело обычное на кораблях – спать на третьей палубе, у ватерлинии. Публика почище – та на верхней палубе, а бедняков селят у воды. Но меня такая дислокация напугала. В голову полезли дурные воспоминания о некогда прочитанной книге про гибель «Титаника». Всем нам свойственна противоестественная тяга к сведениям о катастрофах и массовых бедствиях – дай человеку на выбор сонеты Петрарки или описание гибели Помпеи, и даже гадать не приходится, какую книгу гражданин выберет для чтения на отдыхе. Кто же станет внимать вздохам о Лауре, если можно узнать про смертоносное извержение Везувия? Так и с «Титаником». Зачем я, живший в городе, удалённом от любого из морей на тысячи километров, стал изучать историю парохода «Титаник», неизвестно. Но я крушение изучил в подробностях и теперь знал, что, если корабль идёт ко дну, шансы выжить на третьей палубе исчезающе малы. Шансы пассажиров третьей палубы стремительно исчезают под водой.

К тому же я вспомнил о пробоине.

Август определённо говорил о дыре в обшивке корабля, из-за которой судно и списали в утиль после Первой мировой. Совсем некстати я стал думать: а за кого сражалось это судно

в 1915 году? Германия, понятно, против Антанты. В немецкий корабль, ясное дело, стреляли британцы. А Голландия на чьей стороне была? Чей снаряд проделал дыру в нашем корабле – это ведь любопытно. Август сказал – я вспомнил отчётливо эти слова, – что снаряд попал выше ватерлинии. Обнадёжил, нечего сказать! Если бы дыра была ниже ватерлинии, корабль пошёл бы ко дну мгновенно. А выше ватерлинии – насколько? Скажем, если пробоина в обшивке судна выше уровня воды на метр – это много или мало? Вот, допустим, море волнуется и волна два метра высотой, тогда что? На дно?

Кстати вспомнилось, что в холодной воде тонут быстрее – а море-то здесь Северное.

И, несмотря на усталость, спать с такими мыслями уже я не мог.

Крик Цветковича в моём усталом сне – эти его дикие слова «потонем за идею!» показались пророческими. А зачем поэт скакал на броневике? Почему снился мне лысым? Что значит пиррут сонного сознания? Фрейд бы сказал, что лысый литератор – это фаллический символ... Но почему фаллос зовёт на борьбу? Пробоина... снаряд... «потонем»... Чтобы не думать о пробоине, стал анализировать ситуацию в целом: куда мы попали, как отсюда выбраться.

Команда никаких иллюзий не оставляла. Я и на берегу не особенно люблю шумные компании. Например, в художественном мире я не сумел влиться ни в единый кружок по банальнейшей причине: мне невыносимо скучно имитировать энтузиазм. В беседах о современном искусстве я участия принимать не мог: крайне трудно выказывать интерес к шумному неживественного процесса говорили значительные слова, а мне хотелось домой, к книжному шкафу, в котором обитали люди более осмысленные. Но, какими бы дурнями ни казались богемные персонажи тех лет, они хотя бы жили на суше! Горлопаны хотя бы не строили корабль, на коем жизнь граждан зависит от их фанаберии. А впрочем, подумал я, именно корабль они и строят. И корабль этот тоже никуда не плывёт. А когда их бумажный кораблик станет тонуть... а тонуть станет, когда у хозяев художественной жизни кончатся деньги... на излишки деньги закончатся, когда не хватит и на главное... когда игрушечный корабль пойдёт на дно, станут ли спасать матросов с третьей палубы? Всем тем, кто обслуживал гламурный мир, дадут спасательные жилеты? Или предложат выплывать кто как умеет?

От рассуждений о судьбах культуры меня отвлек странный звук, точно кто-то шумно ел суп. Знаете, бывают невоспитанные люди, которые шумно втягивают суп с ложки. Сложат губы дудочкой и засасывают суп, да ещё причмокивают. Вот именно такой звук я и услышал – а суп, между прочим, на нашем судне не подавали.

И вот я лежал в темноте и слушал это страннейшее чавканье. Тишина, чернота, а потом вдруг чавк-чавк-чавк. И опять тишина на две минуты. И с неотвратимостью правды я понял, что это пробоина корабля всасывает воду. Корабль – как все корабли в подлунном мире – слегка качался с боку на бок; и когда пробитый борт наклонялся к воде – море вливалось через пробоину внутрь.

Попробовал по звуку определить, где находится дыра, – вслушивался в чавканье: показалось – правее нашей каюты. Тогда я встал и пошёл искать пробоину – ощупью нашёл дверь, вышел в тесный и тёмный коридор.

Там, в черноте коридора, вспыхнул фонарь – меня осветил человек, стоявший шагах в трёх.

– Ты тоже слышал? – спросила Присцилла и ещё раз щёлкнула зажигалкой, прикуривая.

Оказывается, то был свет зажигалки, а не фонарика.

– Как вода заливаает? Слышал, конечно.

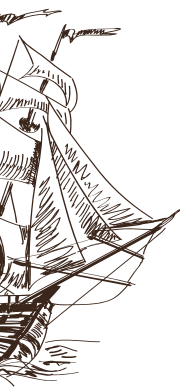
– Что это – «вода заливаает»?

Описать словами то, что море входит в дыру над ватерлинией, оказалось трудно. Вообще, убедить людей в грозящей им опасности практически невозможно. Можно посочувствовать прорицателям (Лаокоону или Кассандре), которые пытались донести до граждан предчувствия беды, – как описать предчувствия, если даже очевидный факт я описать не мог?

– Вода льётся внутрь корабля, – сказал я.

– Кто льёт воду? Спят все.

– Море входит внутрь корабля.

– Как это?
– В корабле дыра, и море вливается сквозь дыру внутрь нашего корабля.
– Глупости. Если бы море залило внутрь, корабль бы утонул.
– В корабле маленькая дыра, эта дыра выше ватерлинии. Когда корабль наклоняется к волне, море плещет внутрь дыры.

– Откуда ты взял волны? Штиль.

– А почему корабль качается?

– Корабль привязан к бакенам на причале. Он не может качаться.

Присцилла, равнодушная к опасностям парижанка, затягивалась сигаретой, пускала сладкий марихуанный дымок. Всякий раз как затягивалась, огонёк освещал её скуластое лицо.

– Подожди. Но ты сама слышала тоже?

– Что?

– Как вода хлопает.

– Нет, воду не слышала. Я слышала резкий звук, как будто железо режут. Вжик-вжик-вжик. Она изобразила звук, несколько похожий на тот «чавк-чавк-чавк», который слышал я.

– Кто-то металл пилит.

– Где?

– По-моему, там. – Присцилла затянулась ещё раз, при свете сигаретного огонька показала вправо, туда, откуда и моё чавканье шло.

– Вы Микеле ищете? – из черноты коридора раздался голос Адриана. Оксфордский историк был экипирован фонариком – тьма рассеялась. Флегматичное лицо англичанина меня несколько успокоило; видимо, потопа нет. Впрочем, Адриан Грегори не волновался никогда. Если бы мы реально стали тонуть, он бы тоже не возбудился.

– А кто Микеле ищет?

– Все ищут, кто не спит. Когда вернулись на корабль, его уже не было. Сначала немцы решили, что итальянец сошёл на берег, но парень штаны зачем-то оставил в кубрике.

– Может быть, у него ещё одни штаны имеются?

– У Микеле? – Англичанин скептически скривил бутон розовых губ.

– А странный звук ты слышал?

– Вот так: кляц-кляц-кляц? Слышал. Зубами кто-то лязгает. Подумал, что нашего Микеле ест акула. Но акул здесь нет. Может быть, это Йохан на своих консервных банках репетирует?

– Точно! – Присцилла рассмеялась. – Этот дурень среди ночи Аппассионату на банках изпод сардин разучивает.

– Нет банок из-под сардин! – Это Йохан к нам подошёл, он был взволнован. – Вчера кто-то украл мой мешок с консервами. Все запасы спёрли. Я мешок за переборкой припрятал...

– А-а, – вспомнил Адриан, – твои запасы поэт Цветкович нашёл. Тебе жалко продуктов для голодающего сербского народа? Для борцов пожалел? А вот что там лязгает? И где Микеле?

– Пошли на палубу, – сказал Йохан, – я большой фонарь принёс.

Мы поднялись на верхнюю палубу. Ночь Амстердама была не столь непроглядна, как чёрная мгла кубрика и чернота коридора корабельного нутра. Мигали фонарики на судне у соседнего причала – то был огромный четырёхпалубный гигант, и он весь светился. Мерцали окна складов: в порту ещё работали. Горели костры пустырей промзоны: в сырой ночи сквоттеры распивали у огня свой джинивер, это такое крепкое голландское пойло, картофельная водка. Да и луна кое-как, сквозь тучи, но светила.

И вот при свете луны и в отблесках далёких костров мы обошли свой «Азарт», осматривая все закоулки и выглядывая за борт. Микеле мы отыскали довольно быстро. Итальянец висел за кормой на верёвочной лестнице и пилил обшивку корабля ручной пилой. Микеле действительно был без штанов, поскольку время от времени ему приходилось спускаться по лестнице до самой воды и он погружал ступни в море – в такие минуты итальянец повизгивал от холода, но работы не прекращал. По визгу мы его и обнаружили.

Адриан осветил его тонким лучом маленького фонарика.

– Уберите свет! – завопил Микеле.

Однако Йохан установил большой фонарь на борту и направил сноп света вниз – прямо на Микеле. В жёлтом пятне мы увидели взъерошенного итальянца с пилой в одной руке, цепляющегося другой рукой за лестницу.

– Цирковой номер репетируешь? – спросил Адриан флегматично. – А дрессированный тюлень у тебя есть?

– Он сошёл с ума! – крикнул Йохан.

Странно устроены люди: играть на консервных банках Йохану казалось делом обычным, а висеть на верёвочной лестнице за бортом корабля и пилить ржавой пилой обшивку – вот это казалось безумием.

– У кого-нибудь есть фотоаппарат? – спросила Присцилла. – Зафиксировать это надо.

– Отойдите! Погасите свет! Уберите репортёров! Я ничего говорить не буду! – Микеле был возбуждён и нёс околесицу. Он полез вниз по верёвочной лестнице, чтобы скрыться от нас, но внизу беглеца встретило суровое Северное море. Микеле завизжал, провалившись в ледяную воду, и ринулся вверх, тут Адриан и Йохан втянули его на корабль, перевалили через борт. Микеле вырвался из их рук, отбежал в сторону.

Облачение Микеле было диковинным – куртка, доходившая почти до колен, ни намёка на штаны и ботинки. Кажется, я упоминал о том, что Микеле стал лысеть и плешь просвечивала сквозь курчавые волосы подобно тонзуре монаха. Уместно ли такое сравнение, не ведаю: босой, серая хламида до колен, тонзура, безумный взгляд, – Микеле напоминал мученика за веру, Томмазо Кампанеллу в руках инквизиции или Томаса Беккета перед трагической кончиной.

– Что ты там делал? – спросил Йохан. Невинный вопрос по сравнению с безумием ситуации.

– Что делал? – Микеле оскалился. – Никогда тебе не скажу! И сам ты тоже не узнаешь!

– Он пилил обшивку корабля, – равнодушно сообщил Адриан. Впрочем, это все сами видели.

– Хочешь всех утопить? Убийца!

– Полагаю, всё проще, – заметил Адриан. – Наш предприимчивый друг отпиливал кусок стали, чтобы послать образец железа торговцам металлоломом. Я угадал?

– Для общей пользы стараюсь, – затараторил Микеле. – Вы все ерундой занимаетесь, мешки с какао таскаете. Продадим металл по выгодной цене.

В этот момент на причале произошло движение. Мы увидели тёмную фигуру, метнувшуюся от нашего судна прочь, – человек, таившийся в тени пакгауза, рванул вдоль причала; очевидно – соучастник заговора, сообщник Микеле.

– Успел передать образец? – равнодушно спросил Адриан. – Местный деятель или китаёза из Макао?

– Ничего вам не скажу! – Микеле затравленно озирался.

– По биржевым расценкам или барыгам за полцены?

– Не скажу!

– И не надо, – Адриан равнодушно пожал плечами, – всё равно тебя обманут. Надоел цирк, иду спать.

– Ты негодай, Микеле! – сказала с чувством Присцилла. – Предатель!

И тут же Адриану:

– Уходишь, общая судьба безразлична?

– Общей судьбы не бывает. Это марксистские выдумки. – И Адриан отправился спать.

– Хорошо, что немцы тебя не видели, – сказал Йохан итальянцу. – Штефан бы тебя утопил.

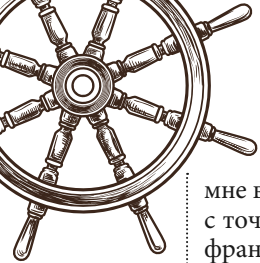
Микеле ссутулился, поник головой.

– А всё-таки я продам обшивку, – пробормотал он. «А всё-таки она вертится», «На том стою и не могу иначе» – не звучало более торжественно.

– Пойдём и мы спать, – Присцилла потянула меня к лестнице. – Нет сил смотреть на этого негодяя. И англичанин хорош! Им всегда наплевать на народ.

Мы спустились вниз, в тёмный коридор корабельного нутра. И здесь, в темноте, произошло ещё одно событие, завершающее дикий день и бредовую ночь. Присцилла вдруг обхватила меня руками и прижалась ко мне всем телом. Она так плотно прижалась грудью к моей груди, что я ощутил её острые твёрдые соски. Я даже не сразу понял, что это за предметы упёрлись

мне в грудь. Я не был опытным в амурных приключениях и прелести Присциллы не изучал с точки зрения их возможного использования. На грудь француженки вовсе не смотрел, француженка мне казалась женщиной немолодой, хотя её молодёжный наряд мог бы навести на размышления. Но, повторяю, я в те годы соображал туго. И тут такое острое переживание.

– Обними же меня, обними, – зашептала Присцилла страстно. – Возьми меня прямо здесь.

– Придёт Йохан... – пробормотал я. Почему я вспомнил именно про Йохана в этот момент, сказать не берусь. Искал каких-то оправданий для отказа.

– Ах, какая разница. Скорее, скорее, – она прерывисто дышала.

Однако я отстранился. Ханжеский жест этот я смог совершить, лишь сняв предварительную руку Присциллы со своих плеч. Нет, не верность супружескому долгу, а брезгливость не позволила согрешить. Агрессивная активистка, курящая марихуану, не пробуждала эротических фантазий – хотя прикосновение острых твёрдых предметов к моей груди меня взволновало. Но то был скорее шок. Я оторвал от себя цепкие пальцы парижанки и отшатнулся.

Есть особый род стыда, который испытываешь, не оправдав чьих-то ожиданий. Тебе предложили дружбу, а ты не принял; тебя звали в гости, а ты не пошёл; тебе хотели отдаться, а ты не взял. Очень бывает неловко.

– Подлец! – крикнула левая активистка и дала мне пощёчину.

Удар был сильным, пришёлся по уху, и вдобавок страстная активистка мне ободрала чем-то ключом кожу – то ли ногтём, то ли перстнем. С горящим ухом, из которого шла кровь, я добрался до каюты и лёг спать. Проваливаясь в сон, успел подумать, что голландским художникам с ушами не везёт – вот и у Ван Гога вышел казус. Подумал про коллегу и уснул.

Глава десятая

НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

Утро выдалось тихое и солнечное, что необычно для Амстердама. В недрах корабля оценить солнечный денёк было трудно, но в кают-компани рассказали, что погода наверху отменная.

– А что в этом хорошего? – заметил Штефан. – Ветра нет, парус не поставишь.

– Зачем парус, если мачты нет? – печально сказал Ян.

Вошла Присцилла, холодно поздоровалась с моей женой, пристально поглядела на моё красное ухо. Явился Адриан, сообщил, что Август уже успел купить доски. Оказывается, вчера кое-что заработали, несмотря на скандал, и сейчас доски отгружают на верхней палубе. Явился и Микеле, вошёл понурый, сел с кружкой кофе в углу. А потом и Август подошёл, сияющий.

– Я был уверен, что работа пойдёт! Слышите?

И впрямь, доносился грохот плотницкой работы: складывали штабель досок на палубе.

И тут в кают-компанию вошёл поэт Цветкович. Как у жирного поэта хватило совести вернуться на судно, не ведаю, никакой неловкости он не испытывал совершенно. Лицо его, полнощёкое, с глазами навывкате, сияло самодовольством. Цветкович явился уже без своей енотовой шубы, напротив, был одет по-летнему – в шорты военного образца. Щедрые ляжки поэта распирала пятнистую маскировочную материю. Впрочем, маскироваться поэт не смог бы – его голые ноги обращали на себя внимание издалека. Это надо же, в холодный день, в центре города – человек в шортах! Человек был крупен, но беззащитен, как ребёнок: всякий поэт в сердце своём дитя, потому и ходит в шортах...

Впрочем, ляжки Цветковича беззащитными не выглядели. Напротив, то были победительные, грозные ляжки, и шорты у поэта были воинственные. В таких шортах ходят английские солдаты по Африке – поэт Цветкович был так экипирован, словно военные действия из Вуковара докатились и до Амстердама. Женщины на корабле (моя жена, Саша и Присцилла) заметно испугались.

Военная амуниция не была рассчитана на объёмы Цветковича – таких корпулентных солдат в природе не бывает. Португея не сходилась на животе поэта, гимнастёрка не застегнулась под таким количеством подбородков. Шорты, хотя процесс проталкивания задницы внутрь прошёл успешно, поэт застегнуть не смог, так и ходил с расстёгнутой ширинкой, комплексами

не страдал. На месте гульфика, там, где шорты не желали сходиться, Цветкович повесил блокнот и блокнотом закрывал прореху. Когда делал поэт записи и приподнимал блокнот, фиалковое нутро его (поэт носил фиалкового цвета трусы) становилось доступным для обозрения.

Несмотря на указанные неудобства, поэт выглядел подлинным «солдатом удачи», он обильно вооружился. В правой руке у Цветковича был автомат, через плечо висела походная сумка, в которую он сложил ручные гранаты, на шее полевой бинокль, а за резинку от трусов (подробности экипировки можно было изучить сквозь переднюю прореху) он засунул штык-кинжал десантника. На голове Цветковича была защитного цвета панама. А в панаме – гусиное перо.

– Это гусиное перо символизирует тот факт, что я военный писатель, – объяснил Цветкович, хотя никто его о пере не спросил. Хватало других вопросов. – Враги должны издали видеть, что я не просто солдат, но корреспондент. В корреспондентов не стреляют.

– Тогда зачем вам самому автомат? – робко поинтересовалась жена. Но Цветкович не удостоил её ответом.

Цветкович вошёл в кают-компанию широким, независимым шагом, сияя всем полным лицом, радушно приглашая радоваться вместе с ним.

– Присцилла, когда ты мне отдашь? – Видимо, это приветствие было стандартным; в прошлый раз поэт входил с теми же словами. – Будь моей, дочь парижских бульваров! Я подарю тебе блаженство! Привет немецким труженикам! И хватит уже на меня дуться! – Это Цветкович худому Августу сказал. – Ишь, как надулся, иезуит! Скоро лопнешь от обиды!

– Штурвал на корабль верни.

– Штурвал принести не могу. Штурвал находится теперь в музее сербской борьбы. Вместо штурвала я принёс автомат. – Цветкович положил автомат на обеденный стол. Железо глухо звякнуло о железо.

– Оружие на борту не нужно.

– А если пираты нападут?

– Какие пираты? Один здесь грабитель, это ты. Остальные – честные люди.

– Я дам концерт, заработаю денег и всё тебе верну. Три штурвала купишь.

– Какой концерт? – ввязался музыкант Йохан. – На моих банках? Ты мои инструменты куда дел?

– Какие ещё инструменты?

– Ты сожрал все мои консервы, а я припас специальные банки. Знаешь, какой звук лосось даёт...

– Рыбы вообще звуков не издают, – раздражённо сказал Цветкович.

– Да не сам лосось! Банка из-под лосося! Это уникальная банка – с такой акустикой! Бьёшь по банке, как в колокол... У вас, у православных, таких колоколов нет, как мои банки из-под лосося.

– Что ты мелешь! – резко сказал Цветкович. И даже замахнулся. Военизированный поэт мог бы напугать, если бы шорты застёгивались. Но фиалковые трусы несколько снижали эффект.

– Всё сожрал... Всё слопал... – Музыкант Йохан озирался в поисках сочувствия, но никто сочувствия не выразил, а лысый актёр – тот вообще ретировался из кают-компании.

– Куплю тебе другие консервы, – великодушно пообещал Цветкович. – Изволь, будет тебе лосось, подавись, обжора. Сказал бы вовремя, я бы банку от лосося сохранил... Мне твои банки без надобности. И не отвлекай меня. Я задумал концерт, буду просвещать Амстердам.

– На какую тему?

– Борьба Дон Кихота за свободу. Приглашаю тебя, – сказал поэт Августу, – на главную роль.

– Я не смогу играть Дон Кихота, – сказал тощий и длинный Август. – Разве я похож?

– Ты будешь играть Санчо Пансу. Дон Кихотом буду я. Вместо копья – автомат. А ты будешь олицетворять народ.

– И как это будет происходить?

– Ты выйдешь на сцену в слезах. Упадёшь на колени. Будешь кричать: доколе, доколе! И проклинать тех, кто унижает сербский народ.

– Я не знаю, кто унижает сербский народ, – сказал Август. – Кто вас унижает? Албанцы?

– Ну, вообще, всякие. Ты, главное, плачь погромче. Ходи по сцене и плачь. А потом уподи на колени. А потом я приду с автоматом и гранатами.

– И спасёшь народ?
– Я прочту стихи – поэму борьбы и атаки.
– Цветкович, – спросил его Август очень серьёзно, я даже поразился строгости тона, – скажи мне: зачем тебе всё это?

– Поэзия?
– Не только поэзия. Вообще – вот этот шум? Интервью, журналисты, концерты, суета, горлопанство? Автомат и гранаты? Зачем ты мельтешишь? Если бы ты хотел что-то важное сказать, тогда я бы понял. Но ты ведь сам ничего не знаешь. Ты просто транслируешь то, что происходит вокруг тебя. Ты – как телевизор. Ты – усилитель звука, громкоговоритель. Усиливаешь шум, происходящий помимо твоей воли. Скажи: зачем?

Цветкович обиделся.

– По-твоему, борьба не нужна?

– За что бороться?

– За свободную Сербию!

– А кто вас захватил?

Жирный поэт молчал, готовился к ответу. Потом сказал значительно:

– Поэзия несёт гармонию в мир, который сошёл с ума.

– Какая глупость, – сказал Август. – Разве можно гармонизировать безумие? Это по определению невозможно.

Теперь-то, когда я уже слишком взрослый и обманы юности остались позади, я знаю отлично, что не только безумие, но и самая жизнь не подвластны гармонии. Никакая метафора не может передать жизни; в любом художественном образе имеется строй и порядок, а в жизни никакого порядка нет: жизнь – это хаос, который разные мыслители пытаются упорядочить той или иной конструкцией. Причём их конструкции образованы из того же самого хаоса и оттого рассыпаются на блуждающие атомы ещё при жизни творцов. Погляньте на марксистов при Марксе, на христиан при Христе. Нет, порядок и образный строй невозможны в масштабах общества в принципе. И если вы способны выстроить собственную жизнь на ограниченном пространстве и в течение короткого времени, это уже немало. Попробуйте.

Есть печальное соответствие между масштабами территории, на которой требуется внедрить гармонию, и возможностью такую внедрить. На кухне прибраться ещё можно. У швейцарцев, говорят, получается прибраться в Швейцарии. А о большем пространстве и подумать нелепо. Поэт Деян Цветкович, впрочем, придерживался иного мнения. Он выкатил вперёд тяжёлую артиллерию живота и веско сказал:

– Искусство – это колокол!

– Да! Колокол! – поддержал Йохан, который думал о банке из-под лосося.

– И колокол зовёт на борьбу! Мы будем сражаться!

– Колокол зовёт на молитву, а не на войну. На войну зовёт труба, – сказал Август.

– Пусть будет труба.

– Вот я и спрашиваю: не надоело тебе дудеть?

– В этом назначение поэзии, – веско сказал Цветкович.

– В дудении?

– В катарсисе переживания, – сказал Цветкович, подумав. – Люди взволнованы, но переживают поодиночке. Трубный звук, зовущий на битву, собирает воедино тысячу волей. Поэт мобилизует миллионы жизней.

– Зачем собирает? Зачем мобилизует? – спросил Август. – Чтобы стрелять?

– Сначала придётся воевать! А потом мы будем строить новую жизнь.

– Может быть, ты сначала будешь строить? Вот штаны себе хотя бы застегни.

– Ты сам ничего построить не можешь, – сказал Августу в ответ едкий Цветкович. Это он ловко капитана поддел. – Разваливается твой корабль.

– Неправда. Мой корабль строится.

И действительно, сверху уже доносился стук молотков – немцы клали палубу. ☉

Продолжение романа читайте в следующем номере.

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой писатель Битов
обнаруживает, что Монголия
и Исландия – близнецы-братья **с.124***

.....
*а командарм Будённый ничтоже
сумняшееся проклинает автора
«Конармии» **с.140***

Китайская ширма и пионерский галстук

Обычно герой этой рубрики рассказывает о вещах, которые сопровождают его всю жизнь, а здесь речь идёт о вещах, которые были утрачены. Но их владелец об этом не жалеет. О пути из Шанхая в подмосковное Пушкино вспоминает главный режиссёр РАМТа Алексей Бородин

ТАТЬЯНА ФИЛИПОВА

Дом

Дом был большой, двухэтажный и абсолютно русский, хоть и стоял на окраине Шанхая, в западной части французской концессии. Конечно, прислуга, семь человек, – в основном китайцы. Водитель, повар. Много китайских вещей – папа собирал фарфоровые статуэтки, которые мы потом привезли в Союз. Прекрасная была коллекция, очень красивая, разнообразная, большая. И ширма стояла китайская, вырезанная из слоновой кости, очень красивая.

Шанхай я помню частями – английская концессия, французская и американская. И русская колония. Я помню набережную, где стояли большие дома, там было советское консульство, куда мы ходили, потому что было какое-то поветрие – откуда оно взялось, не знаю – все хотели на родину. Большая часть людей. И в какой-то момент появилась идея – не знаю, откуда она взялась, – чтобы дети поехали на родину впереди родителей. Можете себе представить? И мы поехали от школы, я помню, колонной, пешком в консульство. И подали там петицию. Слава богу, консульские были люди умные, ни одного звука не раздалось по этому поводу, и дело зачехло. Но я помню, что родители, мама... столько было волнений. Сейчас это всё выглядит бредом, но такой тогда была наша жизнь.

Наш особняк стоял чуть-чуть в стороне от центра, в бедной части города. Если пешком, не дай бог, идти – а мы пешком не ходили, нас возили, или на машине, или на рикшах, тогда уже появились велосипедные рикши, – но если пешком пойдёшь, то все тебя будут

Ощущение дома для нас, детей, неразрывно связано с родителями.

Мир родителей – это был какой-то особенный мир. Они почти всегда, не каждый вечер, но очень часто, куда-то отправлялись. Чаще всего в клуб ССК (Советский спортивный клуб)

окружать, рассматривать.

Бесконечно вспоминаются праздники, которые в нашем доме умели устраивать. У меня три сестры, старшая из них на пять лет меня младше, другая на шесть, третья на семь. Наташа, Таня, Маша. И всё время какие-то дни рождения, праздники, родители устраивают их на полном серьёзе.

при Обществе граждан СССР в Шанхае, там были ресторан и кинотеатр. Ещё куда-то ездили. Отец очень любил маму, мама – его, у них была большая разница в возрасте, двадцать лет, и это давало отцу вторую молодость, что ли.

Родители – это родители, они живут какой-то другой жизнью, а с нами всегда бабушка, мамин-

на мама, Наталья Николаевна, и это вот наша жизнь. Вообще всё предельно естественно, никакого надраса. Ясно, что папа уезжает на свой завод каждый день, ясно, что у него лакокрасочный завод довольно крупный. При том что этот завод он создал своим трудом, благодаря организационному дару, который у него явно был. Начинал он с мастерской.

Папа приезжает домой обедать, и после обеда они с мамой обязательно ложатся отдохнуть. Дневной сон – это святое. Потом он опять уезжает на работу, вечером у них своя жизнь. Но при этом абсолютное мамино включение во все наши дела, уроки. Папа занят большими делами.

Конечно, это сильная была у них идея – переехать из Шанхая в Советский Союз, и резкий переход был. Я могу себе представить, насколько для них трудный, хотя они этого не показывали никогда. В Союзе, слава богу, уже никого не сажали, но было трудно, потому что всё нужно было делать самим, и материально сложнее. Всё надо принимать как есть – вот это главный урок от отца. И от мамы и бабушки тоже, конечно. Но он во главе семьи стоял, и он принимал всё как есть. Без всякого нытья, или жалобы, или болтовни на эту тему. Этого вообще не было. Внутри у тебя пусть всё происходит. Тем более чтобы перед детьми показать – такого вообще никогда не было.

Фотографии советских артистов

Когда меня спрашивали, кем я буду, когда вырасту, я отвечал: «Артистом». Собирал фотографии артистов советского кино. С одной стороны, мне нравился Владлен Давыдов, потому что «Встречу на Эльбе» мы смотрели бесконечно. С другой стороны, Борис Андреев, шикарный. «Алёша! Наташа!» Это смешно, потому что в Шанхае всё это

СОВЕТСКИЙ КИНО-АКТЕР
ПАВЕЛ НАДОЧНИКОВ

蘇聯電影演員
卡道契尼柯夫

► Вот такие открытки Алёша Бородин рассматривал в детстве

воспринималось с восторгом. Какие счастливые люди, они так живут!

В клубе ССК показывались советские фильмы, и я помню, что с нами было, когда мы видели «Падение Берлина» или «Сказание о земле Сибирской». А когда «Кубанские казаки» вышли, это уже вообще...

Мне кажется, родители понимали, что это жанр такой,

музыкальная комедия, преувеличение. Но мы-то, дети... Мы, конечно, принимали как должное то, что товарищ Сталин приехал лично...

Я помню эти потрясающие впечатления, гордость за людей, которые в этой стране, бывшей для нас, конечно, солнечной страной, выстояли войну. Помню, как я плакал, когда прочёл книжку «Александр Матросов», на коленях у мамы рыдал.

В моей комнате висели два плаката, купленные в книжном

киоске ССК. Один – Сталин, «Утро нашей Родины». Утро, русская природа и Сталин. А с другой стороны висел плакат, который назывался «Мальчик останавливает поезд красным галстуком». Значит, рельсы, по ним движутся какие-то вражеские силы, и мальчик их останавливает, совершает подвиг. Как-то это всё воспринималось без малейших сомнений... Сталин умер – ох, боже мой! Какой ужас! Как же это? Помню, все страшно плакали, директор школы собрал нас, объявил,

что вот... Все: «Ой, как же...» Знаете, как называются такие вещи, – сказка после сказки.

Красный галстук

Красный галстук появился, когда меня из английской школы Святой Жанны, которая была открыта при монастыре – я помню, как монахи играли в футбол, подобрав ряссы, – перевели в советскую школу при Обществе граждан СССР в Шанхае. В русской колонии организовали советскую школу, потому что многие русские

стремились на родину и ждали получения гражданства. Какой статус она имела, я не знаю, могу только сказать, что мы не могли вступить в пионеры, мы были красногалстучники. Можете себе представить? Вот это я хорошо помню. Пионеры – те, счастливые, которые живут в Советском Союзе, на родине. Мы не имели права так себя называть.

В 1949 году в Китае произошла революция, и через какое-то время началась бешеная китайско-советская дружба. Нас, красногалстучников, возили с концертами по фабрикам и институтам, это был месячник китайско-советской дружбы. Мы ездили, страшно гордые, и чуть ли не парады принимали, стоя на трибунах. Бред несусветный, но тогда казалось, что так и надо. И я помню, какая-то фабрика большая и две колонны китайцев во дворе, мы идём посередине, и они кричат что-то приветственное. Короче говоря, страшно дружим.

У нас дома бывали люди из советского консульства, родители их приглашали, я даже помню, как читал перед ними какое-то стихотворение, и все мы потом были им очень благодарны, потому что в 1949 году началась первая репатриация, но они сказали: «Не торопитесь,

▶ Главное открытие – в каждом киоске «Пионерская правда»

► Таким был Шанхай в Алёшином детстве

девочки ещё маленькие». Вот это очень важно. Спасибо им, потому что мы поехали в 54-м году, когда уже, собственно, всё было позади. А у тех, кто поехал в 49-м, оказались страшные судьбы. Пароход вёз их в какое-то место, где они пересаживались в поезда, а после границы уже в теплушки, которые их везли в сибирские лагеря... Я очень хорошо помню, как мы

проводили уезжающих. Огромный пароход – в моём восприятии мальчика десяти лет, – мы машем, они уезжают, очень такие приподнятые, счастливые, едут на родину.

Газета «Пионерская правда»

У меня, красногалстучника, была заветная мечта – читать «Пионерскую правду». И первое, о чём я попросил, когда мы оказались на советской земле, –

чтоб мне купили эту газету. Это я очень хорошо помню. Потому что я вдруг увидел – продаётся «Пионерская правда». Батеньки! Это же целое событие!

У нас в семье культивировалась любовь к родине. Мама родилась в Китае, в России никогда не была, но всегда стремилась на родину. Это у неё была идея фикс, и ясно, что мы все её разделяли. Папа к этому относился более спокойно, и я думаю, если бы он один решил, мы поехали бы не в Союз, а в Америку, в Канаду, в Европу. Но у мамы не было сомнения, и мы решили ехать сюда.

В 1953 году начали давать визы. Родители подали документы и ждали, ждали... И вдруг в один прекрасный день мама мне говорит, что мы получили визу. Что со мной было! Я рыдал в мамины колени от счастья, но папа мне сказал: «Пожалуйста, не говори никому в школе». Ему нужно было завершить все дела, и он хотел, чтобы никто не знал о том, что мы собираемся уезжать. Конечно, в первый же день я проговорился. Я помню, что папа страшно возмутился – я подслушал их с мамой разговор. Мама говорила: «Он не мог, я понимаю, как он взволнован, он не мог удержаться». Выгораживала меня. Ну и ладно, видимо, это не было каким-то решающим моментом, просто ему хотелось что-то ещё обдумать, может быть, какие-то действия.

Начались сборы, продолжавшиеся довольно долго – надо было продавать завод, надо было собираться, и за это время для советских граждан Шанхая объявили репатриацию на целинные залежные земли. И вот туда попала семья моей будущей жены. Они тоже ехали в своих вагонах до Маньчжурии, потом – станция Отпор, где их пересаживали в теплушки, они раскладывали в этих теплушках роскошные китайские ковры, которые везли с собой.

А потом их распределяли по совхозам. У родителей моей жены Лёли, она тоже из Шанхая, я знаю, был совхоз «Бурлык» в Оренбургской области.

Много лет спустя, в Москве, я познакомился с доктором Смольниковым, он работал в Бакулевском институте, заведовал там чем-то. Доктор Смольников, очень образованный человек, который учился где-то за границей, у него была своя клиника, приехал так же, как все, в совхоз, но у них не было ставки доктора, поэтому у него в трудовой книжке написано: «Столяр». Надо отдать должное директорам совхозов, всех переселенцев отпускали, и они довольно быстро уехали. Никого, слава богу, не посадили, потому что был уже 54-й год, но они потом вспоминали, что было трудно.

Наш дом был продан, но нам ещё несколько дней надо было оставаться в Шанхае. Родители расстались с прислужгой, отпустили и шофёра, и няню, и повара, сняли огромные шикарные номера в отеле, я хорошо помню наш переезд туда, это было страшно интересно. Обедали мы в ресторане на крыше отеля.

Поезд был нормальный, мы ехали не в теплушках, всё было хорошо. Когда проезжали Маньчжурию, последний китайский город, бабушка, которая была родом из этих мест, заснула, и мы долго не могли её добудиться. Все так перепугались! Бабушка проснулась, когда мы проехали нейтральную полосу. И вот Отпор, первая советская станция. Мы на родине, всё прекрасно.

Отпор произвёл на нас определённое впечатление. Первый раз в жизни мы увидели пьяного, валяющегося на улице. Девочки прибежали: «Ой, мама, больной дядя лежит, надо ему помочь». Дальше был банный день. Все шли в баню. Один день мужской,

следующий – женский. Родители просто обмерли. Я так думаю, потому что они не показывали своих эмоций. Но сейчас я представляю себе их разочарование – после «Кубанских казаков» и «Сказания о земле Сибирской» вдрут увидеть всё это.

Но ничего, снова сели в поезд, поехали. Главное впечатление в пути, конечно, Байкал, который мы утром проезжали. Все кричали: «Байкал! Байкал!» Мы ехали в Чимкент.

Яхта

В Шанхае у отца была яхта, которую он назвал в честь старшей дочки «Ната», он был и яхтсмен, и охотник, и машины страшно любил. Остались любительские фильмы, на которых отец плывёт с друзьями на яхте к местам охоты по реке Вампу и каналам в окрестностях Шанхая. В России он хотел поселиться поближе к морю, в Одессе, где, по его представлениям, он мог бы завести себе что-то вроде шанхай-

▶ В Шанхае 30-х было много яхт. Одна из них – отца Бородина

► Вот такая ширма была продана «Мосфильму»

ской яхты. Но мы поселились далеко от моря, в подмосковном Пушкино, и ни на какую яхту, конечно, денег не было.

Из Шанхая отец привёз много всякого судового оборудования, которое пылилось в сарае. Применение нашлось лишь небольшому мотору, который он приладил к лодке. В одной из комнат висел судовый барометр с яхты. Вот, пожалуй, и всё.

Родителям пришлось расстаться с благополучием, в котором они всегда жили с другим совершенно ощущением себя во всём. Тем не менее они приняли это как данность.

В Пушкино у нас было полдома с отдельным входом – всё огорожено, и дом, и сад. Почти как в Шанхае. С той разницей, что там всё делали слуги, а тут они всё делали сами. Каждую неделю натирались полы. Я помню огромное количество девочек,

подружек сестёр, мои одноклассники тоже приходили в огромном количестве, и всех у нас поили-кормили. Я уже не говорю про такие праздники, как Рождество и Пасха. Бабушка и мама ставили куличи и пасхи делали. Каждое воскресенье пекли пироги.

В Пушкино был какой-то завод, и отец пошёл туда инженером. Мама занималась переводами для этого же завода, печатала какие-то бумаги, я помогал ей какое-то время. В контексте жизни общей мы должны были работать в саду, я, например, должен был окапывать яблони, потом мои одноклассники помогали, потом однокурсники. И взрослые в это время работали! Отец возился с помпой, которая подавала воду наверх, зимой она замерзала, нужно было лить в неё кипяток, это мне поручалось. Я шёл, что-то отвинчивал и заливал горячую воду в эту штуку. Ещё у отца было невероятное изобретение для сбора яблок.

У нас был большой яблоневый сад, и он придумал такую сетку, которую нужно было поднимать, за что-то дёргать, и она отрезала черешок. Яблоко падало в сетку, потом его оттуда вынимали, бабушка делала из яблочного вина, которое до Нового года стояло у нас в подполье, на полках.

Отец всё-таки купил машину – у нас был единственный на всё Пушкино «БМВ», – но тут его ждало разочарование, потому что он рассчитывал на меня, а у меня к машинам нет никакого интереса.

Когда отец вышел на пенсию, начались неожиданности. Вышло постановление, запрещающее пенсионерам заниматься квалифицированным трудом. Отец что-то перевёл, какой-то текст, и оказалось, что он не имел права получить за него деньги. И вот это для него был удар. Он не жаловался, но лицом потемнел немножко. Потому что это в принципе было оскорбление.

Китайская ширма

Красивая резная ширма с перламутровыми вставками была продана в какой-то трудный для нашей семьи момент вместе с другими китайскими вещами.

На «Мосфильме» начали снимать что-то про Китай, и родители продали почти всю китайскую утварь – и мебель, и статуэтки, и ширму. Музей искусств народов Востока приобрёл почти всю папину коллекцию японской и китайской живописи и фарфора. Что-то осталось и было продано позже, когда у нас с Лёлей было время трудноватое, денег не хватало. Родилась дочка, у меня с работой не выходило... После того как спектакль, который я поставил в Смоленском драмтеатре, «Два товарища» по Войновичу, сочли антисоветским, для меня всё было

закрыто. И тут вдруг появилась возможность уехать в Киров главным режиссёром в ТЮЗ. Лёля, как настоящая жена декабриста, поехала со мной. Я всегда её сравниваю с Еленой из романа Тургенева «Накануне». Когда Инсаров, сумасшедший болгарин, революционер, зовёт её в какие-то горы, она ему сразу: «Едем». Примерно то же самое сказала Лёля. Но это уже другая история.

Дома в Пушкино, где мы выросли, тоже давно нет. Там, где он стоял раньше, – спортивная площадка. Наша огромная семья собирается у моей старшей сестры Наташи, она с мужем и детьми живёт в Крекшино, у них там дом, совершенно такой же, каким был наш дом в Пушкино. И мои дети, и мои внуки, и Наташины – все приезжают туда. Собирается неимоверное количество людей.

И жизнь большой семьи – она продолжается. Связь очень крепкая, внутренняя. К счастью, дети наши, Наташины и мои, – они все дружат, что огромное для нас счастье.

Мама очень рано ушла из жизни, в 52 года, это было просто ужасно. Подряд мы потеряли сначала бабушку, потом папу через год, потом маму. Она всё время повторяла: «Главное, чтобы вы были вместе». Всегда это говорила. И то, что мы вместе и всё это не растворилось в суете жизни, конечно, счастье. Мне кажется, мы всегда берём какие-то глобальные сообщества, а всё идёт отсюда, из семьи. Когда есть малый круг близких людей, это важно. Это, кстати, очень ценят наши друзья – естественно, мы их зовём и они присоединяются. И тогда жизнь обретает смысл. ☉

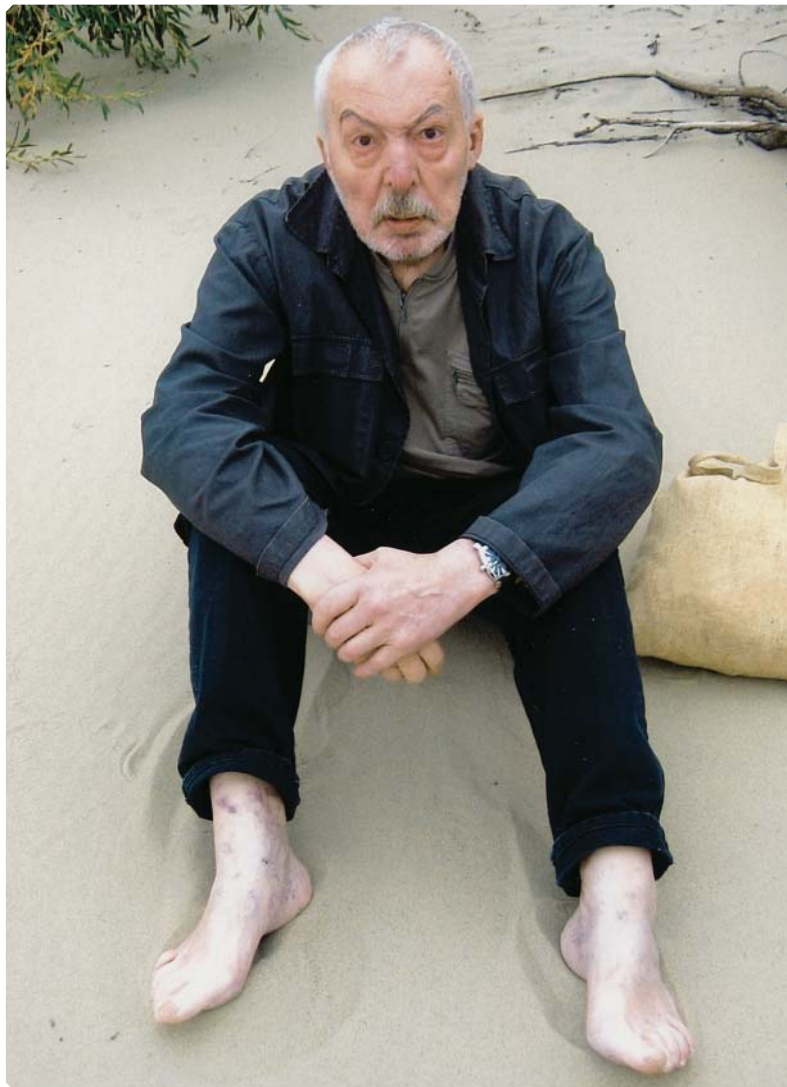
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
**ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
 НА ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ STORY ТОЛЬКО НА САЙТЕ**
www.story.ru

Стоимость полугодовой подписки
 с доставкой в ваш почтовый ящик
 всего 900 рублей

Доставка производится только на территории России

Бродяга

Писатель Андрей Битов не очень верит, что у путешествия бывает намеченная цель. «Это как с книгами, – говорит он, – замыслов может быть громадьё, а потом вдруг исполняется только один. Так и путешествие – сколько мечтаешь, а состоится нечто другое»

НАТАЛЬЯ СМИРНОВА

– **Можно всю жизнь** рассматривать как путешествие. Вопрос пространства тут условен. И времени тоже. Однажды я написал аннотацию к своей книге путешествий. Вот она: «Путник вышел из пункта А в пункт Б. Несмотря на некоторую нелюбовь к арифметике, фраза эта казалась автору прекрасной. Несколько позже автору пришлось на деле узнать, что это такое. Путешествие стало основным его сюжетом. Слово это он понимал всё шире и шире. Что такое путешествие? – думал автор. Отъезд из дому, далёкое и долгое отсутствие и возвращение домой. Но ты изменился за время путешествия, вернулся другим. Люди изменились, пока ты путешествовал, стали другими. И вот уже дом не дом. Значит, из путешествия люди не только всегда возвращаются, но, с другой стороны, и не возвращаются никогда. Тот, кто вышел из пункта А в пункт Б, – тому уже не видать пункта А. Да и что такое наша жизнь, как не путешествие? И кто мы такие, как не путешественники в этой жизни? Мы родились, сделали первый шаг и пошли. Так думал автор. Даже сидение на одном месте кажется теперь автору путешествием. Ведь если на том месте, где оседает кочевник, произрастают хлеба, дома, книги и новые люди, то это такое древнее путешествие зерна к буханке, семени к плоду, слова к делу. Разве не увлекательно?»

Получается, что смысл путешествия – в переменах? А если человек вернулся тем же, кем уехал? Не изменившись?

– По-моему, тогда он зря ездил. Куда он ездил?! Я знал путешественника, у которого был фотоаппарат и книжечка, где он помечал, что он там был. Это мало. Путешествие – это изменение. У меня было две теории того, что высокопарно называют творчеством. Одна – электромагнитная, другая – котловая. Котловая – это когда человек сидит на месте, а под ним что-то варится. Либо желудок, либо дом. А я любил писать на чердаках, а подо мной варилась семья. Они нагревали пространство, а я в эмпиреях мог высасывать из пальца, или с потолка слизывать, или с полу подбирать. А электромагнитная теория – это когда ты движешься. Ты как сердечник, тебя вводят в пространство, ты намагничиваешься, размагничиваешься, и в тебе проходит ток. Помню, в Германии мне очень нравились поезда – кроме того, что это более привычный для русского вид транспорта, они очень точно ходили. В этом поезде ты едешь, никто тебе не мешает, ты можешь думать, смотреть в окно, тем более пейзаж новый, поезд чистый, окно чистое. И лучшая надпись в туалете из тех, что я встречал: «Оставь это место таким, каким бы хотел его снова увидеть».

Путешествие – это, во-первых, уход от обыденности, привычной реальности, уход из «котла». Возвращение желательно. И желательно, чтобы

все оставшиеся были целы и живы. Я уже в такой точке путешествия, когда бывает, что никого не застаю. Долго не надо отсутствовать: можно приехать – и никого нет.

Странствие первое

– Его я помню по рассказам. Оно состоялось перед войной, и я его старательно забыл. Потому

► Когда-то писатель Битов был горным инженером

что оно было областью испуга. А испуг состоял в том, что я был разлучён с матерью. Я был очень с ней связан, любил её очень. И она меня отправила в какой-то детский лагерь в Любытино, в Псковской области, это 80 километров на запад от Ленинграда. А я в детстве в садик не ходил и попал к другим детям. Может, я был в ужасе, не знаю. А может, была паника среди воспитателей и пионервожатых, связанная с началом войны,

но этого я тоже не помню. Но что-то я понял своим четырёхлетним мозгом – что случилось что-то ужасное и мать я могу не увидеть. Быть на 80 километров на запад от Ленинграда тогда значило вскоре оказаться под немцем – блокада подходила очень быстро. Но большевики установили блокаду первыми, они сразу сделали город режимным, и родители не могли за мной выехать. Могло быть сто судеб в этой точке, но произошло чудо. Бабушка случайно подслушала в очереди, что какая-то тётка, жена большого начальника, собирается как раз в этот лагерь за своим сыном. За ней приедет машина, и у неё был пропуск. Мои большевиками не были, и поэтому пропуска быть не могло и шансов никаких меня достать тоже. Бабушка бросилась тётке в ноги – возьмите заодно и нашего. Та сказала «хорошо». Советские люди, они были разными, хоть она и была совбурка, советская буржуазия, но согласилась. Только сказала, пусть мать к отъезду привезёт доверенность. Бабушка ловит маму, мама успевает на службу, куда она в этот день, кажется, не собиралась, выпрашивает доверенность, передаёт бабушке, та успевает в должный час к месту, откуда машина берёт эту даму партийную, и передаёт ей доверенность ровно в ту минуту, когда та ставит ногу на подножку эмки. Порядочная эта женщина меня привезла, мать получила и потом рассказывала, что я был очень на неё обижен. Мой испуг от войны так сказался – я обиделся на мать. И успокоился, только когда она дала мне поиграть своими кольцами, пока мы ехали в трамвае.

Потом началось сидение в блокадном Ленинграде. Мы перезимовали первую зиму, и мой дядька, брат матери, который был врачом и уже побывал на фронте, сказал про нас с братом: «Этот выживет, а этот нет». Имелось в виду, что старший мой брат зиму не переживёт, а я, младший, выживу. Мать ему поверила, взяла обоих в охапку и бросилась на Дорогу жизни. На самом деле там много было попыток выехать. Вначале нас хотела вывезти бабушка, но ей не дали. Она уезжала вместе с консерваторией, где работала, в Ташкент. Но то ли родство сочли дальним, то ли народу было много, то ли ещё что-то... Может быть, эшелоны бомбили, поэтому их возвращали. Но начало нашего бегства по Дороге жизни я какими-то вспышками помню. Был март 42-го года, и вода стояла надо льдом. Очень мне нравилось, как брызги веерами летели из-под колёс. Одет я был как медвежонок, целый рюкзак с одеждой был на мне. Нас было трое – мать и двое мелких, и много вещей. Потом были эшелоны, которые вначале бомбили, но по ходу на восток перестали. И оказались мы в Ревде, где-то под Свердловском. Тогда никаких электричек не было. Помню, ночь и мы трое бредём с санками, на которых скарб, по огромному озеру (Волчи-

хинское водохранилище. – Прим. ред.). Я плёлся в хвосте и знал только одно – что матери тяжелее всех, она была гружённая, как верблюд, не помню, был брат или нет, но я знал, что мне ныть нельзя, мать расстраивать нельзя. И там вдруг чудо произошло – нас каким-то прожектором осветили и в этом пятне света мы дошли до посёлка. Где-то там топтался и уже ждал нас отец... На Урале оказалось несладко, потому что тоже был голод и холод, как и в Питере, и бабушка всё-таки докликалась, чтобы мы ехали в Ташкент. И в 43-м мы перебрались в Ташкент.

Можно и не полюбить путешествия после такого.

– Но я это почти забыл. А Ташкент помню – там были бабушка, сахар, тепло. Персики мама

► В империи под названием СССР было всё – и загадочный Восток, и просвещённый Запад

таскала в кастрюле, потому что они текли, такие были сочные. В 44-м мы вернулись в Ленинград, я пошёл в первый класс, и тут уже началась советская служба. То есть первый срок – это мотать школу. И в школе я возлюбил мечту о путешествиях. Тоже благодаря матери, между прочим. Жили мы не бедно не богато, а как положено служащим людям, но мать копила копеечку и каждый отпуск отправлялась в путешествие. Первое было уже в 46-м, в Крым. Она повезла меня одного, у меня были гланды, а поскольку Питер не лучшее место для уха-горла-носа, она решила пополоскать меня в море. И потом каждое лето

выбирала какой-то новый маршрут. В Прибалтике мы так побывали, это был, пожалуй, первый запах Запада. Поскольку они чувствовали себя Европой, там сохранилось больше старорежимности, чем в советской стране. А потом свозила в Одессу. Там я впервые взшёл на борт корабля. Корабль был типа линейного, доставшийся нам по репарации, был превращён в пассажирский и переименован из «Адольфа Гитлера» в «Победу». Вот на этой «Победе» я первый раз стоял на борту. Там была какая-то нелепая экскурсия – три часа туда, три часа обратно, и пьяный пассажир упал за борт. Единственное, что я запомнил, так это совершенно бестолковых тёток – спасательную команду, – которые бегали в жилетах и ни за что не хотели прыгать за борт. А упавший, види-

мо, протрезвел, спокойно там себе плавал и не желал вылезать. Для меня это было совершенно не романтично. Пароход не произвёл впечатления, а вот горы взволновали. В 49-м я впервые увидел Северный Кавказ и горы, это был Нальчик, там были экскурсии на Голубые озёра и на Эльбрус, мы дошли до первого ледника. И тогда я влюбился в горы. Потом это закрепилось Военно-Грузинской дорогой. В 52-м она была очень красива. Серпантин, Дарьяльское ущелье, Казбек... Кончилось это странствие каким-то образом в Батуми, и море опять мелькнуло, но уже такое, купальное. Это было автобусное путешествие, но с остановками, с ночёвками. Там я заболел горами. Решил стать альпинистом и стал. Вернулся, сразу записался в секцию, меня

приняли, хотя у меня тогда ещё не было паспорта, а в лагерях альпинистских это было нужно. Скалолазание под Ленинградом не очень богатое, но всё же было. Если бы я тогда не забросил альпинизм ради первой любви и дружеских пирушек, я бы доходил до спортивных высот, значок альпиниста СССР я получил ещё в школе. Но я быстро бросил. Зато поступил в Горный институт. Из-за слова «горы», а не потому, что меня интересовала геология. Романтизм странствий привёл меня в институт, и снова начались путешествия, потому что там была продумана схема летних практик. Я использовал дальние закиды и побывал в Забайкалье, в Средней Азии, на границе с Таджикистаном, в Апатитах. Там красивые довольно горы, на Кольском полуострове. Стран-

ствия мне привила мама – спасибо ей. Она была лягушка-путешественница. За границу никто не мог попасть, мне оставалась наша империя, которую я и исследовал уже потом, всё более и более осознавая, что я делаю.

Путешествие как жанр

Самое радикальное – это было Забайкалье. Оно меня изменило, но я попал туда уже взрослым, отслужившим в армии. Когда меня исключили из института, я был человеком уже что-то писавшим. Был членом поэтического объединения института, влюбился, запустил учёбу, вылетел, меня призвали в армию. Я тянул-тянул с этим делом, совершенно не хотел туда и в результате попал в стройбат. Потому что им со мной было

делать? Я ещё очки носил. Близорук был немножко, к тому же недоучившийся студент – в общем, отброс общества. Закинули меня в Заполярье такое серьёзное, ближе к Коми. Там тоже не знали,

лагерный приём – вызываться на всякую новую работу, чтобы находить себе халяву попроще. Это обычно приводило к хорошим результатам. В конечном счёте, поскольку я единственный

- ▶ Альпинисты на Кавказе
- ▶ Кольский полуостров. Электростанция на воде

что со мной делать, приспособить не умели и всё время перекидывали с места на место. А стройбаты были по бывшим зонам, потому что Хрущёв тогда провёл реабилитацию, зоны опустели, а места лагерные оставались, и всем этим надо было как-то по-хозяйски распорядиться. Стройбаты тогда выполняли работу зека, и даже одеты мы были в зековскую форму. Это была неплохая одежда, народ вокруг, простой и ясный, ценил её, и её было легко пропить. Все эти бушлаты, бельё было натуральное, хлопковое. В общем, ещё почти ничего не зная о гулаговской системе, я таким образом проехал лагерей шесть и очень был доволен, что повидал эти места. Потом, когда я стал читать литературу лагерную, я узнавал эту местность. А когда, уже в составе делегации, попал в Коми в статусе, можно сказать, маститого писателя и решил похвастаться, что я в Чикшино служил, то все в зале посмотрели на меня подозрительно, потому что это означало, что я либо вохра, либо зека. Я понял, что не всем, даже в Советском Союзе, можно хвастать. Потому что этот период очень быстро проскочил – когда стройбат был на месте зон. Я в этих местах перепробовал и побросал массу работ, быстро усвоив

овладел пишущей машинкой, а машинистка ушла в декрет, последние месяцы я провёл уже в штабе отряда. Стройбат наш соседствовал с дисбатом – лагерь был поделён пополам, поэтому все нарушители дисциплины постепенно перекочевывали в военный лагерь, и всё это за вышками, за колючей проволокой. Это такая была хорошая, настоящая экскурсия в ад.

Она оказалась путешествием, которое подвигло меня к написанию прозы. Вернулся я оттуда, бросив поэзию. А потом в Забайкалье, в 24 года, когда проза уже писалась, произошло что-то радикальное. Какая-то зрелость случилась писательская. Как потом я сформулировал, это произошло потому, что там оказалось совершенно платоновское пространство, настоящая глухая провинция. Бурили мы на воду – там не хватало питьевой воды. Уж там-то я объездил все забайкальские городки и степи. И решил, что мне надо написать трилогию. Я был очень питерский человек, но проезжал Москву уже несколько раз, и Москва на меня производила впечатление довольно-таки странное. «Буддистская Москва», как говорил Мандельштам. Я её плохо знал, но, тем не менее, уже чувствовал. Это были две разные энергии – Москва и Питер, – а провинция была третьей. И тогда мне в голову пришла идея написать три романа – «Петербург», «Москва», «Провинция».

Я ещё не понимал, что это проект, который потом сильно разовьётся. «Провинция», тем не менее, отменилась. После городской оттепели возникла деревенская проза, я прочитал Белова, «Привычное дело» кажется, и понял, что плохо знаю материал. Что это будет поверхностно. Путешествие было писать проще, потому что там некоторая поверхностность впечатлений допустима, тем более что там всюду всё обозначено у меня – кто едет, куда едет, с какими обязанностями – и нет попытки выдать это за глубокое знание жизни. Ну проехался и проехался. А как жанр оно родилось – важно же было родить жанр! – на среднеазиатском путешествии 60-го года. Это очень лёгкая и поверхностная книжоночка, но она чем привлекательна – что она молодая, свежая и никакая. Главное, была найдена формула. Путешествие предоставляет свободу перу, потому что впечатления поверхностные и мимолётные, ты поверхностен и мимолётен и всё это совпадает. Не надо заниматься психологией героя, а надо просто описывать то, что произвело на тебя впечатление. Когда уже я понял, что это за жанр, я стал использовать его по-разному и по-всякому. И начал складывать книгу в мозг. Намного раньше, чем она была написана, она уже была как перспектива. И сколько мог, столько я и ездил, а потом ездил уже сознательно – поскольку понимал, что

наук. – *Прим. ред.*) я сильно углубил свой взгляд на человека как представителя животного мира и наблюдал как эколог и как этолог жизнь империи, ещё не вдаваясь вглубь истории, которая, конечно, в пространстве этом читалась. Сейчас я больше осмыслю. Мне багажа моих разъездов и странствий хватило надолго. И не уверен я, что в моём лице путешественник сильно отличается от бродяги. Потому что бродягой я и был на самом деле. Был странствующим таким суфием. Смотрел на жизнь как на странствие и свою страну видел как чудо. Задолго до того, как всё начало рушиться, я уже знал, что империя – это то, что надо успеть разглядеть. Это я знал начиная с 70-го года.

Закон сохранения империи

Как сказал Виктор Дольник, сидя на косе и глядя на птиц: «Вот если бы сейчас пролетел птеродактиль, неужели бы я не забыл про жену и детей и не побежал бы за ним?» В это время он сочинял статью «Мог ли летать птеродактиль?». Научную. И я, как Дольник, подумал: мне дано успеть разглядеть ещё существующую империю, которой больше нет. Ведь Российская империя сохранилась в форме СССР и даже была расширена. Для чего понадобился большевистский режим? Может, чтобы империя не распалась? Может, это

я нахожусь в редкостной структуре географо-исторической – СССР. Когда уже писал «Птиц» на Куршской косе, с 70-го года начиная, я был сложившийся прозаик. С помощью Виктора Дольника (российский орнитолог, доктор биологических

инстинкты империи, а не большевистский размах? И просто нужен был более крутой режим, чтобы ей сохраниться? А ведь все структуры распадаются, по Европе это видно. С Грузией, Украиной мы сейчас переживаем то, что давно

было пережито кем-то. Европа мелкая, поэтому её империи были выносные. Вся эта колонизация мира, Великие географические открытия так называемые... Я иногда им говорю: слушайте, вы потому такие важные языки – английский, испанский, французский, – потому что вы бывшие империи, а не потому, что у вас великие культуры. Второе – условие желательное, но не обязательное. По сути, насколько вы распространили язык, настолько вы и существуете. Если говорить о Штатах, они унаследовали язык от Британии, но забыли, что первой колонией являлись британской и первая война у них была тоже с Британией. Это неполиткорректно говорить. А Наполеон был первым реальным строителем империи

а не белые, почему получился Советский Союз... По закону сохранения империи. Как по закону сохранения энергии. Но всё это мысли более поздние. А тогда мне девушка моя, у которой отец был номенклатурный работник, сказала: «Вы тут всё критикуете, а вы не понимаете, что Брежнев, по крайней мере, добрый человек!» Как в том анекдоте про Ленина: «А мог бы и бритвой по глазам...» («Ленин вывел девочку из леса, а мог бы и бритвой по глазам...») Мы очень много ссылаемся на всякие беды исторические, в том числе на татаро-монгольское иго, и почему мы отставали... А меня два примитивных вопроса преследовали, уже когда я был пишущим и много чего повидавшим человеком, – это почему Россия такая боль-

- ▶ Монгольские лошадки в Исландии
- ▶ Скалы под Улан-Батором

в масштабах Европы, то есть изобретателем Евросоюза. Это тоже неполиткорректно говорить. Так я ловлю своих западных коллег-интеллектуалов. У нас – интеллигенты, а там – интеллектуалы, но соображают они не дальше нашего среднего сталинского образования. Оно у нас, кстати, было неплохим, потому что мы унаследовали систему гимназическую. Впереди 17-й год, и я как-то подумал: а что я могу сказать в пользу советской власти, которую терпеть не мог всю жизнь? У меня не было заблуждений – что я когда-то в неё верил, а потом разуверился. У меня было всё наоборот. Я теперь только понимаю её неизбежность, понимаю, почему победили красные,

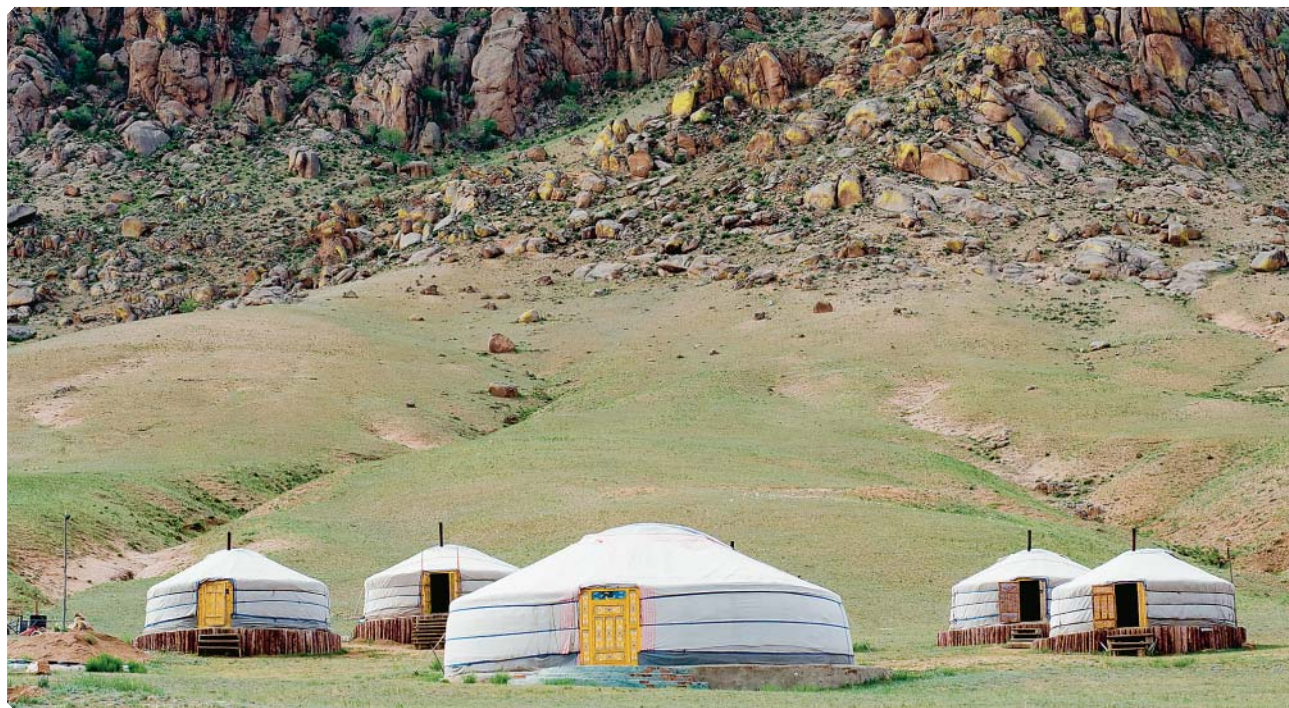
шая и чему она сопротивляется? Потому что она действительно чему-то сопротивляется. Чего-то она не хочет. И это глубочайшее подсознание. Не просто хотим мы быть тёмными или отсталыми, а в этом есть какой-то промысел, а не умысел. И почему из нас всё время делают империю зла, тоже очень интересно.

Моя барышня была по-своему права – Брежнев действительно был добрый человек. При нём благополучно расплывалась империя и многое становилось можно. Хрущёв радикальные пробовал меры по развалу тирании, да и Сталин был, прямо скажем, настоящим императором, причём с такими восточными и вполне философическими наклонностями. Он о себе думал в третьем лице, а не в первом. При Брежневе Советский Союз распустился, режим стал выдавать людям

то кооперативную квартиру, то холодильник, то автомобиль, и мелкие эти подачки растворяли существо тоталитарной системы. В том числе стали возможны разговоры о национальных корнях. В союзных республиках, с одной стороны, все красные тряпки, как положено, висели, и структуры, и байство партийное было сохранено, и всё это с воспоминаниями о том, что когда-то они имели самостоятельность. За патриотизм такого рода не преследовали, и стал разрастаться национализм окраин... Так вот, когда я думаю о том, что у нас было пропущено, – была пропущена эпоха просвещения. XVIII век при Петре и Екатерине как-то торопился с этим, а потом этого не хватило. Начало всё коснеть, и получилась такая «импе-

корову с обрубленными копытами, та мычит, как раненый зверь, ей больно, мужик пьяный и всё равно её тащит. Ему говорят: «Слушай, ты чего наделал? Ты же изверг! Чего натворил-то?» А он в ответ: «Очень холодно хотелось».

Счастье от падения советской власти у меня быстро прошло, потому что я понял, что просто наступил другой способ воровать. И даже придумал лозунг, который в эпоху разнузданной гласности опубликовали: «Ни одного клока шерсти с паршивой овцы!» Но я не обязан любить никакую власть, и никто не обязан, у власти свои обязательства, и к ней нельзя иметь тех претензий, которые мы имеем. Это она должна уметь иметь к себе претензии. За свою власть надо платить.

рия на сохранении». Просвещение должно было появиться, и эту пустоту заполнили большевики. Они, будучи очень тёмными, просто приняли наследство. Сохранили патриархальность именно потому, что не могли ничего создать. Всё это было прикрыто лозунгами, тряпками, но образованием они занялись, наукой они занялись, какие-то музеи сохранили. То есть они создали то, что сейчас развалили как хотели. Да, обещания счастливого будущего были ложью, но в каком-то смысле это был пропущенный век просвещения. Советская система дала ему жить в форме обязательного образования и бесплатной медицины. А сейчас много гнилого и разваливающегося, потому что лучшее от социализма теряется, а худшее от капитализма приобретает. Это напоминает анекдот, довольно жестокий, про мужика, который ведёт

И она тоже иногда платит. Когда свергают. Даже путём переворотов, она расплачивается. Положение у них тоже не сахарное. Когда человек во власти здоров, то понимает, что он просто инструмент и что он уйдёт, а то, что он сделает, может остаться в памяти, а может и не остаться. Забвение – вот важное слово. Я как-то понял, чего люди боятся. Кроме смерти они ещё боятся забвения. Иначе не понять никаких добрых дел. А они же делаются в этом мире.

Вопросы экспорта

– Я в детстве бредил путешествиями и мечтал попасть на Тибет, начитавшись Пржевальского. Но я туда не попал. Вообще, что-то существует по судьбе. Например, мне не дано – это я уже понимаю, что не дано навсегда, – пересечь экватор

и оказаться в Южном полушарии. Я знаю кусок от Северного полярного круга до Северного тропика. Съел эту часть яйца – и пресыщение уже. Только-только, совсем недавно, объяснил, почему Россия такая большая. Сумел, хоть и приблизительно. Объяснил, правда только себе, – кто-то может и не согласился с моей гипотезой. Чему мы сопротивляемся и чего мы не хотим, это объяснить труднее. Это значит уже понять себя. Потому что внутри всякого запрета, вынужденности, несвобод, которые у нас имели место, есть ещё и какие-то ментальные свойства. Наш менталитет, identity, нами не вполне освоен. Допустим, в России складывались менталитеты классовые, они складывались долго, в поколениях и веках, на севере, юге, востоке, в Сибири, и они были разные у дворянства, купечества и крестьянства. Всё это было очень подвижно, но существовало внутри одной структуры. Потом весь котёл перемешали революция, советская власть и войны, и получилось, что из ещё несложившихся менталитетов появился советский – в том числе и из национального смешения. Как ни странно, Вторую мировую войну выиграл советский народ, и нечего говорить, что кто-то другой. А вот кто выиграл у Наполеона, у Гитлера, у татар – эта мысль пришла в результате опыта странствий.

В 87-м году я оказался в Монголии. И в том же году – в Исландии и в Штатах. Это были три абсолютно разных мира, и даже захотелось написать сравнительную географию. Как ни странно, Исландия и Монголия показались мне двоюродными братьями. Потому что Монголия – это остров внутри суши, между Китаем и Россией. Остров из степи. А Исландия – там гор много, но что касается травы, овец и лошадей – абсолютно то же. И там нет архитектуры, и там нет. И там древняя письменность, и там. Недавно по телевизору услышал то, чего мне не доставало, чтобы понять эту связь. Оказывается, лошади в Исландию были завезены в десятом веке из Монголии. Я просто видел в Исландии ту же самую лошадь – это не был образ! Там нуждались в таких лошадках, которые ходят по горам, неприхотливы и приспособлены к тяжёлому климату, и как-то их завезли. Экспорт существовал! А экспорт вещь довольно непростая. Например, каким образом закрытый Китай так много экспортировал культуры и как она переносилась? Через шёлк? Через фарфор? Через паломников? Что-то перемещается воздушными и прочими путями, но не очень понятно, как это происходит.

Завтра на вручении Пушкинской премии мне надо будет сказать какие-то слова о поэте Викторе Куллэ. Он заново перевёл сонеты Шекспира, и перевёл достаточно значительно. Но я стал думать не только о нём, но о самом Шекспире, который, кстати, существовал ещё до Британской

империи, в эпоху Великих географических открытий. При этом Шекспир сам стал империей. А на основании чего? Это тоже вопрос экспорта. На основании исландских саг. Потому что все мировые сюжеты уже были в них прописаны. Исландия оказалась важной для культуры страны, хотя там не из чего было строить, там каждый кусочек дерева был привезён и каждый гвоздь тоже, потому что у них нет железа. Однако была первая конституция, которая понадобилась, потому что им просто надоело друг друга убивать, точно так же, как Чингисхану надоело, что все друг друга убивают у него на родине. Он решил, что надо мир остановить от войны, и пошёл всех умиротворять. Это идея Чингисхана, с точки зрения монгола. Я тогда, в 87-м году, сказал им: «Если у вас будут новые купюры, там будет Чингисхан». Так он у них и появился именно на купюре! «Отец нации» нужен, и Чингисхан для них – просвещённый и умиротворённый старец. Монголия очень сильной оставила во мне след. А в Исландии много было письменности и саг, причём более древних, чем скандинавские. Когда наступил какой-то лохматый век, двенадцатый или тринадцатый, и случились жуткие морозы и вымерзла половина населения, они из саг шили себе одежду. Из рукописей. А сколько осталось от одежды – стало литературой. В том числе и Шекспиром, и Пушкиным, который работал в духе Шекспира уже в двадцать шесть лет, когда писал «Бориса Годунова». Импорт-экспорт – это воздух, а не караваны верблюдов. Это перенос идей, которые должны там прорасти, там не прорасти. И это заразной, чем что-то другое. Почему какой-то Шекспир должен был написать эти сюжеты и захватить мир своим творчеством? А его Британия оказалась великой мировой империей. Что от её величия осталось? Язык. Кто носитель языка? Шекспир. И где же триста лет? Это татаро-монгольского ига отставание или триста лет между Шекспиром и Пушкиным? Где время, где пространство – всему этому учили меня путешествия и моя собственная империя. Поэтому империя и оказалась, причём сильно подсознательно, главным моим сочинением. Как писал поэт Юрий Карабчиевский, и эту его строчку я запомнил: «И даже позывы на рвоту считать за призывы судьбы». Потому что потом ты забываешь, как тебя воротило и выворачивало, а судьба начинает прорисовываться. Также выглядит и история целых народов, наций и стран. Ужасы-ужасы, а потом всё равно проступает рисунок. И начинает казаться, что это чуть ли не замысел. Но тут тоже не надо преувеличивать – иначе можно с ума сойти, высчитывая высшие какие-то назначения. И вот когда я мысленно складывал Монголию с Исландией, размышлял о большом и маленьком и почему так происходит, последняя мысль пришла ко мне в Сербии, когда я там

оказался. Я понял, что это тот край, до которого дошёл Чингисхан. Дальше он не пошёл. Это мы пошли дальше в результате победы над Германией, когда присоединили к себе Восточную Европу, но косвенным образом: соцлаг образовался, подушка такая. Так вот в Сербии с запада замкнулось у меня это пространство – я к тому времени наш Дальний Восток уже знал, и меня удивляло очень, что он такой неосвоенный. Тайвань, Гонконг – это процветающие миллионники, небоскрёбы, а у нас это просто край. Как в песне: «...и на Тихом океане свой закончили поход».

Путешествие крови

Был период, когда нищета была полная, поскольку я был в запрете, а выглядеть красиво хотелось. И на ком-то я увидел волчью шубу, натуральную, очень красивую. Я спросил, что это такое, и мне была выдана тайна, что это собака. В общем, вышел я на адрес, где продавались эти собачьи шкуры... Это, кстати, история про путешествие крови. Россия всегда была местом, куда приезжали заработать. Отсюда и я, допустим, имею много немецкой крови – в Петербурге всегда было полно немцев. Дверь мне открыл человек очень примечательной наружности. Он был учитель физкультуры, кажется, на пенсии, а по национальности – полуфранцуз, полуненец. Лет ему было уже к восьмидесяти, то есть дореволюционного разлива человек, и мне стало интересно, как же он такой образовался. Оказалось, папа его приехал в Россию работать телеграфистом и попал в Заполярье. Там ему понравилась ненка, сваялся он с ней и родился этот замечательный человек. Папа его навесит разок каким-то способом и подарил фотокамеру. И сын сохранил фотографии того времени. Действительно, француз мог полюбить эту ненку, потому что так даже у Диора не одеваются – она была с ног до головы в мехах, да ещё в речных жемчугах. А сын её получил ген предприимчивости, принесённый с Запада. И предприимчивость эта его в советское время выручала. Он всё время что-то где-то сшибал. Кровь на кровь встретились – охотник с предпринимателем. Все этапы его биографии были зафиксированы на фото. Он разложил передо мной эти дурные в смысле качества снимки, но в смысле архивности они были неподражаемы. На одном – он в какой-то невероятной накидке. А это что такое? – спрашиваю. «Ты бы видел её в цвете, – говорит, – это очень красная была вещь! Вся алая. С американского солдата». Тут я впервые узнал, что это не ложь, про Антанту на Кольском полуострове. Была там Антанта. И этот полуненец про американских солдат со смехом сказал: «Мы на них, как на куропаток, охотились. Одного подстрелишь – трое оденутся». Это я передаю его дословный текст. Это всё нелепости, с русскими

нельзя сражаться, потому что они потомки Чингисхана. Монголы принесли в Россию очень много позитива для власти – административное деление, например. Я слышал, как у них называется район и область – аймак и сомон. Что-то такое очень знакомое, ужасно родное. А это райком и обком. А как это может быть, если райком и обком – слова из иностранных корней, образовавшиеся при советской власти гораздо позднее монгольского языка? Да потому, что они уже были в нашем ухе, на подсознании. Потом строение армии – десятки, сотни, тысячи, это всё привезено оттуда. А постоянно враждовавшие русские княжества, которые объединились в результате того, что их завоевали? Соединили силы, а потом произошло Куликово поле – да пошли вы вон! А дальше на восток путь был уже проложен. Кем проложен? Чингисханом. То есть дальше пошли обратной дорогой Чингисхана. Фактически пешком. А там завязли на Аляске, махнули рукой и вернулись. Монголы ушли, а мы в результате сложились как государство и как территория. Наполеона победил уже Чингисхан, а Гитлера – Наполеон. Потому что это опыт, которого никто уже не отдаст обратно. Опыт не имеет обратного хода. У нас время ушло в пространство, как поршень. Это я однажды понял, разбирая кроссворд. Не мог разгадать одно слово. Какой-то занятный человек его составлял, у него были хорошие формулировки. Например – «поршень, толкающий время». У меня даже все буквы были, но я не мог догадаться, что это такое. Оказалось, он таким образом зашифровал слово «прошлое». Это был поэт большой. Он мне подарил идею, которую я потом вставил в «Преподавателя симметрии». Этот наш поршень уже не вытолкнуть обратно, вот в чём всё дело. Прошлое невозвратимо, и думать, что с ним можно что-то поделывать, странно. Наше прошлое и есть наше пространство. Время и пространство тут соединились, поэтому можно было так за него воевать, поэтому это оказалась всё-таки страна, а не набор случайных земель... К столетию 13-го года у меня сложился проект «Роль захватчика в русской истории». Эта роль исключительно важна. Не надо вставать на котурны героические никому, это нелепость. А понимать, что ты готов, когда ты созреешь, а не когда тебе хочется. Мы созрели захватчиком, а не своим захватом. Это оправдание русского пространства. Мы просто прокатились по опустошённой дороге, которую нам проложил Чингисхан. Он нам проложил шоссе такое. И шоссе это – степи. Это всё было пустое, то, что пройдено. И оно до сих пор пустое, кстати. Даже по дороге из Питера в Москву. Смотришь в него, как в тайгу. И я думаю, что нужно, как кто-то написал: «Пора, мой друг... мать-мать-мать-мать... умом Россию понимать». Это такой ответ Тютчеву – понимать, а не романтизировать. ☉

Порядок вещей

*Наступило лето и пора блистать и носить украшения.
Ведь зимой женская красота снова спрячется
под шапками и шарфами*

Дочь фараона

Никто не узнал бы о Хнумит, если бы в 1895 году археолог Жак де Морган не открыл в Дахшуре гробницу фараона Аменемхета и его дочерей Хнумит и Ити. Отлично сохранившуюся, не разграбленную, со всем багажом, необходимым для последнего пути фараона и его семьи. В том числе со знаменитыми «дахшурскими сокровищами» – уникальной ювелирной коллекцией Среднего царства. И если у Ити украшения были обычными – дорого-богато, лучше, чем у прочих, то у Хнумит... Ни одна женщина Древнего Египта не обладала такими сокровищами. В отличие от массивных украшений Ити, драгоценности Хнумит – это почти невесомое переплетение золотых нитей, камней, орнаментов. Они настолько тонки и изящны, что учёные сочли, что делали их по заказу дочери фараона приезжие мастера. Однако мотивы, рисунки, символы – всё типично египетское. Жемчужина коллекции Хнумит – диадема, которая считается самым древним из

найденных ныне эмалевых украшений. Основу её дизайна составляют изящные лилии, символы благородства и женственности, и стилизованные изображения вееров, напоминающие о высоком положении её хозяйки. Все оттенки синего, лучистый бирюзовый и ярко-красный в диадеме принцессы Хнумит сияют, как драгоценные камни.

Именно сокровища Дахшур вдохновили художников FREYWILLE, известных точностью своих культурных цитат, перенесённых на эмаль, на создание дизайна «ЛУКСОР»,

коллекция «ФАРАОН». История одной из древнейших цивилизаций, мистическая и завораживающая атмосфера Древнего Египта в них сохранились, как в хорошем музее, но обрели новый лоск и изысканность современных украшений.

Растение любви

Бамбук для китайцев всё равно что для русских берёзка. По легенде, это растение – плод сыновней любви. Когда одна пожилая женщина заболела и готовилась умереть, она попросила сына приготовить ей еду, которой она никогда раньше не пробовала. Если б речь шла о дочери – проблем бы не было: женщина всегда может придумать новое блюдо «из ничего». Но сын и рис-то готовил с трудом. Он сел на землю и заплакал. И там, где падали его слёзы, прорастали зелёные стебли. Из них юноша и сварил суп для матери. Это оказалось так вкусно, что старушка передумала умирать, научилась готовить массу разных блюд из бамбука, принялась

кормить ими богатых людей – и в дом пришёл достаток.

С тех пор бамбук стал символом семьи, удачи, долголетия и богатства, а его изящные стебли полюбили художники. Дизайнеры, создавшие новую коллекцию Nasonpearl, использовали стилизованные стебли бамбука из белого 18-каратного золота для оправы прекрасных жемчужин Акойя. Так получился комплект «Бамбук», состоящий из кольца, серёг и подвески.

Дороже изумрудов

К свадьбе император Наполеон Бонапарт преподнёс будущей императрице Марии Луизе старинную тиару, богато инкрустированную бриллиантами и бирюзой. Однако те, кто видел эту тиару раньше, пребывали в изумлении – ведь изначально она была украшена бриллиантами и изумрудами! Купив украшение, Наполеон приказал вынуть все семьдесят девять изумрудов и на их место вставить бирюзу. Чем, спрашивается, бирюза лучше изумруда? Только одним: на Востоке она считается камнем влюблённых, что приносит счастье в любви и прекращает ссоры влюблён-

ных. Кроме того, бирюзе приписывали способность беречь своего владельца от царского гнева и принимать на себя его неприятности.

Этот камень с его тайными смыслами и способностями – прекрасный подарок не только для императрицы. Любая женщина наверняка оценит набор из коллекции ювелирных изделий ESCADA 2016 года. Именно бирюза стала центром гарнитура оттенка жёлтого золота, состоящего из кольца, серёг и браслета. Классические формы, элегантность и непринуждённость делают эти украшения must have модного сезона. Интенсивный бирюзовый цвет камня с зеленоватыми оттенками в глубине гармонирует с тонами золота и создаёт особенно тёплое, практически нежное настроение.

Сказочные крошки

Фейри и эльфы у кельтов, альфы у викингов и германцев, чудь белоглазая у славян... Мудрецы, маги, могучие воины. Говорят, когда-то «старшие расы» действительно жили рядом с людьми – учили, лечили, давали нужные советы. Так продолжалось

вплоть до прихода христианства – в христианскую теологию эльфы и феи не вписались. Они не стали воевать за место под солнцем, а то ли растворились в воздухе, то ли ушли в другие миры. А этот уступили, оставив после себя лишь легенды и истории. Суровым средневековым христианам этого показалось мало. То, что нельзя уничтожить, можно было сделать смешным. И со временем стали появляться сказки, превратившие когда-то могущественный народ в безвредных шалунишек – таких, какие встречаются у Шекспира или Андерсена. Как всё было на самом деле, теперь уже не важно, важно, что взрослые продолжают зачитываться кельтскими легендами, а малыши – сказками про волшебных фей. Крошка-фея с серебряными крылышками, держащая в руках бриллиант, может стать волшебным подарком для девочки, её первой настоящей драгоценностью. Ещё в коллек-

ции «Мой первый бриллиант», созданной Московским ювелирным заводом специально для юных леди, – серьги, кольца и подвески из белого и жёлтого золота с маленькими бриллиантами в эксклюзивной упаковке – шкатулке. ©

ЮЛИЯ АНТАШЕВА

Прекрасная малоежка

Древние египтяне чревоугодничали и на пиршествах сживать любили. А вот Нефертити, она же Нефер-Неферу-Атон Нефертити, чьё имя значило «Прекрасная пришла», царица Египта, супруга фараона Аменхотена IV, Эхнатона, излишествами не грешила. Хоть по рангу ей, верховной жрице, следовало питаться пожирнее и погуще

С полным или пустым желудком ляжет спать древний египтянин, который поесть любил, часто зависело от Нила. От той великой реки, которая ежели правильно разливалась, то оставляла после себя чёрный плодородный ил, дающий возможность получить хороший урожай. Впрочем, иногда Нил забывался и разливался неправильно. Да так, что смывал не только поля, но и самих египтян.

Благословенная река кишела крупной рыбой. О размерах позволяют судить древние изображения, на которых увесистых нильских окуней несут по двое мужчин. На берегах реки водилось несметное количество птицы. Египтяне сначала подсекали её бумерангами, а потом жарили на вертелах цапель, гусей, бекасов, уток, голубей и перепелов. При египетской жарке птица и рыба долго не хранились, есть их надо было быстро или сразу же вялить, топить в рассоле, мариновать в оливковом масле и хранить в глиняных сосудах.

Древнеегипетская беднота не жировала, обходясь козлятиной, варёными и толчёными бобами и фасолью, пшеничной кашей – полбой, редиской, луком, чесноком и салатом латуком с оливковым маслом и солью. Хотя салат был полезен всем, кто мечтал о плодovitости и половой силе, независимо от социального положения. Молоко у египтян считалось лакомством, коров хлили и лелеяли, а драгоценную жидкость хранили в больших глиняных кувшинах, затыкая горлышко пучком травы.

Больше даров, хороших и разных!

Служители культа, жрецы, ели от души. Им по рангу полагалось забирать домой и за семейным столом наворачивать всё, что приносилось в дар богам. А поскольку дары тащили трижды в день, то жрецам хоть помирай, но подьедай в срочном порядке говяжьё окорока, жир-

ную гусятину, сладости на масле и жире и запивай молоком, пивом и вином. Всю пищу древние египтяне крепко солили, чтобы по жаре хоть как-то донести до богов, а пиво с винами из их кувшинов разливались похлеще Нила. С хлебом у жрецов и в худшие года проблем особых не было. В святилищах держали собственные пекарни, где выпекали лепёшки, батоны, караваи с пряностями, мёдом, жиром и начинкой из фиников.

И если древнеегипетский простой люд уработывался в хлам, орудуя тяпкой на полях или волоча каменные блоки для пирамид, то священнослужители мёрли по другой причине – от жирной и тяжёлой пищи. По крайней мере, так предполагали учёные, наткнувшись на мумифицированных жрецов. У мумий якобы были такие ужасающие кровеносные сосуды, что врагу не пожелаешь. Да ещё и фараон Аменхотеп IV жрецам нервы мотал, добавляя стрессов. Вот взял, например, и своим единоличным приказом отменил привычного и родного бога Амона и назначил нового смотрящего за египтянами – бога Атона. Вроде дело в одной букве, а крику и шуму было на весь Египет и сопредельные государства. И вообще фараон заявил, что хватит уже поклоняться многим богам и что бог один. Служители, которые держали всех в ежовых рукавицах, суля кары и прочие напасти, устраивая головомные обряды и взрывая ими мозг древним египтянам, роптали от таких новшеств. Они гудели, нудили и замысливали чёрные дела, а фараон не сдавался и гнул свою линию. Он, человек решительный, перенёс столицу из Фив в Ахетатон, где настроил храмов и натякал скульптур нового бога. Мало того что он и собственное имя сменил на Эхнатон, что значило «угодный Атону», так ещё и верховными жрецами определил себя и свою жену Нефертити.

Только на неё фараон мог положиться в такой ответственный для государства час.

Пиво и мандрагора

Откуда взялась эта Нефертити, точно неизвестно. То ли выбрал её фараон из многих знатных египетских красавиц, то ли взял в жёны иноземку. Домостроем в те поры египтяне не заморачивались, и женщины в древнеегипетском обществе верховодили всюю. Нефертити, исправно рожая фараону детей, не осталась в стороне от великих дел. Загадочно улыбаясь,

статочно: один готовил сласти, другой – салаты, третий – приправы, четвёртый отвечал за выпечку. На пиршествах царственная чета употребляла варёную и тушёную говядину, мясо дикой козы ибекса и антилопы орикса, сельдерей, салат с оливковым маслом, чечевицу, зелёный горошек, лук, чеснок, пироги и жареную птицу с розмарином и шалфеем. Повар ошипывал утку или гуся, отрубал лапы, голову и кончики крыльев, насаживал тушку на вертел и жарил, держа вертел над низкой печкой.

Пили фараон с супругой не амброзию, а вполне демократичные вина. И пиво, пшеничное с финиками или ячменное, светлое и тёмное. Зерно для такого пива мололи, готовили тесто «уаджет», что значило «свежее», и в горячих формах выпекали из него хлеб. Было важно, чтобы хлеб покрывался поджаристой корочкой, но внутри оставался сырым. Потом хлеб крошили, замачивали его в воде или в сладком финиковом соке, растирали и выставляли на солнце. Хлебная жижа бродила и превращалась в густую массу, которую процеживали и, запечатав, отстаивали в глиняных кувшинах. Из насыщенной, долго простоявшей жижи получали крепкое тёмное пиво. Выпить в Древнем Египте были не дураки и с кружками для пива не мелочились, подавая посудины, куда вмещалось до двух литров. Уговорить тех, кто воротил нос, египтяне умели. Стоило лишь вынести небольшой гроб с раскрашенной мумией и намекнуть гостям, что наслаждаться едой и выпивкой надо при жизни, ибо конец известен, как все тут же дружно хватались за чаши.

Считается, что с появлением Нефертити фараон потерял голову, забыл свой гарем и полностью переключился на юную красавицу. О фараоновой любви свидетельствуют фрески с царственной четой, слившейся в экстазе. Подозревали, что неспроста фараон так ухлёстывает за своей женой и всё дело, возможно, в колдовстве, поэтому египетские вельможи на всякий случай тащили царице побольше подарков, включая продукты, и оказывали небывалые почести. Изваяния Нефертити были на каждом шагу и в каждом храме. Царица, умница, не расслаблялась даже при виде мумий в гробах и, судя по найденным изображениям, следила за собой, оставаясь стройной и моложавой, – желающих на её место было пол-Египта. ☉

РЕЦЕПТ

Чтобы фараоны и в загробной жизни ни в чём себе не отказывали, их провожали в последний путь в полной экипировке и с запасом провизии. На вечность, конечно, провизии не напасть, но на первое время, чтобы оглядеться на месте прибытия и занять подобающее божественному рангу положение, вполне хватало. А чтобы прислужницы из загробной жизни приготовили еду, привычную для фараона, в могилы вкладывали рецепты, записанные на папирусе. Еду следовало готовить не абы какую, а полезную и омолаживающую. Один из таких рецептов и раскопали археологи. Желаям почувствовать жаркое дыхание Древнего Египта и попутно омолодиться надо смешать несколько свежайших яиц с растопленным мёдом и только что выжатый виноградный сок, влить в смесь прокипяченное вино, взбить до образования пены и бросить туда горсть зёрен граната. Такое смузи если и не обеспечит вечное существование, то пару-тройку приятных минут уж точно доставит. Поглощать его следует медленно, рассматривая изображение бога Ра с соколиной головой и солнечным диском на затылке.

она не только присутствовала на всех торжествах, замещала мужа в государственных делах, но и как верховная жрица культа выполняла религиозные обязанности. Только питалась не обильно, по-жречески, а, сидя рядом с мужем, пищу вкушала здоровую, простецкую, без фанатизма. У всего Египта голова шла кругом от таких немислимых пертурбаций.

Со сложносочинёнными блюдами древнеегипетские повара не возились, хоть на дворцовой кухне их толкалось предо-

Десерт часто состоял из сладких пирожков, мёда, фиников и крупного инжира. В особо торжественных случаях на небольшие столики, за которыми принимала пищу царская семья с придворными, подавались плоды мандрагоры. От её жёлтых плодов можно было поймавать неслабые галлюцинации и надолго уйти в астрал. Однако с мандрагорой шуточки были плохи, переждать её не стоило, иначе встретиться с бальзамирощиками можно было гораздо раньше положенного срока.

Новый уровень чувств

РУССКИЙ
РОМАН HD

Лучшие российские фильмы о любви в HD-качестве

Реклама

12+

ЦИФРОВОЕ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Спрашивайте у вашего оператора платного телевидения

www.rusroman.ru

Киндербальзам

За что бы ни взялись рождённые под знаком Рака, они всё будут выполнять с филигранной точностью. Среди представителей знака – Исаак Эммануилович Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов». Широким ковшом черпая материал из самой жизни, он умел живописать яркими, сочными мазками прожитые события и встретившихся людей

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 13 июля 1894 года в Российской империи, в Одессе, на Молдаванке. Через год семейство Бабеля (изначально – Бобеля) переехало в Николаев Херсонской губернии. Мальчик учился в Одесском коммерческом училище и, наконец, стал обладателем диплома Киевского коммерческого института. Новоиспечённый коммерсант решил на этом не останавливаться и только для того, чтобы жить в Петрограде и быть поближе к издательствам, в 1916 году поступил в Петроградский психоневрологический институт на юридический факультет. Был солдатом на румынском фронте, служил переводчиком в иностранном отделе ЧК, в Наркомпросе, участвовал в продовольственных экспедициях. В 1920 году был направлен военкором в Первую конную армию, работал репортёром в Петрограде и Тифлисе. Был арестован 15 мая 1939 года, обвинён в антисоветской заговорщической террористической деятельности и шпионаже, расстрелян 27 января 1940 года, а его публикации запрещены. В 1954 году был реабилитирован посмертно.

Карьера

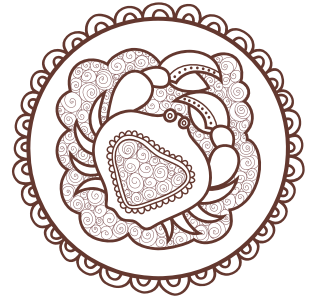
Мысль о том, что они непременно должны произвести на свет или совершить нечто выдающееся, терзает Раков с юности. Пока мысль вызревает пыльным колосом, Раки задумчиво наблюдают за окружающей действительностью и ищут способ оповестить мир о своих наблюдениях. В семье Бабеля не сомневались, что этот мальчик таки прославит весь род. Бабушка, например, была твёрдо уверена, что Изя уродился сплошным талантом, и напоминала об этом всем и каждому. Папа-коммерсант в талантах мальчика тоже не сомневался, но мечтал, что сын подхватит эстафету и займётся сельскохозяйственными машинами: сеялками, веялками и молотилками. Поэтому папа всеми силами отвлекал мальчика от наблюдений за людьми и событиями, усаживая за Библию, Талмуд и другие нужные книги. Сын грустил, много читал, но не совсем то, что подсовывал ему родитель, и норовил сбежать в порт, в греческие кофейни и винные погреба Молдаванки. А в пятнадцать лет Изя решил, что какой-никакой жизненный опыт у него уже есть, и начал пробовать своё перо. Сначала оно бегло выписывало по-французски, потому что язык мальчик знал отлично, да и Флобер с Мопассаном читались и перечитывались им с упоением. Проба пера была ещё робкой, но мальчик у папы Бабеля уродился требовательным и самокритичным, самому себе не врал, считал, что диалоги у него удаются, а вот пейзажи и авторские измышления из рук вон. Однако он искал и не сдавался и со временем сумел-таки нащупать ту верную строку, которую критики потом назовут «иронической патетикой» и «бабелевским колоритом».

У рождённых под знаком Рака взять быка за рога получается не сразу. Молодому автору пришлось побегать по редакциям,

откуда коренастого и не очень привлекательного юношу выпроваживали и советовали поискать себя в коммерции. Безуспешные набеги так и продолжались бы, но однажды на пути у целеустремлённого автора возник певец соцреализма Алексей Максимович Горький. Он-то и углядел яркое дарование в ранних рассказах Бабеля. Однако дарование, по мнению мэтра, находилось пока в зачаточном состоянии, остро требовало развития и нуждалось в твёрдом стержне. Алексей Максимович умел всматриваться в окружающую действительность зорче сокола и буревестника, вместе взятых, а главное, знал, как и где обретают такой проницательный взгляд. Он и посоветовал Бабелю не толочься вокруг да около литературы, а отправиться за жизненным опытом «в люди».

За семь лет поисков правды жизни автор хлебнул всякого и узнал, почём фунт лиха, и, как позже он сам написал в «Автобиографии», научился выражать свои мысли ясно и не очень длинно. Почтительность к Горькому Бабель сохранил на всю жизнь, а Горький не уставал восхищаться литературными заслугами Бабеля. Особенно когда была опубликована его «Конармия» – книга о буйной и жестокой ватаге идущих на смерть и обрекающих на смерть других ради победы революции. Это была книга о том, что пережил сам автор, тот самый еврейский мальчик Изя из приличной семьи. «Я не умею выдумывать. Я должен знать всё до последней прожилки, иначе ничего я не смогу написать. На моём щите вырезан девиз – подлинность!» – говорил друзьям Бабель, накрепко усвоив уроки певца соцреализма. «Конармия», собранная из множества набросков, дневниковых записей и разрозненных рассказов, выдержала десятки изданий и была переведена на многие языки.

РЕКОМЕНДАЦИИ

☉ РАК

Засучите рукава. На ордена с медалями рассчитывать не придётся, поэтому работать настраивайтесь безвозмездно. Отвлекаясь на перекуры и перекусы, рассматривайте фото с морей и горных походов. Отпуск может выдаться не скоро.

☾ ЛЕВ

Сети роковых страстей готовы поймать самых доверчивых представителей знака. Идите вперёд смело и с высоко поднятой головой. Романтическое приключение поможет встряхнуться, если не превращать его в древнегреческую трагедию.

♋ ДЕВА

В этом месяце ожидается небывалый приход и приезд гостей. Распахните окна и двери, накройте столы и откупорьте бутылки с вином.

♌ ВЕСЫ

Пройти месяц без ям и кочек удасться не всем. Чтобы надежда вселилась в сердце на постоянной основе, рекомендуется преодолевать препятствия, опираясь на плечи верных друзей.

♏ СКОРПИОН

Вредные привычки лучше всего оставить за бортом месяца. Сказав твёрдое «нет» алкоголю и табаку и освоив ближайшую беговую дорожку, можно будет пройти неделю за неделей бодрым шагом.

○ СТРЕЛЕЦ

Всем тем, кто по макушку погружился в работу, звёзды обещают подарить пару-тройку запоминающихся вечеров в тёплой компании. Завязавшиеся знакомства окажутся и полезными, и приятными.

○ КОЗЕРОГ

Рекомендуется приложить все силы, чтобы в наступающем месяце отправиться в путешествие. Воссоединение с природой окажет благотворное влияние на ваш измотанный трудом организм.

○ ВОДОЛЕЙ

Внезапный прилив обаяния подарит глазам блеск, нервам – отдых, а душе – покой, если не забивать себе голову малозначительными событиями и ничего не стоящими фразами.

○ РЫБЫ

События начнут развиваться так стремительно, что вам останется только скромно стоять в стороне, играть роль наблюдателя и не терять голову в этой карусели.

○ ОВЕН

Предполагается, что этот месяц окажется самым удачным в году, поэтому успехи в делах дополнятся радостными свершениями в личной жизни. Наслаждайтесь моментом.

○ ТЕЛЕЦ

Летняя жара сыграет на руку, и, пока начальство расслаблено, можно резво продвинуться по карьерной лестнице или выторговать повышение зарплаты.

○ БЛИЗНЕЦЫ

Велик соблазн послать всё дальше и рвануть на тихий необитаемый остров, построить хижину и развести живность. Не стоит разглашать свои планы домочадцам, иначе список желающих составить вам компанию окажется слишком длинным.

Молодая советская власть дала книге зелёный свет, не забыв взять на заметку моментально прославившегося автора.

Куда бы Рака ни закинула судьба, он усердно будет выполнять работу, за которую однажды взялся. Бабель мог годами держать рукописи рассказов в письменном столе, переписывая и выправляя их снова и снова, вымарывая «лишнее» и добываясь исключительной точности слов и ёмкости фраз.

Запираться в квартире, высасывать сюжеты из пальца, вымучивать и «кропать рассказыки» Бабель не умел. Ему нужна была жизнь во всех её проявлениях, нужны были новые люди, свежие впечатления, острые ощущения и сочные детали. В поисках кружащей голову новизны он готов был сорваться куда угодно. Он ездил на Кавказ и во Францию, спускался в шахту посмотреть на работу забойщиков, жил в украинских колхозах, проникал на военные манёвры, ходил на слушания в народные суды, проводил время на конном заводе, мечтал обосноваться в Тибете и мучился, если написанное получалось «вычурным и цветистым». Он опять был «в людях» и вне людей существовать уже не мог. Он был мастером новеллы и говорил, что масштабные вещи ему не удаются и что его темперамента хватает ровно на то, чтобы описать самые интересные пять минут, которые он однажды испытал.

Характер

Поставь Рака где-нибудь в людном месте, и он ни одного пробежавшего мимо не пропустит, обязательно просветит, как рентгеном. Есть у представителей этого знака особая фишка – видеть людей насквозь, всё подмечать и ничего не упускать. Бабель был из таких любознательных, кто суёт свой нос везде и всюду исключительно с одной целью – узнать людей

получше. Горький вздрагивал, когда горячо любимый им автор оказывался у него за плечом, неслышно соткавшись из воздуха. Этот наблюдатель подмечал всё, уделяя деталям особое внимание. Он мог, например, попросить у почти незнакомой женщины вывернуть перед ним свою сумочку или, затаив дыхание, долго подсматривать в глазок. «Он родился с чувствами чрезвычайно обострёнными: зрение, слух, обоняние, осязание – все чувства были у него не как у нормальных людей, а удивительно острыми», – вспоминала его третья жена, Антонина Пирожкова. Неизвестно, что именно – то ли эти его качества, то ли дружба с чекистами и их семьями, то ли его великолепное знание французского, то ли врождённое умение приспособиться к бывшей фонтаном жизни, – стало причиной работы в ЧК. Ходили разговоры, что Бабеля необычайно влекла и завораживала организация, которая вершила судьбы людей и распоряжалась их жизнью. И что вроде бы он собирался написать книгу о ЧК и по своему обычаю полез в самое пекло, охотясь за материалом.

Раки непременно должны находиться в гуще событий и там, в этой гуще, быть своими в доску. «Ты из киндербальзамов, и очки на носу. Какой паршивенький! Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки», – посмеивались над нескладным военным корреспондентом красноармейцы Первой конной. Главный герой большинства рассказов «Конармии» Лютов, а вместе с ним и Бабель, вся эта мятущаяся интеллигенция, напуганная девятиным валом революции, от кого мощные и безжалостные жернова должны были оставить правильно перемолотый революционный продукт, на диво органично вплеталась в эпическое полотно, вытканное автором. И если не сразу Бабели-Лютовы становились конармей-

цам «своими», то уж точно стояли в одном с ними строю.

После службы в Первой конной Бабель продолжал дружить с однополчанами. Многие командиры и бойцы благодарили его за книгу и ждали новых рассказов. Многие, да не все. Например, вождь красной конницы Будённый разгневался не на шутку, пронёсся с шашкой наголо, припечатав и самого Бабеля всякими словами и назвав его «Конармию» клеветой, небывицами и бабьими сплетнями. Говорили, что Сталин тоже задумчиво прищурился и на всякий случай запомнил автора, а вот Горький ринулся на защиту и проехался по Будённому. Пока титаны сражались, остальные зачитывались «Конармией». Как ни ругали автора за непонимание величайших сотрясений классовой борьбы, никто не мог оспорить, что «Конармия» получилась живой и в ней до сих пор слышны биение удалых красноармейских сердец и храп их быстрых коней. Автор стал сначала московской, а потом и всесоюзной знаменитостью. И с Горьким он дружил долго, целых двадцать лет, и считал того своими совестью, судьёй и примером.

Рождённые под знаком Рака умеют держать внимание собравшихся. По воспоминаниям современников, вокруг Бабеля, уже известного писателя, идущего по улицам родного города, мошкаркой кружили одесские «литературные мальчики». Мальчики на легу ловили его слова и многократным эхом разносили их по Одессе. Поклонницы и поклонники гуртом таскались за Бабелем, приезжали отовсюду «посмотреть на писателя» и были счастливы, если уставший писатель выходил из себя и крыл их на чём свет стоит. Хоть все, включая близких, и побаивались острого языка и язвительных шуток «киндербальзама», но стоило тому начать рассказывать оче-

реднюю байку, как слушатели зачарованно раскрывали рты. Этим Бабель пошёл в мать, любительницу показывать в лицах знакомых и соседей. «Вы будете рыдать от удовольствия!» И народ вытирал слёзы от смеха.

Ему многое прощали. И то, что он мог взять аванс и исчезнуть, оставив с носом издателя, и то, что он, идя в ногу со временем, выступал с высоких трибун, клеймя и обличая недавних приятелей. В то же время, когда «воронки» отъезжали от многих домов, к нему шли с просьбами похлопотать, и он отправлялся к старым друзьям и поднимал былые связи. Он раздаривал всем и свои часы, галстуки и рубашки, и вещи своих близких, считая, что они, вещи, для того и нужны, чтобы их дарить. В комнате его, уже известного писателя, стояла самая простая мебель. Писатель пристраивался с рукописью на верстаке или за кухонным столом. Или, подбирая верное слово, бродил по комнате из угла в угол, наматывая на пальцы верёвочку. Или забирался на диван, поджав ноги, и сидел так часами.

Он не любил, когда его зажимали в угол журналисты, расспрашивая о работе и литературных планах. И «сочинял», по его собственному выражению, часто убегая из дома в гостиницу или прячась в подмошковой глухомани, подальше от всех, с ужасом ожидая поездов, на которых могли прибыть за рукописями раздражённые несоблюдением сроков редакторы.

Личное

Раков любят. Причём во всех видах: и писаных красавцев, и просто красавцев. И даже тех, кто в таких списках не значится. Бабель был из последних. Однако он не унывал и брал крепости обаянием. По крайней мере, три из них пали под его натиском. Причём «крепости» были одна краше другой и родили Бабелю двух дочерей и сына Эммануила.

Первой сдавшейся стала Евгения Гронфейн, дочь киевского промышленника. Старик Гронфейн схватился за сердце, узнав, что его зятем будет нескладный сын мелкого коммерсанта. Влюблённые на промышленника наплевали, дали дёру и лелеяли свою любовь где-то на задворках, пока революция не потряхнула из старика Гронфейна не только его капиталы, но и мысли о классовом превосходстве. Теперь зятя любили и даже гордились им, уже известным писателем с приличными гонорами и Горьким в друзьях.

Обаяние помогло Бабелю охмурить и актрису Тамару Каширину, а потом, когда с актрисой не заладилось, то и инженера-конструктора Антонину Николаевну Пирожкову. Инженер-конструктор не только преподавала на кафедре тоннелей и метрополитенов Московского института инженеров транспорта и писала учебник по строительству этих самых метрополитенов, но и была такой красавицей, что раскрасневшийся от удовольствия Бабель водил её показывать всем своим друзьям. После ареста мужа Антонина Николаевна так и не вышла замуж, хотя ей было всего тридцать. Она ждала Бабеля долгих пятнадцать лет, пока не получила сообщение о его расстреле, добилась реабилитации мужа, собрала архив и сделала всё, чтобы были изданы его сочинения. Антонина Николаевна прожила последние годы в Америке и написала книгу воспоминаний.

А Бабель, проведя большую часть жизни в разъездах, не хотел эмигрировать. Он всегда хотел поселиться под Одессой, у моря, в тихом месте, где можно было гулять по берегу, пить собственноручно заваренный крепкий чай с кизилковым вареньем, завтракать бычками и писать химическим карандашом выверенные и выстраданные до последней точки рассказы. ☺

Архивности

«Нескольким царицынским священникам Синод поручил передать иеромонаха Илиодора светской власти. Священники отказались, заявив, что после выполнения миссии у них не останется «ни ряса, ни волос».

«Русь», 1910

«Решением суда из романа Н. Арцыбашева «Санин» удалено описание, начинающееся словами «она вскрикнула ещё раз...», до слов «...и закрыла глаза».

«Русское слово», 1910

«Флирт есть специфическое явление нашего века с его полудевственницами и половыми неврастениками, имеющими нестойкие понятия о долге и чести, утратившими в атмосфере пресыщенности все свои руководящие цели жизни. Сколько бы ни толковали флиртующие о мистических токах, родстве душ, ничего, кроме искусственного раздувания похоти, в нём нет».

«Молва», 1908

«Вчера на скачках скончался купец Тамарин, обрядованный тем, что его лошадь пришла первой. Когда роковую победительницу взвесили, то оказалось, что ей недостаёт нескольких фунтов, и на этом основании она была лишена приза. По-видимому, купец был обречён: не умри он от счастья, он точно умер бы от горя, что лишился куша, который считал в кармане».

«Московский листок», 1902

«Одна водочная столичная компания наводила губернские города передвижной рекламой своей продукции. Реклама сделана в форме православных хоругвей, в центре которых вместо ликов святых угодников изображены этикетки различных водок».

«Губернские ведомости», 1915

«Петербургские портные заверяют, что наши дамы ещё долго не позволят изменить нынешнюю моду на слишком узкие платья, в которых они вынуждены семенить наподобие японок. Уж очень она удобна по крайней мере тем, что в один сундук можно уложить целую дюжину нарядов».

«Петербургский листок», 1911

«Жёнам лордов, подвизавшимся в девичестве актёрками, запрещено присутствовать на церемонии коронации Эдуарда VII. Число этих дам доходит до двадцати».

«Телеграф», 1901

«Интеллигент, обеспеченный средней службой, тонкий ценитель дамских прелестей, в целях брака желает познакомиться с особой не слишком полной, но с большим бюстом. Москва, 41-е почт. отд., предъявителю паспортной книжки № 2229».

«Брачная газета», 1905

«Купчинские дачницы-купальщицы страдают от бесцеремонных нахалов, постоянно подсматривающих за ними. Визг на реке стоит невероятный».

«Жизнь», 1913

hasonpearl

Натуральный жемчуг Сертификат качества

Москва: ТД Дружба +7 926 350 62 22 | ТК Западный +7 926 187 88 26 | ТРЦ Пятая Авеню +7 926 187 88 20
Санкт-Петербург: GALLERY APRIORI +7 921 956 32 65 | **Интернет-магазин:** www.hasonpearl.ru +7 495 937 76 23

ООО "НасонЖемчуг" 127006 Москва Краснопролетарская 9/2-3 ОГРН 1067758224863

СЕЗОННАЯ
РАСПРОДАЖА

до 50%

15 июля - 14 августа

